

Путь Самца
Роман Трахтенберг

Опубликована: 2005

Категории:

Виньетки: Эротическая литература

Роман Трахтенберг Путь самца

Вступление

- Любимая!
- Какая «любимая», если ты мне изменяешь?!
- Если бы не изменял – то была бы единственная, а так – любимая...

Я начал работать над этой книгой потому, что внезапно впервые в жизни остался совсем один. Жены не было. Потому что я от неё ушёл к любовнице. Но и любовницы не стало. Потому что её я выгнал. Каких то других постоянных партнёров на горизонте также не наблюдалось. Потому как с незамужними я держу дистанцию: подружил чуть чуть – и до свидания, пока пока. Ведь они опасны, ибо, в силу своего коварства или ввиду многочисленности популяции, стремятся попасть в «Красную книгу», то есть в твой паспорт. А мои замужние любовницы, с которыми мне было бы удобно, живут по тому же циничному принципу, что и я. То есть приезжают ко мне, когда этого хотят они, а совсем не тогда, когда я подыхаю от тоски в голоде и холоде. Когда некому сварить суп и залечить сердечную рану. Им твои проблемы до фонаря. Желая убежать от такого неожиданного кошмара, я подался туда, куда нормальному человеку пойти и в голову не стукнет: в писатели. И решил посвятить своё творчество тому, чего в моей жизни было навалом, как мусора на помойке, и что однажды вдруг исчезло, как снег в период оттепели. А именно – бабам! Я, правда, не знаю, как бабцы отреагируют на мой труд. Будет ли им интересно узнать, что мы, мужики, часто невооружённым глазом видим все их приёмы, ужимки и прыжки. И что иногда точно знаем, где у них кнопочка, на которую нужно нажать, чтобы всё срослось. А мы знаем, потому что изучаем их всю жизнь и следим за ними внимательнее, чем они думают. Начинаем исследования уже в подростковый период, а заканчиваем... Да никогда конца этому не будет. Вначале, по малолетству, в голове роится только одна мысль: кого бы, кого бы?! Потом мы слегка взрослеем, у нас появляется юношеское эстетство, и хочется уже чегонибудь эдакого. Например, девственной чистоты. И ты изучаешь именно эту горную породу. Проходит какое то время, появляется цинизм, и тянет на проститутку, олицетворяющих мегаполисную грязь. С теми приятней, зато с

этими гораздо проще! Не надо кривляться, уговаривать, они вынуждены принимать нас такими, какие мы есть... Потом приходит осознание того, что вообще не интересен секс как таковой, а хочется любви: чистой и светлой. Сначала с женой, но потом и с ней неинтересно – потому что она уже есть, – и тогда находишь любовницу. Причём талантливую и перспективную, чтобы её общение с тобой не прошло даром. Ты ведь уже известен и богат, и можешь ей помочь. Тебе кажется, что девица, которая строит себе карьеру, по гроб жизни должна быть благодарна тому, кто поможет ей выйти в люди. Ты думаешь именно так потому, что сам был бы благодарен подобной помощи – в своё время. Но ты и тут просчитываешься. На поверку эта вулканическая порода: любовница и начинающий талант в одном лице оказываются одной, да притом ещё и самой заурядной бл...ю... Пытаешься воссоединиться с женой. Но не факт, что тебя теперь примут. Поэтому приходится постоянно просить у неё прощения только мысленно, удивляясь самому себе. Надо же, думаешь ты, с ней жизнь началась, к ней же и возвращается. А ты все искал искал, все выбирал выбирал. Все думал, что, может, повезёт, что, может, найдёшь лучше. Но лучшее, оказывается, всегда было рядом. То есть ты, подобно экскаватору, зарываешься все глубже и глубже, вынимаешь пласт за пластом до тех пор, пока не оказываешься на самом дне самого глубокого ущелья. Теперь уже некуда двигаться: вниз – невозможно, наверх – не вернуться. Говорят, что люди не летают. Нужно только уточнить – не летают вверх. И ты теперь – как Колобок: «И от бабушки ушёл, и от дедушки ушёл...» Почему то, только когда тебя хочет съесть Лиса, ты понимаешь, что самое главное в жизни – это семья. Правда, некоторые видят главное сразу. Есть такие уникалы. Я, к сожалению, не такой – я ОБЫКНОВЕННЫЙ. И мне придётся не раз покаяться за свои ошибки. О семье пишу немного. Самое важное пусть останется за кадром. Я же расскажу о... проблемах. Главная – это выбор: мы никак не можем его сделать и на что то решиться. Ведь нам кажется, что чем дальше и глубже, тем лучше и моложе. Нам – это большинству мужчин, которые в книге обозначаются термином «самцы». Иногда мы до старости, как дети в магазине сладостей: одну конфету держишь в руке, две во рту, а при этом ещё и пожираешь глазами прилавки. И пока все здесь не перепробуешь, боишься, что самую вкусную всё таки упустил. Перепробуешь все – получишь дикую изжогу. Вылечишься, придёшь в себя – подумаешь, а почему бы не поделиться опытом с другими? Причём предельно честно и местами цинично. Пусть я кому то покажусь

самоуверенным, ну извините. Я всё таки артист и поэтому должен всегда быть уверенным в себе и в своей правоте. ... А кстати: у баб те же проблемы. Они точно такие же дети в кондитерском отделе. Честное слово. Девочка плачет, Что делать – не знает: Одного члена мало, А два не влезает. У меня свой клуб, где есть стриптиз. По долгу службы и из чисто мужского любопытства я ежедневно общаюсь с танцовщицами. Так что эту общечеловеческую драму я вижу и с женской стороны. И даже регулярно пытаюсь предостеречь девиц, предупреждаю, где они могут проколоться: «Самое главное – это семья, дуры!»... Без толку. Ведь они уверены, что с этим парнем завести детей не стоит; ведь, может быть, именно сегодня появится настоящий принц, завтра – второй, послезавтра – третий. Потом на неё позарится миллиардер, и она, наконец то, выйдет замуж. Не тут то было. После послезавтра мне приходится говорить: «Все, деточка. Ты уже старуха. То, что ты не замужем, – проблема твоя, а вот то, что при взгляде на тебя, танцующую, создаётся впечатление, что ты разлагаешься прямо на сцене, и от тебя отваливаются куски мяса, – моя. Ты уволена. Прощай!» Баба, у которой отнимают последний шанс, – странное создание: она и беззащитна, как ребёнок, которого почему то выставляют из магазина, и опасна, как пожилая ядовитая кобра. ...Кстати, почему бы мне не начать непосредственно с женского вероломства?

Хочу! Хочу! Хочу!...

Учитель кладёт на стол кирпич и спрашивает: – Дети, о чём вы думаете, глядя на этот кирпич? – Как много больниц можно построить из этого кирпича! – Как много школ и детских садов! – О бабах! – Вовочка, ну какая же связь между кирпичом и бабами?! – Никакой! Я всегда о них думаю. То, что бабы могут быть коварными и кого то подставлять вместо себя, я понял в четырнадцатилетнем возрасте. «Ну Ромка, ну че ты к нам пристаёшь!» – жеманно вопили одноклассницы, отбиваясь от моих нахальных приставаний. Хотя, прошу заметить, приставания эти происходили всегда в доме моих родителей, куда девочки сами же и напрашивались. Привлекал их, правда, не столько я, сколько наш холодильник, где стояли разные деликатесы, приносимые моей матушкой стоматологом с работы. Девчонки пожирали сгущёнку и конфеты, которые в те времена были жутким дефицитом (о чём я по наивности даже не подозревал), и за это терпели то, что я, пользуясь случаем, хватал их за грудь. А может, им это и нравилось? По крайней мере, они не выказывали особого неудовольствия. Даже напротив: разгорячённой толпой мы носились

по комнатам, сбивая с кровати покрывала и скатерти со столов. «Ну Ромка, а знаешь, че мы тебе скажем? – однажды хитро сообщили девочки. – Приставал бы к Наташке. Это которая в соседнем подъезде живёт. Она на год нас старше. Наташка же всем даёт». ...Сейчас я понимаю, что девчонкам просто не хотелось упускать возможность безнаказанно являться в гости ко мне и холодильнику. Потому что им, подрастающим женщинам, хотелось, чтобы сгущёнка у них была, а им бы за это ничего не было! Наташку они, не сговариваясь, подставили. Девочка эта была глупенькая, хоть и старше нас. Она уже подрабатывала кассиршей в магазине и училась в вечерней школе, так как семья у неё была небогатая. И вряд ли Наташка всем давала в силу возрастных причин. Время тогда было другое. Но заявление своих одноклассниц я принял за чистую монету. Тем более что вообще фраза «Наташка всем даёт» может любого четырнадцатилетнего мальчика выбить из колеи! Ясно, что вскоре ни о чём другом я думать не мог. И разрабатывал план, чем завлечь Наташку. То обещал ей хорошую музыку, но музыкой она не особо интересовалась. – А у меня концерт Райкина на кассете есть, – сообщил я, следя за реакцией. Это её заинтриговало. Концерт Аркадия Исааковича я записал на спектакле. Но переписывать его на другие носители при тогдашней технике был сущий геморрой. Впрочем, этот подвиг я совершил. Чего только не сделаешь, раз «Наташка всем даёт!» Да ааа, всё таки это магическая формула. ...Но и после этого Наташка заявила, что ей со мной все равно некогда общаться. Ей надо реферат писать. По «Малой земле» Брежнева. – Я помогу! – завопил я. Писать его я, конечно, не собирался, сославшись на то, что всё должно быть написано её почерком. Но я свершил «огромный труд», подчеркнув в книге все важные места, которые «всего лишь надо было тупо перенести на бумагу». И снова примчался к Наташке. – Вот смотри, всё сделал! Тебе только переписать. Ну а давай ты мне за это... И неожиданно для себя я с ужасом понял, что попросить главное не успеваю. Через час начиналось собеседование в техникуме. В училища и разного рода техникумы тогда собрались поступать многие ребята после восьмого класса. И я в том числе. Ведь, во первых, там платили стипендию. А деньги в кармане прибавляли возраст и «вес». Да и при знакомствах на улице с бабами говорить, что ты школьник, было беспонтово. То ли дело студент! Но именно сейчас две мечты: сбежать из школы в техникум и переспать с Наташкой – жестоко совпали по времени. Надо было что то делать, и я решил ограничиться тем, чтобы попросить у неё мзду – «в виде раздеться». – Наташ, а

хоть покажи свою... Ну, между ног, а? Только быстро, а то у меня собеседование сейчас. – Ты с ума сошёл, родители дома! В этот момент я понял, что Бог есть: входная дверь хлопнула! Они ушли! Значит, её отмазка уже не годится. – Ну, Наташ, видишь, их уже нет! Показывай. Только быстро, а то у меня собеседование. – Не знаю ююю даже. – Ну, Наташ. Я же спешу. Ну давай. Она уже томно вздохнула, задумавшись о своей девичьей судьбе, как... в дверь позвонили! Как нельзя некстати припёрся мой одноклассник. По фамилии Пышкин, которого мы называли Залупышкин. Впрочем, несмотря на фамилию, он был кучеряв и мускулист, а также высок. Серьёзный конкурент мне, ведь у меня рост в то время был метр сорок девять. А Залупышкин, надо сказать, тоже сильно запал на фразу «всем даёт». И, как и я, принялся ухлёстывать за Наташкой. При этом он полагал, что у него прав больше. Ибо он нравился Наташке чуть больше. – Откройте! – стал орать он под дверью. – Я знаю, что вы дома! – Ну, вот видишь, – облегчённо прошептала она. – Теперь ничего не получится. – Все получится. Мы же тихо сидим. Он поймёт, что никого нет дома, и уйдёт! – Не похоже, – шептала она. И, кажется, была права. Гад Залупышкин все названивал и настукивал. Как раненый вепрь, он бился в истерике в дверь: «Я знаю, что вы дома а!» «Тоже мне экстрасенс», – думал я, вовсе не собираясь отступать от своей цели. Все же я полдня трудился над «Малой землёй»! Так я теперь все брошу, и пойду открывать! И я продолжал настойчиво шептать Наташке: «Показывай. Только быстрее, собеседование же сегодня!» И вот, с тяжёлым вздохом, словно расставаясь с кошельком, она потянула вниз трусы. Я увидел только край лобка, покрытый волосами, и... ничего больше. Ноги она сжала так, словно её туда могла укусить змея. Но мне же было четырнадцать! И только от этого зрелища многие мальчики моего возраста, выросшие в советской стране, были бы счастливы! ...Сильно опаздывая на собеседование, я выбежал из подъезда. Мысль о Залупышкине вылетела из головы. Он не издавал звуков вот уже пять минут, наверняка свалил домой. Оказалось, не тут то было! Он сидел на соседней лавочке. И, увидев меня, озверел: – Ах, это ты! Я тебя сейчас... я тебя... Вообще убью! – Давай вечером убьёшь, – взмолился я. – У меня собеседование. Я опаздываю. – Нет, сейчас, – завопил он, бросаясь в погоню. – Да некогда же, давай вечером. – Нет, сейчас! – орал он. – Вечером у меня другие дела. И вообще, может, настроения не будет уже такого. Но я уже втиснулся в автобус... Больше я не встречался с Наташкой, мне было неловко. А трахаться, тем не менее, очень хотелось. Потому не

меньше раза или двух в неделю мы совершали вылазки по городу или в ЦПКиО для «знакомства с бабами». Я при этом был заводилой, потому что, несмотря на маленький рост, у меня все ж таки был очень хорошо подвешен язык. Да и выглядел к тому же взрослее «коллег». Представители Востока очень часто выглядят старше своих лет. Чтобы казаться солиднее, я обычно надевал шляпу, перчатки и брал зонт. Сейчас понимаю, как это все смешно. А тогда было совсем не до смеха. «Телки» – которым, понятно, было не больше, чем нам, – ходили всегда по двое, по трое. Причём, обычно одна была слегка симпатичная, а вторая намного страшнее. Красивые девочки всегда ходят в паре с отвратительными жабами. Я слышал даже высказывание на эту тему, что у «настоящей женщины подруги должны быть старые, страшные и лысые». Поэтому для начала мы их немного обгоняли, бросали «случайный» взгляд на мордочки и, если решали, что телки, в принципе, ничего, начинали знакомство. Я пристраивался с одной стороны, приятель – с другой. – Здравствуйте, а давайте познакомимся. Меня зовут Роман, а моего друга Андрей, – начинал я. – И что? – Может, в кино сходим. – А зачем? – Посмотрим. – А мы в кино не ходим. – Ну давайте в музей. – В музее тоже. Тогда мы могли спросить, а куда идут они? И затем сказать, что и нам туда же. Иногда сразу чувствовалось, что тут ничего не выйдет. Иногда знакомства удавались. Но как бы там ни было, дальше обниманий дело все равно никогда не шло. Помню, как то одна из новых знакомых даже позвала к себе, – я весь замер от предвкушения – и решил, что вот сейчас ей засажу! Сейчас сейчас!... – Правда, не знал как. Знал только одно страшное и манящее слово. Но был уверен, что мать природа поможет. Куда там. Юная крошка уселась мне на колени, обхватила меня ногами, и три часа бедный член стоял навтыжку, как караульный у Мавзолея, но так ничего и не получил. Девчонки с удовольствием принимали от меня приглашения на дискотеку, ведь я платил за вход, за еду и выпивку. Только после – они всегда нахально уходили с другими. Я винил во всём свой рост, проклинал его. Меня тогда ведь даже в кино не пускали. К тому же то, что я не мог сходить на фильмы «детям до 16», ещё куда ни шло. Но однажды билетёрша не пустила меня на фильм «детям до 14», куда мы пришли всем классом! Все сели смотреть, а мне пришлось бежать домой за свидетельством о рождении. Однажды я нашёл дома старый полевой бинокль. Нетрудно догадаться, что все соседи из дома напротив стали мне как родные. Пару раз я видел, как из душа выходит голая баба. Но ещё больше потрясла меня сцена, подсмотренная

мною во дворе. Две девочки первоклашки, забравшись в самую чашу деревьев, играли в семейную пару. Одна изображала маму, вторая папу. Придя с работы, «папа» деловито поцеловал «маму» в щёчку. Потом отужинал песочными кренделями и занялся с «мамой» сексом. Почти вдавив в песок свою подругу, вторая девочка старательно вертела над ней попкой в растянутых колготках, засаживая ей несуществующий орган. От этой сцены в мозгу у меня все поплыло. Успокоиться я не мог и дрочил до офонарения. Надо сказать, подсматриваемые картины жизни давали мне понять, что не только я и мои приятели озабочены сексуальными желаниями. Ведь тогда в советской стране было такое ощущение, что никто не трахается. Все святые. И потому каждый подросток, оставаясь один на один с собой, мучился чувством испорченности. Я поначалу даже не знал, как получать обыкновенную разрядку. И не знал, у кого спросить! Уже и искривлял член, и бил им себя по животу, и ничего не мог добиться. Как же это делается, подскажи, мать природа! Кончил первый раз, когда крутился на нём. Ужасно тогда испугался. Думал, там что то лопнуло. И все таки ощущение было незабываемое! ...Так длилось пару лет: невинные поцелуи со старшеклассницами, подглядывания, тихий онанизм. И вот однажды приятель, который был постарше, позвал меня на пьянку в честь своего ухода в армию. – Кстати, – сообщил он. – Могу познакомить с проституткой. Она берет 25 рублей. – А че так дорого? – протянул я. На самом деле, предложение было более чем интересным. Ведь для первого раза, конечно, лучше проститутка. Потренироваться. Чтобы потом, когда начнутся серьезные отношения с какойнибудь мамадой, не опозориться... Но всё же двадцать пять рублей – немаленькие деньги. Это почти все мои сбережения. – А ты поторгуйся, – цинично брякнул он. Я стал торговаться, зная, что в итоге все равно отдам столько, сколько она просит. Выбора тогда было крайне мало, а хотелось чрезвычайно много. И практически – все равно кого. И самое неприятное, что все друг другу рассказывали, какие они суперсамцы, и ты в это верил. Поэтому – оставаться дальше девственником и жить в глухом неведении о самом главном деле жизни было мучительно. К моей радости, проститутка согласилась скинуть цену до пятнадцати рублей и бутылки коньяка. Из этой бутылки мы ещё немножко для храбрости выпили. ...И я стал мужчиной! Потом ещё раз! И ещё!... Точно не помню, кажется, это произошло раз шесть. Я, конечно, скрыл, что впервые дорвался до женского тела. Наврал девушке, что тёртый, опытный кобель. Она сделала вид, что поверила, и, как ни в чём не бывало, попросила

принести ей воды. Я помчался на кухню. Кретин! И мысли не допустил, что она и сама может сходить за водой. Пока я бегал, она спокойненько спёрла золотое обручальное кольцо моей матери. Вечером пропажу обнаружили. Пришлось врать, что ко мне приходил друг. Но сейчас уже невозможно предъявить ему претензии: не пойман – не вор. – Ромочка, – вздыхала мама. – Не надо дружить с такими людьми. Кто же так поступает? Может, всё таки позвонить его родителям? – Нет! Нет! – умолял я. – А вдруг это не он? Ну мало ли что. ...Кольцо я купил матери через несколько лет, как только стал зарабатывать самостоятельно. Того приятеля, которого так некрасиво оболгал, пришлось больше не пускать и дом: родители бы не поняли. Но всё таки!... Всё таки, самое главное событие в жизни питерского шестнадцатилетнего школьника свершилось! И даже это неприятное происшествие с кольцом не омрачало радости. Я стал мужчиной, настоящим самцом! Мне, как и многим моим ровесникам, наконец то покончившим со своей девственностью, казалось, что вот теперь то «мы круты». Вот теперь то все самое трудное позади. Теперь то жизнь наладится. Ну, где же вы, девчонки?! – Давай потрахаемся? – Не могу, у меня месячные. – Тогда в попу. – Не могу, у меня геморрой. – Тогда в рот. – Не могу, у меня кариес. – Тогда в нос. – А это как? – А ВОТ КАК!!! (кулаком в нос). Итак, я стал мужчиной. Стал мужчиной и теперь чётко представлял, как и что делать в постели с бабой. Был, так сказать, горд за себя и всегда «готов к бою». Но только бабы почему то по прежнему не давали! Они, наверное, вообще не особо дающие в этом возрасте. Их ещё не тянет в постель к своим ровесникам. Что последних доводит просто до иступления. Почему все так несправедливо? Я в те времена только слышал замечательные истории о женщинах, которые выбирают себе в партнёров молодых сексуальных мальчиков. Я был именно таким, но не видел этих женщин. «О, где же ты, моя прекрасная блудница, – хотелось кричать мне, – я тоже буду сильно и много тебя любить. Ау!...» А в ответ – тишина. Утешало одно. Не я первый, не я последний, кто прошёл через это. И сколько бы нам ни говорили тогда, что нужно совсем чуть чуть подождать, лет примерно до двадцати, и девчонок станет навалом, слушать этот бред больше не хотелось. Потому что до двадцати лет не доживают. Хотелось сейчас, сразу, немедленно. Но, как ни крути, дело с этим обстояло туго. Правда, в жизни всегда находится место чуду. – Мы тут хотим гденибудь с бабами посидеть, – как то сообщил по телефону товарищ. – Нас двое, а их трое. Мы к тебе придём. Ладно?... У тебя же дома никого? Вот он – шанс. –

Приходите! – сразу выпалил я, ожидая чего то необыкновенного. Вскоре ко мне завалилась компания. Два парня, девчонки... Я уже стал прикидывать, которая моя, но и девчонок оказалось двое. Как?! Заметив разочарование на моём лице, приятель шепнул. – Она заболела, понимаешь. Не смогла прийти. Ну не отменять же нам все. – А мне отменять? – набычился я. – Пьянки не будет! – Да погоди, – сказал приятель, – На, возьми телефон тёлки, позвони, скажи, что в автобусе с ней познакомился. Вообще то это я с ней познакомился, но какая разница. Сейчас, конечно, понимаешь, что эта афёра шита белыми нитками. Но тогда... Вера в чудеса двигала нами. И я, будучи прирождённым артистом разговорного жанра (на тот момент разговорного), матерел на глазах. – Але, Марина, а это Роман. Как дела? – Какой Роман? – Ничего себе! Сама дала мне телефон, а теперь не помнит. В сто седьмом автобусе. Давай приезжай в гости, мы тут веселимся. – Да? Но я тебя не помню. – Приедешь, вспомнишь. Мы ждём. – А куда ехать? – Ты что, и адрес мой потеряла? Ну ты даёшь! Записывай... Я был настолько убедителен, насколько мне хотелось трахаться, то есть очень. И девочка поверила. Мы уже выпивали, когда она появилась на пороге. На меня, разумеется, уставилась удивлёнными глазами: «Я же, кажется, с другим знакомилась. Вот с этим». – Ты что?! Он же эстонец из Нарвы. Вчера только приехал, – заверил я. Приятель включил эстонца. Что что, а «эстонский» мы умели подделывать... Нарва ведь недалеко от Питера, так что эстонцы здесь не вызывали удивления. А вот уважение – да. Чем мы, умело изображая их, пользовались. Когда двое что то чрезвычайно убедительно доказывают, третий поневоле начинает верить: и девочка купилась. Иногда, правда, в течение нашей вечеринки в её глазах мелькало сомнение, но мы его тут же рассеивали. В тот день мне повезло больше других. Бабы то, естественно, им не дали, так что в конце концов все разошлись, а моя тётка осталась. – Я тебя довезу до дома, – пообещал я и полез к ней обниматься. – Вот сейчас, через минуточку пойдём... И буквально через пару минут мы пошли... в спальню. Чуть после, лёжа в кровати, она задумчиво глядела в потолок и говорила, что никак не может меня вспомнить. – Слушай, как раз, давай ещё разочек и вспомним, – предлагал я, так как мне думалось о своём. Нужно было из неё выжать все по максимуму. Чудеса – такая редкость. А пустая болтовня в постели – непозволительная роскошь. Вот сейчас она все вспомнит, наденет трусы и уйдёт. И мы начали по второму кругу. Примерно в середине круга третьего моя фея сказала, что все равно не помнит, чтобы давала мне телефон. –

Давала, давала, – ещё раз, насколько мог правдиво, заверил я. Ещё через минуту она сообщила, что кончила, а меня так и не вспомнила. А ещё секунд через двадцать девять тридцать заявила, что вообще уходит. – Куда?! – изумился я. – В ночь?! – Дебил! Сейчас всего пять часов! – Правда?! И тут я вспомнил, что вот вот вернётся мать. Нужно было действовать быстро: «Если хочешь – можешь идти. Я тебя провожу». ...В подобном обмане девочек не было подлости. Это была ложь во спасение: вынужденная производственная необходимость. Поиск БОЕВЫХ ПОДРУГ являлся слишком трудным делом для одного не слишком опытного самца. Потому мы сбивались в стаи и помогали друг другу, как могли. Каждый приносил посильную помощь. Я умел уговаривать, у другого водилась «капуста», а у третьего вся стена на кухне была исписана телефонами БАБ, которыми он легко делился. Делал это с видом знатока, важно сообщая, что вот эта ничего в постели, вот эта... Типа, всех переимел. Конечно, ему не верили. Но всегда оставалась маленькая надежда, что вдруг он не все наврал, а кое что просто приукрасил, ну не перетрахал, а перецеловал, ну не перецеловал, а перещупал. Тогда все ввали понемногу. Чегонибудь и какнибудь. В несколько тысяч раз преувеличивать победы и «слегка» приукрашать ситуации считалось нормой. Как, собственно, и знакомиться в автобусах, ходить в гости, драть в туалете, обмениваться телефонами девчонок... А как же не обмениваться? Не вышло у тебя с ней, передай другому... пускай и он облажается. В шестнадцать лет каждая неудача тяжела. И поэтому тогда каждый должен был чётко понимать, что таких, как ты, миллионы. И понимать – понимали, но легче от этого не было. При этом я считал, что мне особенно тяжело. У меня маленький рост, я очень умный, а эти твари любят красивых, высоких и кудрявых. Однозначно. Так что же мне остаётся?! До сих пор не забуду, как однажды ко мне пришли ребята с девочками. Две парочки разбрелись по комнатам, а я остался на кухне с какой то бурёнкой. Чудо, которое взяли для ровного счета и на которое я надеялся, – жирненький трогательный колобок – всхлипывало у меня на плече и рассказывало, как сильно нравится ему мой товарищ. Я пытался её успокоить и, главное, убедить, что я тоже на что то гожусь. Но ничего не помогало. «Она ушла, любви не понимая», и я остался один. Подсчитал убытки... Да, я забыл сказать, что у меня был, да и сейчас ещё, к сожалению, есть младший брат. Когда ко мне приходили приятели с девочками, брата приходилось выставлять из дома. Каждый час его «гуляний» мне стоил рубль. Рубли я давал ему железные юбилейные из своей коллекции

(позже, правда, все отнял). А вечером того отвратительного дня ещё и пришедшая с работы мама некстати поинтересовалась, почему у нас стоят в ряд лишние пять пар тапочек. У нас были гости? – Нет, нет, – с ходу пришлось сочинить какую то нелепую ложь, – Тапочки все упали с верхней полки, я расставил. Убрать наверх забыл. Мама тактично сказала, что я могу приводить домой друзей и девочек, но чтобы папа не замечал... Угу, приводить. А деньги откуда?! Да и не дают они, девочки эти... Правда, и в те пуританские времена существовали такие места, где все способствовало возникновению интимности: пионерские лагеря, например. Вот где сам Бог велел отрываться. В лагерях я отдыхал до упора, до самой крайней возрастной отметки – шестнадцати лет. Мой отец, хотя и был директором клуба и имел высшее гуманитарное образование, обычно устраивался кочегаром в лагерь на все лето, чтобы присматривать за мной и младшим братом. А матушке, практикующему дипломированному стоматологу, приходилось служить там же сестрой хозяйкой, чтобы держать нас с братом под железным колпаком. Но и здесь происходило немало интересного. В последний год своего пребывания в лагере я сдружился с шестнадцатилетней девицей, сестрой старшей пионервожатой, толстой девочкой с большими сиськами. Настоящая казачка, единственная моя ровесница на весь лагерь, всем своим видом и поведением подбивала меня на то, чтобы гулять по взрослому. Мы частенько обнимались. Я её хватал за грудь, что было очень волнующе; и развязывал ей тесёмки на сарафане, что было очень романтично, так как она ходила без лифчика. Я даже пытался дать ей в руку «колбаску», но «хот дог» все равно не получался. Она не понимала моих желаний, я – её упорства. Ей очень хотелось целоваться, а мне... Короче, я её не догонял. Думаю, если бы мы начали целоваться, минут через пять или шесть её можно было бы трахнуть. Но тогда эта умная мысль не приходила в мою светлую голову. Однако некое подобие любви у нас все же развилось. То, что это именно она (имеется в виду ЛЮБОВЬ), стало понятным, когда казачка не явилась на свидание. Я весь изнервничался, издёргался. Но оказалось, что мы просто напросто перепутали лужайки и ждали друг друга полтора часа в разных местах. Оба сильно переживали и злились. Потом все выяснили и помирились. На радостях я снова попытался её раздеть. Но она, зараза, опять не дала! И очередной вечер в пионерском лагере перестал быть томным. А наутро она сообщила, что через час они с сестрой идут мыться в баню. После чего она снова пойдёт со мной гулять. «Ну, хоть что то!» – решил я и... полез на

черепичную крышу парилки. Там, вывалявшись, как следует, в пыли и найдя возможность проковырять дырочку, замер в засаде. Проторчав на ней пару тройку часов, – вот бабы! за временем следить не умеют! – я притомился и начал разминать усталые члены. Тело, понимаешь, затекло. И в этот самый момент они заявили. Я замер. Сейчас начнётся! Вот они сели на скамейку. Вот они сняли платья. Вот они... Но что то, видимо, вызвало их подозрения. Видимо, от моих трудов с потолка посыпалась пыль. Они истерично позвали истопника. Тот вычислил меня на раз два три. Этот доморощенный альпинист полез на крышу и за ухо, самым нахальным образом, стянул вниз. Я понял – теперь меня с позором выгонят из лагеря и эта история станет достоянием гласности. Но, что самое ужасное, – моя прекрасная толстая девочка все узнает и, как следствие, точно не даст. Но истопник, добрый самаритянин, вероятно, из чувства солидарности, так никому ничего и не сказал. Сейчас я, конечно, понимаю, что если бы за такую ерунду выгоняли из лагеря, то мальчиков там и вовсе бы не осталось! Это же просто мелкое хулиганство, ну, как, например, вымазать ночью спящих товарищей зубной пастой. Кто этого не делал, скажите? Именно так, держа в руках фонарик и пасту, я повстречался с очередным чудом. Она приехала с актёрским отрядом. Эти девчонки занимались в разных театральных студиях и в лагере жили бесплатно. От них требовалось только показать какойнибудь спектакль перед закрытием. А мы, артисты любители, решили показать им спектакль пораньше и ночью полезли к ним в палату с банальной пионерской целью – измазать их зубной пастой. Продвигаясь с маленьким пластмассовым фонариком между железными кроватями, я заметил, что одна из них спит в прозрачных трусах, ну, или полупрозрачных. Причём, одеяло сбилось на сторону. Вот это удача! Подкравшись ближе и подсвечивая бесформенное тело фонариком, мы с приятелем пытались рассмотреть все как можно подробнее: искали нужные ракурсы. А девочка крутилась и вертелась, словно специально демонстрируя все, чем богата. По моему, эта юная нахалка даже и не спала, и, по моему, ей самой нравилось происходящее. Правда, до определённого момента, ибо, когда я протянул руку, решив её потрогать, она что то невнятное буркнула и накрылась одеялом. Ну точно не спала! Мазать мы её не стали, зачем себя обнаруживать. А наутро я «случайно» с ней познакомился. Девочку звали Настей. Мы подружились и продолжили общение после лагерной смены. Она частенько приглашала меня в гости, когда собирались друзья. Дома у неё было интересно. Её папа, капитан дальнего

плавания, привозил из за границы разные эротические журналы, которые мы засматривали до дыр. Я был на пару лет старше их компании. Им всем – ещё по четырнадцать, мне – шестнадцать. Вспоминая это – думаю, может, и не был я таким уж уродом, каким сам себе казался. Пусть не супермен, но, в принципе, нормальный отрок. Мы продружили с ней целый год. Не знаю, может, на самом деле она уже и была готова к сексу и даже его жаждала, но я на это не особо рассчитывал и поэтому присматривался только к своим ровесницам. Переспать с ними шансов больше. Так или иначе, я вскоре потерял к ней интерес, и мы практически перестали общаться. И вдруг после длительного перерыва Настя проклюнулась. Мне было уже семнадцать, а ей, значит, пятнадцать. – Я тебе должна сказать кое что важное, – она чувственно запыхтела в трубку. – Чего? – Я лишилась девственности. – Чего чего? – Я не был готов к такому разговору с ней. – Ну, трахнули меня! – А а? Да ты что?! Видимо, это событие для особой женского пола так же важно и значимо, как и для нас. Им тоже непременно нужно донести его до всей планеты, всем рассказать и со всеми обсудить... А может, и повторить его? Поэтому, на всякий случай, я спросил: «А у тебя ктонибудь дома есть?» – Нет. – Хорошо. Давай приеду, все обсудим. И я помчался. Дома Настя принялась долго с подробностями рассказывать, «как пришла к мальчику, как он её повалил, но как у них ничего не получилось. А потом как она пришла снова, и как тогда у них получилось...» Я заинтересованно кивал, раздумывая, что пора бы потихоньку начать на неё залезать. Процесс пошёл. Со стороны я, наверное, напоминал Винни Пуха, неуклюже пытавшегося взгромоздиться на Сову... Но тут, откуда ни возьмись, заявила её бабушка, которая, видите ли, выгуливала на улице их собаку. Обломавшись и поняв, что что то надо делать, – так как за тот час, что её бабушка выгуляет пса, успеть девочку и уломать, и трахнуть сложно, – я решил пригласить её к себе. Точнее, к своим предкам, то есть бабке с дедкой. С некоторых пор я решил, что БАБ лучше водить к ним. Там было вольготно, трехкомнатно и точно известно, что раньше пяти вечера они не нагрянут. Приехали мы часов в одиннадцать утра, и времени до вечера было навалом. Но я всё же форсировал ситуацию. Чего время то зря терять. – Коньячку! – по детски радостно, перейдя в наступление, с ходу предложил я (коньячок был дедовский, бутылка стояла открытой). – Давай! – не по детски согласилась Настя. И мы выпили! Немного разобрало. Но надо было срочно выпить ещё. Однако я понимал, что больше из этой бутылки пить нельзя. Заметят убыток, и сразу начнутся

вопросы. – А давай теперь вот этого выпьем... Этого, э э, – я даже не мог определённо сказать, что это стоит в бутылке с импортной этикеткой. Но точно алкоголь и, главное, бутылка тоже открыта. – Давай! – бодро поддержала она и вдруг заявила. – Чего ты так мало наливаешь?! Эх, была не была! Ну не убьёт же меня дед из за... непонятно чего. И я бухнул ей граммов триста, которые она бодро, по взрослому, не замедлила выпить. – А может, в постельку? – ненавязчиво, в манере поручика Ржевского предложил я. – П пошли! Настя сломалась на короткой дистанции перехода из одной комнаты в другую. Она стала падать и я впервые увидел, как человек, засыпая мертвецким сном, громко распевает при этом песни. Но мне казалось, что алкогольное опьянение вовсе не преграда для секса, а наоборот – помощь. И, простите, пришла девочка сама, сама попросила налить побольше. Кстати, пила она тоже сама, без всякого насилия с моей стороны. В чём я виноват? Раз ни в чём, так чего ж теперь от главного отказываться?! Настино показательное выступление, однако, длилось недолго. Вскоре девочка неожиданно начала долго и продолжительно блевать. Вначале она уделала ковёр на диване. Тогда я стянул её на пол и притащил какой то тазик, в который она все равно не попадала, потому что не могла даже держать голову. А пока я старательно затираю покрытие на диване, она гробила ковёр на полу. Но, по сравнению с дальнейшим, отвратительная уборка могла показаться приятными хлопотами перед балом. Настя закатила глаза и начала в голос стонать: «О оааа ааоо...» Мне стало страшно. В серьёз. До озноба. Мне семнадцать, ей пятнадцать. Тюрьма. «Что мне делать?! Делать мне что?! Что же, твою мать, мне делать, – в отчаянии метался я по комнате. – Надо позвонить мамочке, она всё таки врач. Пусть лучше на меня наорут, чем посадят». И я стал звонить мамаше на работу, чтобы сообщить, что сижу с девочкой, а она зачем то напилась и почему то умирает. – А че делать то? – Ромочка, ты её не трогал? – сразу же с волнением спросила она. – Нет, нет, – уверил я. – Точно? – с признаками лёгкого недоверия в голосе переспросила любящая родительница. – Точно, точно. А что ты имеешь в виду? – Ничего. Её надо под холодную воду. И я потащил моего «маленького тюленя» к воде. Никогда до сих пор я не мог даже подумывать, как сложно нести человека, который почти без сознания. С меня сошло семь потов. Так как Настя была девочкой мясистенькой и крупненькой, чтобы сдвинуть её, нужны были мускулы Геракла. Как в фильмах про войну, я тащил умирающего товарища через коридор, который, собака, как назло, не кончался. Пару раз её рука,

вся, простите, в блевотных массах, выскользнула, и девочка падала, звонко ударяясь головой о стену. Не дай Бог, соседи услышат. Но, наконец, кое как, с трудностями коридор был пройден. Я закинул полуживое тело в ванну и врубил холодную воду. Эффект получился обратным! Настя принялась стонать ещё громче, ещё ужаснее, а в придачу ещё и посинела, покрывшись страшными пупырышками. Призрак тюрьмы с новой силой замаячил передо мной. Теперь точно посадят, нервничал я. Поймут ли родные, простят ли? Будут ли носить передачи?... И я решил звонить бабушке. У бабки были в роду пьющие люди и даже один настоящий алкоголик. Как никто другой, она наверняка знала, что делать в таких случаях. Ситуацию я сформулировал предельно точно: «Бабка, приезжай. У тебя дома умирает человек. Ты приедешь и найдёшь одинокий охладевший труп, так как меня к тому времени уже увезут в тюрьму». Она приехала через два часа, нахлестала Настю по щекам, дала выпить нашатыря и чаю, сделала холодный компресс и, убедившись, что та уже может ходить, хоть и шатаясь, вытолкала нас за дверь. И даже дала денег на такси. В машине Настюха снова предприняла попытку постонать, но, наученный горьким опытом, я хлестанул её по щеке, чем снова привёл в порядок. Вечером был семейный «разбор полётов». Мама ахала и причитала: «А что же сказали её родители?» – «Не знаю. Я её к двери прислонил, позвонил и убежал. Зачем слушать, что они скажут? Заранее понятно – ничего интересного». Бабушка отнеслась к произошедшему с цинизмом, сказав только, что так нажираться мальчику из приличной еврейской семьи неприлично, а также посоветовала с этой алкоголичкой больше не встречаться. История наших с Настей отношений на этом ещё не закончилась. Так как на следующий день она позвонила и сообщила: «Я поняла. Я совсем не умею трахаться». – Да ну? Своим умом дошла, или подсказал кто?! – Ага. Ты не мог бы меня поучить? – Ну у... А когда и где? – уже более заинтересованно спросил я, справедливо опасаясь приводить её к себе. – Ну, вот у меня бабушка гуляет с собакой каждый день с 4 до 5, может, будешь приезжать? И я приехал. Но все опять было как то неправильно, она кобенилась, а я, уже разочарованный и уставший, вежливо решил послать её по факсу. То есть познакомить со своим приятелем. Он её также пару раз трахнул и забыл. Но, видимо, то, что она не заинтересовала никого из нас, не давало ей покоя. И в голове её роились разнообразные элементы мелкой бабской мести. Как то однажды она звонит и говорит: «Рома, привет. Как дела? Может, приедешь? А то сижу одна, скучаю...» Намёк был ясен. Я поехал.

Оделся, как на свидание. Надел кожаный дедовский плащ. Его шляпу. И вот, весь такой красавец раскрасавец, стою перед её дверью и жму на кнопку. Но... почему то никто не открывает. Тупо жму снова. Звонок трезвонит. Дверь остаётся запертой. Зато сзади на лестничной площадке зачем то появляются три неизвестных малолетних рыла: «Ну, че приехал?» – А вы кто такие? – Сейчас, бля, узнаешь! Сейчас, бля, тебе, бля, будет плохо, нах! Я смотрю, что ребята меня младше, но здоровее. И понимаю, что самое главное – прорваться. Не показать, что боишься. Иначе тебя заруют и убьют или наоборот – сначала убьют, а потом съедят. Малолетки бьют до победного, пока не превратят живого интеллигентного человека в неаппетитный труп, ибо тупы, твердолобы и не думают о последствиях. А я думал. Решил – троих сразу мне не убрать. Значит, надо хорошо дать в рыло хотя бы одному. Тогда избивать меня будут только двое. И, взяв за грудки самого мясистого, я впечатал его в дверь. Звук удара отозвался эхом по всему подъезду. Они явно растерялись, не ожидая такой прыти от «коня в кожаном пальто», и быстро слиняли. Я постоял ещё минуту, приходя в себя. Неужели обошлось? Такого я не ожидал, и тем более от собственной персоны. ...У девочки хватило наглости ещё и позвонить мне. Сообщить, какой я всё таки герой. – А зачем ты, сволочь, это сделала? Объясни. Она что то замямлила на тему того, как она обижена тем, что я воспользовался ею, а потом перестал замечать... По всей видимости, кто то из этих малолеток ухлёстывал за ней и развёл её на жалость, дескать, ну почему же она грустная, почему она плачет, кто её обидел, кто её расстроил... Вот девочка и поплакалась, как жестоко её бросили, как цинично воспользовались её беспомощным положением и т.д. и т.п. А в детстве модно вступаться за девок, бить кому то морду. Наверное, и в тюрьму немало людей попадают по такой же нелепой причине. Я в своей жизни не видел ситуаций, когда за женщину следует вступаться. По крайней мере во времена моей юности и в той среде, где я рос, девочки не попадали в действительно обидные положения. Почти всегда оказывалась права народная мудрость, утверждавшая: «Сука не захочет, кобель не вскочит». Поэтому до сих пор опасаясь дур с инфантильным образом мышления, которые умеют ведь убедить нынешнего мужика дать в рыло предыдущему. Мне кажется, на такое ведутся только малолетние идиоты с кучей комплексов или лицемеры, пускающие дамам пыль в глаза. И часто оба эти определения неразрывны. Но что делать. Даже я в том славном возрасте был недалёк в каких то простых и примитивных ситуациях. Так, например,

умудрился проморгать одно чудо. Познакомились мы в детском санатории. По сути он не очень то отличался от пионерского лагеря. Но в лагерь меня тогда однозначно бы не пустили. Мне уже стукнуло восемнадцать. А для санатория это был предельно допустимый возраст. Сказать по правде, там было неплохо. Я завёл чудесный роман с одной юной феей. Звали её Вика. Мимо спящих воспитателей пробирался я по ночам в комнату, где спали она и ещё две девочки. И укладывался к ней в кровать. А она... ну естественно, не давала! Говорила, что каждая девушка хочет выйти замуж. А если у неё уже кто то был – эта мечта становится неосуществимой. Мысль предложить ей выйти за меня в мою голову как то не залетала. Если бы пришла или если бы девушка поставила такое условие – грамотно разве-ла – наверное, я бы женился. Но в санатории у нас так ничего и не вышло, несмотря на то, что я Вике явно нравился И она даже в какой то момент была готова это подтвердить. Однажды по дороге на дискотеку мне встретилась её соседка по комнате и загадочно сообщила, что Вика заболела и хотела бы меня увидеть. Я отправился навещать больную. Она лежала в комнате одна, да и во всём здании тоже никого не было; все, в том числе и воспитатели, ушли на дискотеку. – Вика, ты чего? Болееешь, что ли? – И тут я заметил, что на ней только трусы и лифчик. С другой стороны, что же здесь удивительного: болеет – вот и разделась. – Угу, – томно ответила она. – Посиди со мною рядом. Сидеть мне чего то не хотелось. Чего сидеть, с больной то?! Дискотека, между прочим, начинается. А если там какая девочка подвернётся? Как такое пропустить? А? Конечно, я об этом не говорил вслух. Я об этом думал, и только об этом; а совсем не о том, что меня ждёт, если останусь. – Ну посиди, – все просила Вика. – Или приляг. Мне же будет скучно одной. Я присел, потом прилёг, раздумывая, что надо с ней немного пообниматься, да и бежать на дискотеку. И мы пообнимались! Она позволила многое. Но я, в свою очередь, помнил, что «каждая девушка хочет выйти замуж», и не позволил себе лишнего. Как настоящий джентльмен пытался держать себя в руках. Кончил в штаны. В ужасе понял, что надо бежать переодеваться, не идти же теперь с мокрым пятном на дискотеку. – Ну, ладно, Вика, пока, – прикрываясь руками, начал прощаться. – Пока, – вероятно, проклиная мою тупость, ответила она. И я ушёл, оставив её «болеть дальше». Осел... или лучше – ИШАК!!! Эта девушка тоже могла стать моей судьбой, сложились все тогда по другому. Только где же в том возрасте взять опыт? А что касается чувств – ими руководит только сексуальное желание. Оно подталкивает на поиски той,

которая даст, так что самцам совсем не до эстетства. Впрочем, и бабы то в этом возрасте ещё не очень сильно отличаются одна от другой. Все только начинают жить. И лишь спустя время мы можем объективно оценить женщину. А пока – лови все, что готово попасться! Так что параллельно моему роману с Викой я том же санатории и в то же лето подцепил ещё одну девчонку. Точнее, наш роман возник уже после того, как она уехала и оставила мне под подушкой письмо на восьми страницах, где писала, что я – её кумир. Решиться сказать об этом лично она не смогла и поэтому пишет об этом сейчас. Такое признание способно потрясти неокрепшее сознание любого восемнадцатилетнего дауна! Я сразу же ответил. Она – мне. Я – ей. Она – мне. Мы переписывались ежедневно. Пять раз в день я бегал проверять почту. И это было очень похоже на любовь. Чистую, прекрасную, платоническую. Платоническую – потому что девочка была из Красноярска. Какие же ещё у нас могли быть отношения?! ...Надо заметить, что все мои передрыги и трудности – переписки и нечаянные проколы с алкоголем – не оставались незамеченными моей семьёй: родители и бабушка с дедушкой принимали в них живое участие. Ведь тот факт, что мальчику пора жениться, был, прямо сказать, налицо. И однажды дедушка сообщил мне, что есть у него на примете одна замечательная еврейская девочка. Из богатой семьи. Папа человек очень известный, мама тоже. Сходи, пожалуйста, туда. Ну... Почему бы не сходить? Надев лучший костюм – финский за двести рублей, – и все то же дедовское кожаное пальто с бобровым воротником и дедовские же ботинки со шляпой, я пошёл на смотрины. Приняли меня торжественно. С накрытым столом. Но, увы, девочка оказалась квадратной и глуповатой. При этом себя она считала безусловной звездой. Она недавно выиграла какую то школьную олимпиаду по какому то предмету, за что её наградили поездкой в Израиль. А год был восемьдесят седьмой, и ещё никто нигде не бывал. Так что девочка среди своих подруг козыряла. На меня же в те годы впечатление производили совсем иные вещи. Но как интеллигентный человек я не мог уйти сразу. Умничать тоже не собирался, но родители девочки завели вдруг разговор о Ницше. Я его поддержал, потом перевёл тему на Достоевского, откуда съехал на антисемитизм. Потом ещё сыграл на фортепиано и спел какую то смешную песенку. И вдруг заметил эту женскую, якобы неуловимую уловку: мама спрашивала взглядом у дочки: «Ну, как он тебе?» Одним движением бровей и жадно блеснувшими глазками на заплывшем личике дочка так же мимолетно дала маме понять – то, что надо! ...И тут

Вини Пух вспомнил об одном неотложном деле... ..Ну, если у вас больше ничего не осталось... Пришлось интеллигентно давать деру. Я всегда боюсь этих ситуаций, когда видишь, что на тебя положили глаз. Для интриги лучше – если бы она вообще была там возможна – не знать, понравился ты или нет. Что хочу сказать напоследок об этом возрасте? Если вы, дорогие читатели, подумали после этой главы, что я был озабоченный маньяк, вы ошиблись. Помимо соблазнения девочек, я уже два года учился на филологическом факультете ЛГУ и даже писал потрясшую всех преподавателей курсовую на тему «Ненормативная лексика в творчестве русских поэтов и прозаиков Серебряного века». Русский фольклор был мне интересен. Я занимался им профессионально. И он «кормит» меня до сих пор, будучи широко используемым в шоу программах моего клуба. Однако у меня не сложились отношения с одним из преподавателей. Он сделал все, чтобы меня отчислили. Я автоматически попал в список новобранцев и загребел в армию, в доблестные войска связи, где и получил в полной мере возможность изучать ненормативную лексику в творчестве солдат и офицеров Советской армии конца двадцатого века. Про армию можно писать книги и стихи. Но лучше писать про любовь. Любовь к женщине в армии носит характер, пожирающий душу солдата, но, увы, абсолютно платонический. Слава Богу, у меня это длилось только до первого отпуска. Девственность – как проблема Перед первой брачной ночью сидит мужик и красит себе яйца зелёнкой. Друзья спрашивают: «Зачем?» А он: «Завтра сниму штаны, жена увидит, спросит, почему яйца зелёные? А я ей – раз сразу в морду, бац: «Где ты другие видела?» Долго думал, что главное в следующем периоде жизни человека: от восемнадцати до двадцати двадцати двух? И понял. Люди взрослеют, и помимо обычной подростковой озабоченности их жизнь наполняют разные социальные установки. А также страхи, что ты не справишься с ними. Причём страхи преследуют в равной степени как мужчин, так и женщин. Что касается парней, то самой страшной их проблемой становится затянувшаяся девственность, особенно если вдруг над твоей головой, как волосатая засасывающая вагина, нависла армия. «Это что же?! – в спермотоксикозной панике мечется душа будущего воина. – Если я не стану мужиком сейчас, то шанс выпадет только в двадцать! Если доживёшь!!! Но это же позор и ужас до преклонных двадцати лет оставаться валдайской целкой. Как на это отреагирует телка, которую сниму после армии?! И вообще – вдруг к тому времени все мои жениховские способности сойдут на нет?» и т. д, и т. п. Дух бунтует, самец

мечется и не знает, куда бежать и кого иметь. Он не смеет уговаривать ровесниц, ибо все одно не снизойдут, а где обрести жрицу любви, ведать не ведает. Особливо если это тварь дрожащая, обитающая в Ленинграде в конце восьмидесятых и имеющая от роду неполных двенадцать лет. ...Именно тогда мы с моим приятелем оказались на тропе воинственного поиска приключений перед армией. Но если у меня с бабами уже «всё было», то у него – пока нет. – Я тебе помогу! – геройски заявил я, представляя внутренний ужас своего товарища (ведь я на его месте бился бы в истерике). Хотя моя уверенность и строилась тогда из редких удач, которые смело можно приравнять к чуду, все же у меня было «намного» больше опыта, сына ошибок трудных и гения, друга парадокса. И мы отправились в ЦПКиО им. Кирова, где, взяв напрокат лодочку, ненавязчиво гонялись за телочками с более менее сформировавшимся желанием хоть комунибудь, хоть на полшишечки... Удача в тот день решила улыбнуться только одному из нас. Мы, то бишь я, подцепили двух девок. Но только одна из них была не похожа на горгулью, а вторая – вылитый Квазимодо. Но что делать. – Ладно. Тебе нужнее, так что «Эсмеральда» твоя, – шепнул я на ухо приятелю. – Не даст! – обречённо пробурчал он. – Куда денется. Тебе не даст, достанется мне. А вторая тогда твоя (ха ха ха). Так что старайся. И мы взяли уговаривать баб пойти ко мне домой, на палочку чая. ...Если бы только знать, что моя жертва в тот день пропадёт даром. Пока я мучился в комнате с доставшимся мне бегемотиком с крокодильим личиком, у которого внезапно оказались критические дни и внезапно вдруг возникшая любовь ко мне (девушка настойчиво предлагала встречаться, а я отмахивался повесткой), мой приятель все два часа, проведённые с девкой наедине, базарил с ней за жизнь. – Как же так?! – обиженно вопил я после того, как девчонки ушли. – Я же как Матросов бросился на этого лемура. Уступил тебе царевну, а ты, как кот Баюн, – трындишь, трындишь и... – Но она сказала, что ещё девственница. Что мне было делать? – со сказочной дуростью возмущался он в ответ. Что, что?! Меня позвать. А может – он влюбился с первого слова? И по глупости надеялся, что так ему точно будет известно, ждала его «Эсмеральда» из армии или нет. В этом возрасте абсолютно непонятны мотивы, движущие людьми. У всех куча страхов. У парней – дождётся девушка или нет. А бабы опасаются и прикидывают, женишься ты на ней после армии или нет. Или ей лучше чтонибудь сейчас подыскивать... Женщины коварны уже с юности, они тоже не хотят упускать удачу. Ну, или мне так кажется. По крайней мере

та в меру симпатичная «Эсмеральда», с которой мы красиво познакомились в парке и трогательно простились, уходя, пообещала ждать моего приятеля и писать ему письма в армию. А писала она их не только ему... По крайней мере и мне она тоже писала. Впрочем, на ней свет клином не сошёлся: мне писали шестеро девушек, хотя многие бойцы и сослуживцы не верили в мои способности. Потому что в армии, как ни крути, не только мой приятель, а практически большинство были ещё девственниками. Помню, как ко мне подошли азербайджанцы и спросили: «Ром, ты из города?» – «Да». – «А ты когда нибудь трахал женщину?» – «Да. Неоднократно». – «Ой, не надо, не заливай». – «А вы нет? Неужели только ослиц?!» Но как им было поверить в мои способности, если ситуация с сексом в деревнях или небольших городках была ещё хуже. А я... Я за первые месяцы в армии сбросил восемнадцать килограммов и был похож на пятиклассника. Даже заболел тогда, о чём и сообщал в письмах к любимым. Одна из них, моя «санаторная» любовь Вика, даже примчалась в госпиталь. Благо служил я недалеко от её родного Минска (каких то полторы тысячи километров). За тот год, что мы не виделись, она сильно изменилась. Неожиданно расцвела: может, недавно лишилась девственности, может, обо мне много думала, а думы о возвышенном облагораживают! Когда её увидели кавказские «деды», они просто опешили. – Это твой девушка? – с недоверием спрашивали они, пристально оглядывая мою исхудавшую персону. – Мой. А что такого? – ответил я с видом бывалого и тёртого джигита. И тут же понял, что я – орёл. Она оставила пару апельсинов, банку сгущёнки, посидела и уехала. А я осознал, что в санатории прошлым летом лечился не от того. Нужно было зрение и мозги вправлять. То есть я не только не трахнул готовую к этому телку, но даже и не разглядел её как следует. Типа, девочка как девочка. И только сейчас, посмотрев на неё глазами других людей, изменил своё мнение. Стал писать ей, предлагая в письмах выйти за меня замуж. Но у неё уже были другие... планы. Она сообщила, что, к сожалению, уезжает с папой в Америку... И уехала с каким то парнем в Израиль. ...Несколько лет спустя я оказался у них в гостях. Там не было даже свободной кровати, и мне дали спальный мешок. Зато утром её парень ушёл на работу, а я перебрался в кровать, и у нас все, наконец, спустя столько лет, случилось. Едва мы кончили и я сел перекурить, как её парень зачем то вернулся. К счастью, он нас не застукал, хотя, может, и заподозрил что то... Ну да ладно. Это уже другая история. А тогда, в армии, поняв, что эта звезда исчезла с моего небосклона, я продолжал

строчить другим девушкам. И, как только меня отправляли в командировку в Питер, не упускал случая встретиться со всеми ними (кстати, забыл сказать, что в командировках я был семь раз. Потому что у меня какой то дальний родственник оказался генералом в Генштабе округа). Приезжая домой, встречался сначала со знакомыми девушками, потом с малознакомыми, и даже совсем с незнакомыми. Разумеется, цель, которую преследуешь в таких отпусках, – чтобы бесценное время не было потрачено зря. Сразу прикидываешь, даст – не даст. Глаз выбирает баб, готовых переспать: ведь уламывать тебе некогда, мозг анализирует это. И вот как то в этой череде дошла очередь и до «Эсмеральды» из парка. Той, слегка симпатичной, что писала и мне, и моему товарищу, и... её уламывать я бы тоже не стал, – чего терять время и делать подлянку другу – но я всё же с ней встретился. И увидел, что... произошли необратимые перемены: она вполне подходила под то, что мне сейчас нужно, – под секс тренажёр. И я позвал её к себе. А она, не будь душой, пришла. Конечно, мне захотелось её раздеть. В девичьих глазах при этом не появилось ни страха, ни упрёка, какой бывает у девушки в торжественный момент дефлорации. В глазах подруги только суетились раздумья о правильном выборе жеребца. Она даже сказала двусмысленную фразу: «Вот если бы ты не был другом Андрея...» Что имелось в виду? Что тогда она бы отдалась, не переживая насчёт сплетен? Или, если бы я не был его другом, она бы сейчас разбила мне морду, а так как дружба – это святое, она готова практически на все? Что тоже странно, ведь она не обязана спать с другом. Но раз уж она сама пришла, мне задумываться о причинах и лейтмотивах фраз было совсем недосуг. Тем более что она уже разделась, улеглась и даже раздвинула ноги. ...Вернувшись в часть, я выкинул её из головы и, ожидая следующей командировки, продолжал писать длинные страстные письма. Теперь на первый план выдвинулась моя вторая «санаторная любовь». Красноярская скромница. С ней я, наверное, даже связывал какие то надежды. Она сообщала в письмах, что очень ждёт и очень любит. Из её писем я узнал, что она приехала в Питер, что поступала в институт, что провалилась и что сейчас учится в ПТУ на маляршу штукатуршу и живёт в общежитии. Однажды она вдруг сообщила неприятную новость: что до последнего времени была девственницей, ждала только меня, но... её изнасиловали. С одной стороны, я огорчился, а с другой – путь, простите за цинизм, был открыт. Едва мне снова дали отпуск, как я рванул к ней. В этот раз мы гуляли вместе с товарищем по батальону. Ему тоже дали отпуск.

Так вдвоём мы и пошли по бабам. Ему после приличного промежутка времени, проведённого в армии, не меньше моего хотелось заглянуть, хоть на часок, в женское общежитие. И он держался моего общества, считая, что со мной у него больше шансов на удачное знакомство, а ему это крайне важно. Может, это даже было написано на наших жеребьячьих мордах? Ибо вахтёры общежития быстро нас раскусили и решили не пускать. Меня?! Не пустить к девушке, которой пишу уже два года! Наивные, они думали, что нас остановят двери. Но мы в душе были не кочегарами или там плотниками, а настоящими монтажниками высотниками и пошли в обход. Точнее, полезли по водосточной трубе. На третий этаж, как нечего делать. И вот она – любимая!... Мы, конечно, посидели для приличия. Поговорили. Ещё посидели. Ещё поговорили. Прошло два часа. И тут я ненавязчиво и непринуждённо выключил свет. Подруга моей любимой, жившая в этой же комнате, не издала протестующих воплей, за что я ей очень благодарен. Правда, мой товарищ и в темноте продолжал тупо и прилично сидеть, держа красотку за руку. После первого же акта любви я вызвал его в коридор покурить и спросил: «Ты чего? Вали её, она ж не против». – «Не, она не хочет. Она же не стала раздеваться». «Вот болван, – уверенно думал я. – Ничего про баб не знает». Но оказалось, что, несмотря на свою самоуверенность, болваном в ту ночь остался я. Но кто же мог подумать, что так выйдет. Я ещё не попадал в такие ситуации!... Этот отпуск был последним. Уже через три месяца я вернулся из армии. До сих пор помню этот день – двадцать шестое апреля. Семья обрадовала меня тем, что всего четыре дня назад, двадцать второго апреля, к ним приходил папа одной незнакомой им девочки сообщить, что она ждёт от меня ребёнка. Чёрт возьми! Как?! Я же спрашивал у неё, можно ли в неё кончать!... Она же сама разрешила! Кто же мог предположить, что девушка не знала о том, что после этого случаются дети. Кто угодно, но только не я. Мама сказала: «Рома, помоги ей. Денег дадим. У нас среди знакомых хорошие врачи. Тебе только нужно узнать, какой у девочки срок». Мысль о том, что будет ребёнок, вызывает у мужчин разные чувства. Обычно ты хочешь ребёнка от той женщины, с которой планируешь жить, и тогда, когда уже можешь ребёнка прокормить. Но эту девушку я, простите, знаю очень относительно: только по нашим детским письмам (в которых она, между прочим, клялась, что любит, но даже не дождалась), а постель ещё не место для знакомства. И ребёнка я решил не заводить. Живя с родителями и не работая, не мог же посадить им на шею случайно свалившуюся на меня

бабу, да ещё и с ребёнком. А самое главное, я уже решил поступать в институт. Окончательно определившись к этому моменту, кем я хочу стать в своей жизни. ...Ну а пока я просто ехал к беременной девушке, понимая, что жизнь то моя накрывается медным тазом, который ещё и гудит, как набат. Но при этом все равно у меня были сомнения в том, правильно ли отталкивать девушку и ребёнка. Виноваты ли они в чём то? Сомнения мучили меня до тех пор, пока я – как велела мама – не спросил у «ясеня», на каком она месяце. И тут она выдала фразу, сразу настроившую меня на саркастический лад: «Ну давай посчитаем, когда ты у меня был?» – «Что?! Ты беременна и даже не знаешь срок?! И не помнишь день, когда я был, хотя писала, что считаешь минуты до моего возвращения?» Тут я окончательно и бесповоротно понял, что ребёнка мне точно не хочется, тем более уверенности в моём отцовстве у меня совсем не было. Правда, несмотря на всё это, я собрался поступить по джентльменски: оставить деньги на аборт и записать на обоях телефон врача. Все произошло меньше трех месяцев назад, а, значит, сроки ещё не вышли. Но девушка неожиданно упёрлась, что хочет ребёнка именно от меня. – Я понимаю, но жениться сейчас не могу. Не хочу жениться, хочу учиться. – А я хочу и рожу. Как ты не понимаешь: я хочу ребёнка именно от тебя... – Тогда это твой выбор и только твой ребёнок. – Да! Он мой! И я своего ребёнка не брошу, как некоторые! – Я и не бросаю. Я предлагаю от него просто избавиться. И т. д. Сложно все это слышать, но ещё сложнее ломать себе жизнь, связывая себя с человеком, которого не любишь, и что ещё страшнее – которому не веришь. Больше мы не встречались. Она звонила ещё пару раз. Разговаривала с моим дедом: «Передайте Роме, что у него родился сын». Потом позвонила снова, сказала, что ей трудно и нужны триста долларов. Я мог тогда помочь. Но поскольку я не был уверен, что это мой ребёнок, не хотел открывать кормушку. Сказал, что она разговаривает с моим братом Александром, а Роман женился и уехал в Америку. Где то живёт мой ребёнок. Я с содроганием жду, что скоро он нарисуеться, и даст мне п... просратьься. Что ж, пускай. Если будет на меня похож, куплю ему квартиру и помогу с работой. Правда, это ничего не изменит, но сниму камень с души. Это не совсем правильно – бросать своих детей. Он же не виноват, что мама у него дура. Ситуация, прямо сказать, некрасивая. Зато с тех пор я понял, что в таких вопросах нельзя доверять женщине полностью, чтобы на эти грабли не наступить ещё раз. Женщины, особенно молодые, не особенно умны. К тому же они верят своим не особенно умным

подружкам, которые могут наговорить чегонибудь особенного: типа, «если вы в третий раз за ночь это делаете, то кончать туда можно» или «если женщина не кончила, то она не залетит», и прочую лабуду. Самец, помни: даже если ты идёшь у неё на поводу, её проблемы решать все равно придётся тебе. Возможно, такие ситуации – временное явление жизни. Просто девочки в этом возрасте дозрели телом, а с мозгами у них по прежнему засада. Им страшно хочется секса, но страшно в этом признаться даже самим себе, а тем более подругам и, уж конечно, следующему парню. Хорошо врать они ещё не умеют, но говорить правду им уже не хочется. Страх и предубеждений у них не меньше, чем у ровесников, просто они иные: «он обязательно бросит меня, узнав, что я уже попробовала»; или «а если я нужна ему только для того, чтобы после армии было с кем перекантоваться, пока не найдёт другую, а я два года потеряла зря»; или «а вдруг он не женится, если я не залечу с первого же раза; ведь все мои подруги только так и выходили замуж» и т. д. Что стукнет в голову молодой бабе, не ясно никогда. Поэтому самцу нужно думать своей головой и надеяться только на себя. И верить своим ощущениям. Потому как бабы, мучимые всеми своими страхами, жутко лживы и способны на любые чудовищные наговоры. Я это понял, когда через месяц два после дембеля зашёл в свой подъезд и встретил того самого приятеля, с которым нас вместе забирали в армию. – Андрюха! – обрадовался я. – Ты вернулся? А чего здесь стоишь, позвонил бы в дверь, тебе бы открыли. Ну заходи, отметим. – Нет! – Он стоял как каменный. И в глазах этого каменного гостя горел нехороший огонь. – Ты с моей девушкой спал! «Во, даёт девица, – офонарел я. – Зачем она ему про всех любовников то рассказывает?» – Ну спал, и чего? Она сама пришла. Позвонила и пришла. – Она сказала другое: что ты позвонил, обманом завлёл её к себе на хату и изнасиловал, – произнесло могильным голосом зомбированное существо. Я понял, что меня сейчас, наверное, будут немножко убивать. Мне стало жаль себя. И его тоже. Её я не жалел. Скорее, даже восхищался. Вот тварь! – Где, как? – Я пытался встряхнуть его, привести в нормальное человеческое состояние. – Как завлёл? Как ишака – морковкой? Тогда скажи, что была за наживка! Изнасиловал?! Но как? Ты можешь трахнуть бабу, если она не хочет?! Даун! Приди в себя! – Я тряс его, клялся, что не был у девушки первым. Что не стал бы ломать целку, раз это девушка товарища. Постепенно в его глазах появились искры разума и проблески понимания. – Правда? – в сотый раз переспрашивал он. – Ты не был первым? – Даже не вторым. Там уже батальон

прошёл. Клянусь, чем хочешь. Ты же видел, мне своих баб хватало. Он ушёл от меня окрылённый. Сказал, что все выяснил и прогонит её к какой то (по моему, даже её) матери. Но он, по всей видимости, в душе был исследователем и хотел знать все от корки до корки. Будь на его месте человек более разумный, он бы не стал ничего выяснять, а просто пошёл искать другую. Но откуда разум, если ты два года писал девушке и мечтал о ней... свободной рукой. На следующий день они заявили оба. За ночь красотка совсем прополоскала ему мозги и сейчас собиралась подтвердить это громким спектаклем. Она кричала мне, что я не мужчина, а дерьмо в штанах и не могу нести ответственность за случившееся. Ей явно до зарезу нужно было доказать ему, что я был первый. И что изнасиловал её. Как не было мне жаль друга во всей этой чудовищной лжи, а я совсем не планировал его в этом поддерживать. Я сказал: «Если ты хочешь довести эту ситуацию до полного кретинизма, то можешь дать мне в рожу, только делай это побыстрее, потому как рядом с этой стервой я долго стоять не могу!» И демонстративно убрал руки за спину. Честно говоря, я от него такого не ожидал! Размахнувшись как следует, он двинул мне пару раз! Теперь искры полетели из моих глаз. А он, взяв за руку своего оракула, исчез из моей жизни навсегда. Вскоре через кого то я узнал, что он на ней женился и уехал в другой город. Бог им судья, но женщина начала совместную жизнь с обмана. А ведь мужчина повзрослеет, наберётся ума. Ему не всегда будет двадцать. Что он ей скажет после окончания периода спермотоксикоза, когда спокойненько обдумает ситуацию и когда познакомится с ещё какими нибудь представителями «слабого полу» и изучит их психологию получше? Я вот уже тогда, вскоре после всех этих случаев, стал задумываться над тем, что женщины коварны. Они играют нами, а мы им верим. И меня стали посещать серьёзные опасения: вдруг мне вообще девственницы не достанется?! Тем более, что, будучи идеалистом, я тогда полагал, что если женюсь, то, конечно, уже не буду трахаться с другими. А если жена окажется не девственницей, значит, так и останется пробел в истории моей половой жизни?! Ну нет! Надо успеть до свадьбы попробовать хотя бы одну девочку. И я стал искать. Правда, поиски мои были без отрыва от производства. Ибо как раз в это время у меня начались экзамены в Институт культуры на отделение режиссуры шоу и массовых праздников. За годы бесполезной службы в рядах СА я забыл всё, что знал, и даже то, о чём никогда не задумывался. Поэтому готовился я тщательно, собираясь в дальнейшем работать по выбранной профессии, будучи уверенным,

что после института непременно стану знаменитым и, как следствие, богатым. Что любопытно, далеко не все из моих «коллег» были такими же, как я. Абитуриенты Института культуры в те годы, да и сейчас, делились на три основные категории. Примерно десятая часть думали так же, как я. Они шли учиться, точно зная, чего хотят. Остальные делились на две примерно равные группы: одна из них – это те, кто поступил в театральные вузы; а вторая, прости Господи, просто случайные дуры. Те самые, которых упомянули в афоризме: «Если ума нет – иди в пед; если стыда нет – иди в мёд; если совсем дура – иди в культуру». Вот абитуриентка из последней категории и была первой девственницей в моей биографии. Хотя от неё никто такого сюрприза и не ожидал. Она же была старше меня на три года. Ну какие целки могут быть в двадцать четыре? Эту невинность я заметил, так как она была практически легендой абитуры (наравне с одним грузином, который сделал в сочинении восемьдесят ошибок!). Девочка никак не могла понять, что всё делает неправильно. Мне стало искренне её жаль и, учитывая, что она, будучи человечей, не была для меня конкуренткой, я пригласил её к себе домой, собираясь подготовить её к экзамену по специальности. Где то в середине процесса этого помогания мне совершенно случайно как то вдруг подумалось, а почему бы не пригласить её ещё и в спальню. Что в том плохого?! – А может, давай этого... то есть того? – невинно спросил я, словно предлагая попить чаю. – Ой, нет нет, – стала ломаться она. Пытаясь взять в толк, чего она ломается, если я ей явно нравлюсь, я тихонечко подталкивал её к двери в спальню. Оказавшись окончательно припёртой, она выдала: «Да я сегодня не могу». «Это мужчина не всегда может, а женщина готова всегда», – подумал я ехидно. – Пойдём... пожалуйста. – Я завтра сама приду! – вдруг с необычайно честными интонациями объявила она. – Да? Но раз уж ты, в принципе, согласна, то какая разница, сегодня или завтра? Давай лучше сегодня, знаем мы эти ваши завтраки. И она сдалась. Я подложил ей под задницу небольшую подушку, думочку, ну... чтобы ей удобней было лежать. Какого же было моё удивление, когда выяснилось, что она была невинна! И что самое неприятное, крови оказалось много. Мне пришлось её долго смывать с ковра. Хороший и дорогой был ковёр. А эта зараза мне даже не помогала. Она прерзко хихикала, типа, ты сам хотел, вот и получил. Да уж, спасибо! Сюрприз был неожиданный, но все равно приятный. Я ведь и вправду хотел. За время экзаменов мы с ней успели многое. Не только в постели, я слово держал и готовил её к экзаменам. И, между прочим,

хотя в тот год она не поступила, на следующий её взяли. Ну а я планомерно продолжал искать возможность трахнуть девственницу... Как я их находил? Конечно, спросить девушку напрямую об этом очень сложно. Но бывало по разному. Например, мы гуляем компанией, и ктонибудь говорит одной из девчонок: «Катя, поцелуй его. Ему понравится, ты же нецелованная». Ух ты! И я начинал ухлестывание за Катей. Недели две так гуляешь. Чуть чуть обнимешь, поцелуешь. Потом разденешь по пояс. Она говорит, что дальше нельзя. На следующий день можно и немного дальше. Так и идёт продвижение по нелёгкому и интересному пути. С ними интересно. Они без комплексов; потому что не в курсе, что плохо, что хорошо. Их можно обучать, они подчиняются. Ведь они уверены, что ты бывалый мужчина, пробовал все. И в дальнейшем они будут настроены на твою волну, «заточены» под тебя. А если перед тобой было два мужлана, которые просто тупо трахали, то она все делает уже по шаблону. И перевернуть её в другую позу невозможно. У меня была девочка, которая полагала, что сексом можно заниматься лишь лёжа на спине. Всё остальное – жуткий разврат! Надеюсь, нет, практически уверен, что моя охота и мои действия тогда не нанесли ущерб ни одной из юных особ. Наоборот, я, знаете ли, романтик. Мне нравилось все красиво обставлять. Чтобы этот день запомнился девушке – подарить цветы, духи. Одна из баб, которых я лишил невинности, однажды позвонила мне из Германии, где удачно вышла замуж: «Ромочка, я тебя поздравляю!» – услышал я в трубке торжественный голос, словно мне вручали Нобелевскую премию. «С чем, дорогая?» – безуспешно пытался я вспомнить хоть какуюнибудь дату. «Как? В этот день четыре года назад мы впервые сделали это... А ты что, не помнишь?» – «Ну разумеется, помню...» То есть девушку помню, а вот дату подзабыл. Даты я в календаре не отмечаю. А то, что она это помнит, – клево. Услышать такое поздравление всегда приятно. Значит, я всё таки мастер своего дела. Целку, на мой взгляд, вообще должны ломать профессионалы, чтобы все сделать правильно и не напугать девочку. Она же ожидает черт знает чего, ведь бабы насчёт секса несут сплошную отсебятину. Подруги говорят, что трахаются с пяти лет. «Вначале больно, потом приятно». Поэтому для них этот момент всегда связан с адреналином. А мужчине как раз адреналин и интересен. Помню, одна девочка спортсменка лежала на постели и плакала. Спрашиваю: "Тебе больно, неприятно?" – «Нет, приятно». – «А чего плачешь?» – «Мне очень страшно». В сексе существует куча разных факторов, которые могут все испортить. Помню,

как однажды когда я занимался этим с женой и уже кончал, вдруг резко зазвонил будильник. Мы закончили процесс, а потом хохотали как ненормальные. Но ведь если в этот момент под твоим животом задыхается девственница, она может остаться старой девой до конца света. Если ты первый – ты просто обязан быть на высоте. Мой опыт мне подсказывает, что я, наверное, делаю все не плохо. Ведь женщины, переспав со мной, никуда не уходили. А раз остаются, значит, во мне что то их привлекает. Всего в моей жизни было восемнадцать девственниц. Одна стала моей женой. А семнадцати гражданам девочек не досталось. Ну не повезло. Вообще же девственницы – если мы говорим о невинности – понятие сложное и совсем не ограничивается физической целостностью организма. Не это самое главное. Тем более сейчас, когда хирурги восстанавливают эту штуку столько раз, сколько хочешь. У меня были девочки, способные на разные фокусы в постели, но туда не давали: «А это – для мужа». И кто они такие после подобных заявлений, если не лицемерные монстры? Девственность всё таки хочется приравнять к целомудрию. Есть хороший анекдот на эту тему. Парень из приличной семьи приходит свататься к девушке. Её мать расписывает перед будущим зятем достоинства своей дочери: «Посмотрите на неё. Она же невинна, как бутон розы. Образование получила в монастыре. Фривольных книг не читала, телевизор не смотрела. Мы с мужем её воспитывали в духе полнейшего аскетизма. Вот, например, посмотрите на её спальню». Заходят в спальню. Там только кровать, тумбочка, на ней Библия. Ничего лишнего. И клетка с сонным попугаем. Парень споткнулся. Попугай в клетке проснулся и закричал: «Осторожней, придурок, мать разбудишь!» Немая сцена. А попугай продолжает: «Не туда, козёл. В жопу давай. Мне ещё замуж выходить». Никакой мужчина не хочет подобного. Он хочет быть первым. Потому что если до тебя кто то здесь уже побывал, она начинает сравнивать. И ты превращаешься в «одного из...» Хотя кто то скажет, а не все ли равно? Главное, чтобы, когда вы уже вместе, быть уверенным, что не «один из...» А девственность, потеря которой вызывала жуткие страхи у девушек моего поколения, сейчас вообще не рассматривается как серьёзная категория. Сейчас, когда до твоего слуха доносится отголосок чужих юношеских страхов, сомнений и неврозоз, ты, вспоминая себя прежнего, пытаешься понять: а чего эти дети сходят с ума? Например, вчера у меня за стенкой в половине четвёртого утра начала долбить по клавишам пианино соседка. Я знаю о ней лишь то, что она молода и где то там учится. По уровню игры чувствуется, что учится в

консерватории. А по манере игры – ну точно девственница. И её, бедную, то колбасит, то штормит, то накрывает, и мысли то все у неё путаются, и думает то она совсем не о музыке. Грязно ругаясь про себя, пришлось долбить в стену, проклиная её целомудрие. Господи, деточка, лучше бы ты в подъезде с мальчиком до утра целовалась, а потом пришла бы домой и рухнула в койку. Так нет, она об этом, зараза, только мечтает, а в реальности не даёт спать соседям! «Как всё изменилось», – лежал и думал я, утихомирив девочку громкими стуками пепельницей по батарее и головой по стене. Сейчас, встречая целочку, уже поневоле думаешь, что с нею не так, раз она до сих пор девственница, а? Должна же быть веская причина. ...Ведь это только в те времена, когда я поступил в свой второй институт, почти все студентки были невинны. Как вспомнишь это... Хорошо в деревне летом! Как на речке, на мели, Парни девушек... встречали. Их цветами привечали После все ж таки е...ли. – Слушай, Паша, а у тебя были худые прехудые бабы? – Этот интимный разговор я специально начал очень громко. – Ну, как они в сексе? Расскажи. – По разному! – не менее громко отвечал он, – Ведь это же смотря насколько худые. Вот если такие, как Ирка, то... Хотя она не очень худая. Ирка, ну ка встань, мы на тебя посмотрим! Одна из двух девочек, сидящих на грядке моркови чуть впереди нас, обиженно дёрнула плечом. Вторая ещё ниже наклонила голову к грядке и хмыкнула. – Хотя нет, знаешь, Ирка не очень худая, – цинично прокомментировал он. – Жопа вон какая толстая!? А как тебе бабы с большими жопами?... Девчонки нервничали, явно раздумывая – отползти от нас подальше или пока подождать. А мы продолжали наши «мужские беседы», начатые, собственно, только ради того, чтобы над бабами же и поиздеваться. Развлекаться в то жаркое лето 89 го года – когда всех поступивших в институт имени культуры отправили в совхоз имени Тельмана полоть морковку – было больше нечем. Я говорил, конечно, в прошлой главе, что девственницы меня очень интересовали – но они ведь, как приправа к основному блюду. С ними может выгореть, может – нет. А если и получится, то далеко не сразу. А где тот бурный, регулярный секс, которого жаждешь после армии. Мне тогда был уже двадцать один год; моему приятелю чуть больше. При этом почти все девочки нашего курса были малолетками, которых родители заставили поступать сразу после школы. Итак, девчонки были молодые и поэтому – не давали! Страна ещё не перешла в эпоху сексуального разгула, но в чём то это было нам на руку. Студентки к нашей дикой болтовне прислушивались, ведь никаких других сведений о сексе у

них не было. Так что ужаса они не выказывали. Впрочем, радости в их взглядах тоже не наблюдалось. Вечером за нами приходил автобус, и мы в него залезали торопливой толпой, так как мест на всех не хватало. Самое главное было усесться на сиденье и потом как бы нехотя предложить какойнибудь телке присесть тебе на колени. А по дороге я, конечно, успевал облапать все, что меня интересовало. Но, увы, на этом эротические игры и заканчивались. А по вечерам в совхозе начиналась культурная жизнь. Студенты Института культуры, как никак. Все пели, и все танцевали. И все выделялись, кто как мог. Молодые «звезды» зажигали с концертами. До сих пор помню одного замечательного еврейского мальчика, приехавшего из Казахстана. Прыщавого до невозможности и до боли похожего на огурец, который потёрли на тёрке, что не мешало ему быть хорошим мальчиком. И главное, настоящим, подающим надежды комиком, который, правда, считал себя трагиком. Он ещё не разобрался толком в себе, не понял что за такими, как он, – будущее. Мы сразу выучили наизусть его песню «Наш неконвертируемый рубль». Он сам написал музыку и дебильные стихи, сам сыграл и сам спел. Редкость, когда человек может столько вещей сделать одновременно. Зал лежал от смеха, когда он на полном «серьёзе» пел про наши российские рубли, подыгрывая себе на рояле. А я выделялся тем, что был единственным человеком из потока, которому (уже тогда) «народ» посвящал песни. Про меня их было целых три. Бомжевая лирическая, бомжевая патетическая, бомжевая трагическая. Бомжевые, потому что у меня была кличка Бомж. Выглядел я так, помято и лохмато, зато, по моему, очень колоритно. А звучало это все ночью у костра под гитару просто шикарно. Лирическая: «Тёмная ночь, на манометрах стрелка молчит. Пригорюнившись возле печи. Молодая бомжиха сидит...» Патетическая: «Бомж живёт, не знает ничего о том, что одна бомжиха думает о нём. Возле магазина пью одеколон. А любовь бомжачья крепче с каждым днём». Всё было чудесно. Кроме одного. Для активной сексуальной жизни мне звёздности все ещё явно не хватало. И наутро, неудовлетворённые, мы опять ехали на свежезеленые морковные поля. – Танька! – начал приставать я в автобусе к одной девчонке (не дают, так хоть поговорить!). – Танька, скажи, а ты как больше любишь? Сзади, сверху или сбоку? Она покраснела, глазоньки оквадратились, рот от изумления распахнулся. А я её ещё добил вопросом: «Скажи честно, в попу даёшь?» Танюха готова была рухнуть в обморок. Такой сильной реакции я, конечно, не ожидал, но девочка была, ясное дело, дура. Откуда то с Кавказа. Русская, но

воспитания сурового, восточного. Одевалась безвкусно и ходила с огромной накрученной и начёсанной чёлкой, в куртке пузырьём. Из за этой гребаной куртки или из за её просто анекдотической глупости мы за глаза прозвали девушку Тыквой. – Тань, че молчишь, вспоминаешь? – Да я вообще ещё девочка, – пробормотала растерявшаяся Тыква. – Девочка?! Да ты что о о?! – Я даже подпрыгнул. То, что здесь чуть ли не все девочки, и без сопливых ясно. Но чтобы так публично признаться! Вот это уморила. Обычно ведь нам самим приходилось искать повод для веселья, а тут такой подарок... И начался реальный классический затопт. Мы доставали её весь месяц во время этого дико скучного морковного подвига. Повод не повод – какая разница. Приходили вечером на дискотеку и тут же успевали отметить: «Бабы, какие вы все красивые, нарядные! Но знайте – это все равно ерунда, потому что девочка у нас всего одна». Утром, с трудом проснувшись и влезая в автобус, снова поминали Таньку: – Слушай, а ты всё ещё девочка? Что, вчера вечером никому не дала? Никто тебя не трахает, наверное, потому, что ты страшная. – Я не страшная, я молодая и красивая. – Значит, потому, что глупая. ...И всё таки в этом сонном царстве мне иногда удавались победы! Так, я сумел уговорить одну девицу – из интеллигентной семьи, не очень симпатичная, но умненькая, что называется «белая кость», и очень интересная – прийти вечером «к нам на костёр». Пообещал, что будет много народу, – песни, пляски – и даже пиво! А в то время за бутылку пива чуть ли не исключали из института. Вечером она появилась. Костёр был, пиво тоже. Народ, разумеется, отсутствовал. Зачем нам зрители? Зато был я, ждал её на принесённой из барака паре матрасов. Ну... «сидеть на чём то надо». Пиво мы выпили быстро. Ночь была прекрасна. И стал я потихоньку заваливать её на матрасик. – Вы что, Роман?! – громко возмутилась она. Эротические мои мечты тут же рассеялись в прах. Разбились о все ту же банальную причину! Разумеется, оказалось, что и она ещё члена в глаза не видела. А поэтому и не даст. – Но хоть минет сделаешь? – уже скрипя зубами, выдавил я. – Что сделать? – В рот возьми... пожалуйста. Как ни странно, она согласилась. Неумело, но по честному, как старательная отличница. Когда ей брызнуло в рот, девочка с недоумением отшатнулась. Вытерла рукой губы и, не понимая, что такое произошло, уставилась на то, что вытекло изо рта. – Ой, извините! – смущённо прошептала она, поднесла руку ко рту, внимательно рассмотрела, слизнула и проглотила. После чего, задравши хвост, удрала в лагерь. ...Сейчас этот наивный минет навеваает ностальгические воспоминания. А тогда...

Тогда, собирая матрасы, я уже мысленно посылал её ко всем морковным чертям. «Не хочешь трахаться, и не надо! И красившее, и стговорчивее тебя найду!» – зло думал я. Хотя и этот маленький успех меня окрылил – ну хоть что то! С паршивой овцы – хоть шерсти клок. И уже на следующий день, на крылах победы, пусть и небольшой, я стал строить планы, как склеить новую девочку. Мне уже приглянулась одна. Проблема была только в том, что ходила она – как это всегда у них бывает – со страшной толстой подругой. Приложив усилия, подругу я сумел отшить и спокойно взялся за убалтывание своей жертвы: «Кстати, отпуск скоро... Ты че думаешь делать? Можно на один день поехать в Питер. Остановиться у меня...» И девочка – о чудо! – «на экскурсию по городу» согласилась. Мы дружной компанией – Паша Егo Баба Я и Она – поехали ко мне. Прямым ходом на квартиру к деду и бабушке. Оба они оттопыривались в Ялте, совершенно не ожидая в своём доме юношеских оргий. Дверь квартиры, конечно же, оказалась заперта. Ключей от неё у меня, естественно, не было. Я боялся потерять их в морковном раю и оставил родителям. А они, услышав просьбу о ключах, вдруг упёрлись рогом: «Зачем тебе ключи, приходи и спи у нас», – заявила мама. Ага, сейчас, дождаться, что я откажусь от такой трудной победы?! Женщина, ты что?! Я поднялся к соседям наверх, попросил у них фомку и совершенно цинично, рискуя получить нагоняй от «курортничков», вскрыл ворота. После всех этих мытарств, после невыносимо долгого ужина с выпивкой я, наконец то, очутился в комнате один на один со своей суженой. И только взялся за резинку её трусов, как... – А что ты хочешь делать? У меня месячные. – !!!!!...мать!!! – Стон Тарзана, преданного Читой, огласил квартиру. – А почему ты не сказала раньше?! – Я же не думала, что у нас что то будет. ...В рот она брать тоже отказалась. Это, видите ли, оскорбляло её целомудрие. Кое как я уговорил её помочь мне хотя бы руками. Вырвав из лап злодейки судьбы не самый приятный оргазм в своей жизни, попытался отвернуться к стенке и уснуть, чтобы этот кошмарный, зря прожитый день поскорее закончился. – Рома? – услышал я сквозь дремоту. – Ну, чего ещё?! – А как у нас будет дальше? – Что значит – дальше? – Ну, мы с тобой поженимся? – Спи, а? Мы ещё даже не трахнулись, а ты всякую хрень говоришь, – я пытался уснуть, чтобы снова не думать о сексе. Но существо, лежащее за спиной, все строило какие то воздушные замки из своих девственных фантазий и ещё полночи дожимало меня тупыми девичьими вопросами. Проводив её с утра и мысленно дав пинка под зад, я тут же про неё забыл. ...Жизнь на

морковке вяло потекла дальше: хватал девок за многочисленные сиськи и разнокалиберные жопы, пил пиво, не хотел работать. Я даже в итоге нашёл девочку, согласную трахаться, но вышло все это как то неаппетитно. Неумелая, глупая, привязчивая... И вдруг однажды я узнал интереснейшую вещь! Что по ночам кинофотчики – студенты кино фото факультета – устраивают оргии в бане. Только попасть туда посторонним трудно. Мерзавцы закрываются на все замки и не открывают никому, даже родной матери. А кинофотчики были самые старые и тёртые среди абитуриентов. На это отделение поступали люди, которые уже работали в кино, на телевидении, в журналах, газетах и которым, для продвижения в карьере, не хватало дополнительного образования. Но и я уже не был школьником, так что закорешиться с кем то из этой компании мне труда не составило. Вечером я примчался на их гулянку. Мне открыли дверь, и я оказался уже не среди школьников, а среди молодухек, лет этак двадцати пяти. Довольно скоро я уединился с одной из них в тёмной парилке, на верхней полке. Это был быстрый секс на берёзовых жёстких вениках, которые щекотали ей жопу и впивались мне в колени. Секс без уговоров и прелюдий. Секс без вопросов о свадьбе. Девица получила удовольствие и исчезла, сказав: «Пока». Я остался лежать, подложив шайку под голову. После месяца уговоров неподдающихся девственниц, долгих пустых ухаживаний, пробивания стены головой тебя вдруг затаскивают в тёмную комнату, трахают без вопросов и разговоров, а потом выкидывают из жизни, сказав «пока»?!! Ничего себе, сказал я себе! Потом подумал, а чего переживать? Ведь я и сам такой? Правда, через два дня я перестал воспринимать себя как циника, потому что сильно увлёкся. Наконец то я встретил девочку своей мечты. Мы познакомились, о чём то поговорили, она сказала, что её зовут Лена и что ей некогда. На следующий день я пошёл её искать, но не нашёл, потому что забыл, как она выглядит. – А где эта девушка, с которой вчера меня познакомили? – все интересовался я у приятелей. – Да вот она! Не видишь, что ли? Оказалось, она находилась рядом. Но так как я близорук, то просто не увидел её тогда: девушку, которая в будущем и стала моей женой. И бог создал общежитие... Два студента идут мимо общежития. Один смотрит на вывешенные на верёвочке трусы: – Первокурсницы. – А как ты догадался? – Только первокурсницы стирают трусы. А начиная со второго курса, вообще все без трусов ходят. Когда ты познакомишься с девушкой, она не может не нравиться. Дальше ею можно увлечься, потом её бросить, а потом перезвонить и предложить выйти замуж.

Бывает по разному. Но очень редко случается, когда люди поняли все друг про друга с первого взгляда. И с первого же взгляда влюбились навеки, решили пожениться и умереть в один день и быть похороненными в одной могиле. Чаще при знакомстве с девушкой ты даже не можешь предположить, какое место она займёт в твоей жизни. Но пока ты свободен, не можешь не видеть, что вокруг так много девушек хороших и так много ласковых имён. Особенно если ты ещё очень молод и у тебя за пазухой есть тайна, имя которой гиперсексуальность. Глупо мне сейчас каяться в том, что студенческие годы, уже живя с Леной, я все равно проводил в поисках новых увлечений. Ведь вокруг была дикая масса свободных женщин, они все были интересны и открыты... В том числе и для общения. И к тому же многие из них жили без родителей, в общежитии. И вот я, в двадцать один год, понял совершенно чудесную вещь. Человек, придумавший общежития, был гением! Общежитие – культурный и сексуальный эпицентр города; а для нас он – двигатель разврата в массы. Там всё время что то происходит. У кого то обязательно – день рождения, у кого то новая любовь или похороны, ну, то есть какойнибудь хороший повод выпить... Постоянный и спонтанный праздник. Жизнь здесь кипит круглосуточно. А главное, тут водятся бабы! Девочка, живущая в общежитии, и девочка, которой она была дома, – это уже две разные женщины. Хотя она ещё не сбросила старую кожу и по прежнему находится в зажиме, и по прежнему никому не даёт и в рот не берет: в смысле выпивку; но постепенно, день за днём она начинает убеждаться, что, наверное, она несколько не права. Ей становится все понятней, что запреты на секс, курение и выпивку были в её жизни лишь потому, что рядом всегда находились любящие родители, которые по какой то необъяснимой причине были противниками всего этого наслаждения. Но предки росли в доисторические советские времена, когда было не модно пить, курить и давать до свадьбы. Сейчас же все поменялось десять раз. И на самом деле, парни вокруг умные. Они не дадут ей залететь, не причинят боли, а если и предложат наркотики, так только те, что употребляют сами. А они же не дураки, чтобы употреблять всякую дрянь и приближать свой конец. Они же понимают в этом. Массовый гипноз работает. И когда девочке протягивают в компании сигарету, она курит со всеми. Если все колются героином, то и она попробует. Она свято верит, что люди вокруг нормальные. А теперь помножьте сию дивную ситуацию на то, что здесь были девочки из застойной эры. Я уже в предыдущих главах упоминал, что это такое, если кто забыл или не знает. Но,

говоря про общежитие, данную тему можно подчеркнуть особо ещё раз. Здесь дети, воспитанные в полном отсутствии элементарных знаний о половой жизни, оставались ещё и без присмотра элементарных родаков, что как нельзя лучше усугубляло ситуацию. Ведь незнание многих доходило просто до маразма. В школе друг другу все рассказывали, что детей рожают из пупка. При этом показывали снимки беременных баб и пускались в объяснения, что «пупок развязывается, и оттуда вылезает эмбриончик». Нередко случалось, что какаянибудь из целок, чтобы приобрести авторитет среди подружек, начинала корчить из себя прожжённую блядь и учить их уму разуму: например, что при занятиях сексом кончать можно, куда угодно, но главное – не целоваться. От этого появляются дети. Неудивительно, что вчерашние школьницы в общежитии просто потерялись и окончательно запутались в вопросах морали и норм поведения. «Что можно? Что нельзя? Господи, ответь, как себя вести и что говорить этим мальчикам, а ууу!» Девушки часто перегибали палку. В смысле, можно было в коридоре общежития остановить какуюнибудь вопросом: «А скажи кася, красотка, целка ты ещё, аль нет?» Она, чтобы не выглядеть «лохушкой», могла заявить: «Малец, не нужно меня глазами трахать, а носом кончать. И, вообще, я была женщиной уже тогда, когда ты ещё болтался в мутной капле на конце своего отца!» То же самое могли ляпнуть следующие две, три, четыре невинности, встретившиеся тебе на пути в туалет. Ведь у девушек лучшая защита – это нападение. И никто ни за что не признался бы в своей девственности. А ну как её сочтут не востребовавшей и никому не интересной?! Вспоминается анекдот: «Алё, это прачечная?!» – «Х...чная! Министерство культуры слушает!» Приблизительно такой ответ следовал бы на вопрос о девственности от студентки института имени культуры. Там на краткий вопрос отвечали в трех сложных матерных фразах, после чего ещё могли грязно выругаться. Но всё это было напускное, фальшивое, а потому морочить головы этим «опытным» девочкам было проще простого! Чем некоторые «сволачные подонки», вроде нас, и пользовались. К «подонкам» относились только старшие ребята. Уболтать опытную обитательницу общежития тоже ведь не так просто. У каждого при этом была своя методика. Например, мой однокурсник Артур «работал» с удивительно наглой прямоотой и просто врождённой артистичностью. Одним из любимых мест его производственной деятельности был душ. Артурчик безусловно знал про мужские и женские дни, но принципиально приходил туда только в женский день и прятался в

засаде. Нет, он совсем не собирался выскакивать из за угла и пугать девочек громким криком и длинным хоботом. Он преследовал более важные цели. Как только в душевую заходила новенькая, этот Амурчик проскальзывал следом, раздевался и лез под струю. «Привет, потри мне спинку!» – Перед обнажённой девочкой, стоящей в пузырьках мыльной пены, возникало самое невинное, какое только могло быть, и добродушное татарское лицо. Девочка взвизгивала от неожиданности и, прикрывая мочалкой то одну, то другую... части своего тела, возмущённо вопрошала: «Что вы здесь делаете?! Что вы себе позволяете?!» – А че такого? – косил под лоха Артур. – Я даже не понимаю, что тут такого. Ну, сложно вам, так не трите. Играл он хорошо. Девочка даже терялась: «Но сегодня ведь женский день. Или... я что то перепутала?» – Какой день? – Артур смеялся минуты две с половиной, а потом, как маленькому ребёнку, принимался ей все объяснять. – Девушка, вы с первого курса, что ли? Ну тогда ясно. Вы, наверное, читаете эти бумажки и верите во все, что там написано? Нет, девушка, это просто так написано. Здесь уже никто никого не стесняется. Все свои... Потрите мне спинку, пожалуйста. И вот здесь ещё. Так спинка за спинкой, и девочка оказывалась втянутой с сексуальные игры с продолжением. Порой ему удавалось проделывать этот номер даже с двумя или с тремя одновременно. Жаль только, работал Артур всегда в одиночку, и никого из нас не брал на эти водные процедуры. Да и вообще, он являлся уникальным человеком. Ничего не стоило, например, проверить, есть ли он в общежитии. Бралась бутылка водки, открывалась и ставилась на стол. Если через пять минут этот сексуальный террорист не появлялся, значит, его в общежитии не было. Можно смеяться, говорить, что это фантастика и просто совпадения, но факт есть факт. Артур шёл на водку. На каком бы этаже вы её ни открыли, пусть бы даже в самой дальней угловой комнате за туалетом, как совершенно случайно появлялся ОН и говорил: «Простите, а такой то здесь живёт?» С Артуром мы подружились. Ведь его артистизм проявлялся не только под душем. Однажды, сидя на скамейке Летнего сада, мы придумывали, как нам заработать, и решили, раз мы артисты – будем зарабатывать на искусстве. Пусть хотя бы и на улице. Мы вспомнили все песни о траве, которых в репертуаре певцов прошедшего времени было до жути, и сделали из них «наркоманское попурри». Сшили себе костюмы, чтобы публика при одном взгляде на нас тормозила, видела, что это настоящие бродячие музыканты, и вышли в подземный переход. Он – с гитарой. Я – с бубном. «Музыка Союза композиторов, слова

Союза писателей!» – громко объявлял я. И мы начинали: «На дальней станции сойду. Трава по пояс... Трава налево, трава – направо, трава – на счастье, трава – на славу...» Нам особенно нравилась одна песня, она совершенно всех потрясала: «Вот идёт журавель журавель. На бабушкину конопель конопель. Анаша, анаша, до чего ж ты хороша! Травушка муравушка зелёнькая...» Публика сбегалась моментально. Бывало, что за полчаса мы зарабатывали шестьдесят рублей, а стипендия была сорок пять. Заработок позволял нам с Артуром чувствовать себя полноценными мужиками и спокойно крутить романчики с теми, кто нам нравился. Правда, при этом у меня была Лена, которую я любил, и поэтому старался ходить по этажам общежития культуры так, чтобы не оказаться разоблачённым. Благо оно было для этого достаточно большим. У Артура тоже была девочка, с которой он не просто встречался, но даже жил вместе в одной комнате. Причём он плевать хотел на то, что о его выходках думает она. Или не плевать, но у него все равно существовала уверенность, что его простят. И вправду, хотя такого бабника и алкоголика было ещё поискать, «любимая» его всегда прощала. И всем рассказывала, как его любит и какая он сволочь, и как делала от него аборт, и все все все. Она называла его Луною. Я как то спросил, почему Луной, а не Солнцем или звездой. И девица популярно объяснила, что её «Солнышко» похоже только на Луну: вечером приходит, а утром уходит. Но и это лунное расписание не являлось постоянным. Когда его начинало что то раздражать, он вёл себя ещё более нагло и цинично. Например, говорил своей подруге, что сходит за спичками, а то они как то неожиданно закончились. И исчезал дня на три. На четвёртый день какие нибудь студентки стучались к ней в дверь, держа под руки чуть тёплого Артура. – Это ваше? – Моё. – Ну так заберите. – Вы оставьте пока в коридорчике. Пускай оно полежит, проблюется, а потом заташу к себе. Чтоб в комнате не воняло. Когда музыкант счастливо облегчал желудок, его возлюбленная затаскивала тело в комнату, после чего затирала вонючие полы в коридоре. Был случай, когда Артур ушёл к двум девчонкам, напился у них, натрахался, а потом облевал простыни. Обе девочки с утра пришли к подружке Артура и предъявили ей претензии: «Что это такое! Ну ка убери за своим. И простыни постирай. Чего это он у нас в комнате нагадил». Она послушно забрала его, а утром они вдвоём пошли стирать бельё. Это была какая то жертвенная любовь, всепрощающая. Она его даже кормила на свои скудные гроши, на стипендию. Хотя он сам умел зарабатывать и к тому же имел обеспеченных

родителей. Они присылали ему одежду, деньги. Одежду он носил, деньги пропивал. А девочка одевалась непонятно во что. Но поставить ему это на вид было невозможно. У него была практически патологическая жадность, лобовая хитрость и убежденность, что он всегда прав. Однако, в общем и целом, Артур был человек очень яркий, талантливый и веселый. Настоящая душа компании. И отказать ему не могла ни одна девочка. Повелась даже Тыква, которая тогда встречалась со мной. Я не простил ей этой измены с Артуром. Ведь у них не было даже мимолётного романа. Он просто заглянул к ней по дороге от одной девчонки к другой. Неужели бабам так нравятся врождённые юмористы? Иногда, впрочем, он мог достать своей шуткой. Как то я с Леной решил слиться в экстазе и попросил ключи от свободной комнаты. Мне дали. Только мы разделись, легли. Как... раздался стук в дверь. – Кто там? – Это я. – Кто, твою мать, я? – Твой друг, Артур. – Че надо? – Я спросить хотел. Это... У вас веник есть? – Нет, – говорю, – Артур, у нас веника! И иди отсюда, пожалуйста, на х...! Решив, что моя вежливая просьба не останется без внимания, я снова полез под одеяло к тёплому девичьему телу. Мы почти приступили, как... снова раздался стук в дверь. – Кто там?! ...Молчание. – Да кто там?!... мать так... растак!... Опять молчание. Пришлось встать, натянуть трусы и, прикрывая рукой рвущуюся на волю сквозь ткань душу, идти открывать дверь. За ней стоял Артур. – Ты чего? – Я вам веник принёс. – !!! Веселый, короче, парень. Но жена мне после этого, естественно, не дала. Все молодые, «необстрелянные», романтические: в слезах. Кстати, о молодости и неопытности. Самым показательным примером сексуального невежества и идиотизма стала у нас одна молдаванка. Спокойная, тихая, полноватая девушка. И вот однажды ночью она стучится в комнату к моей Лене и, удивляясь происходящему, говорит: «Вызови „скорую помощь“». Я, кажется, рожая». – Чего? – спросонья опешила Лена. – Ты напилась, что ли? – Нет. Рожая я. Вызвали «скорую», хотя в роддом отвезти уже не успели. Родила девушка прямо в комнате. Общежитие трясло, как негра в сугробе! Как могла она ходить беременной, и никто ничего не заметил?! Как? Да она и сама то поздно поняла, что с ней. В институте, конечно, случился скандал и встал вопрос: «Кто виноват?» Виновных не нашли. Хотели её выгнать, но потом смирились и оставили. А перед ней встал вопрос: «Что делать?» Вернуться домой – одинокой и с внезапным ребёнком она не могла. Семья её была из Приднестровья, а там так не принято. Поэтому родители девушки настойчиво предлагали ей авантюру: «Приведи хоть какогонибудь, самого

завалящего мужика, – писали они в письмах. – Пройдѣшься с ним и с колясочкой по селу, чтоб все видели. Потом вы уедете. А мы скажем, что вы развелись. И все в порядке...» Однако авантюру проиграть было не с кем. Настоящий отец ребёнка предпочёл оставаться инкогнито, а с другими девушка даже и не общалась. И снова она стала стучаться в дверь к Лене. – Слушай, а может, дашь своего мужика то. Я его только покажу, да и все. Родители могут денег дать немного. Ну и отдохнёт хорошо. У нас природа, река, шашлыки. – Даже не знаю, – честно удивилась Лена, – он не поедет, наверное. Но всё же она рассказала мне об этом, и я решил откликнуться. Дорогу обещали оплатить, так чего ж не съездить. Девочка взяла с собой для смелости подружку, и втроём мы поехали на село. Ехали поездом. Не долго, не коротко. Но мне показалось скучно, и уже по дороге я, как неизвестный герой, влез на верхнюю полку к смуглянке молдаванке, где под унылый стук колѣс она отдалась мне ритмично и спокойно. Родственники встретили нас хорошо. Действительно были и природа, и шашлыки, но... постелили нам в разных комнатах. Мне досталась кровать в комнате её брата, а она с подружкой спала в другой. Ночью я пролез к ним в комнату, наивно полагая, что подруга небольшая помеха для небольшого, но славного Романа, и мы здесь также сможем... как меня жестоко выставили за дверь. Зато уже утром одна из её младших сестѣр вдруг заявила: «Мама, а если они муж и жена, то почему они спят в разных комнатах?» Хороший ребёнок. Умненький. И я тоже сказал: «Да! Почему?» Обеспокоенные репутацией дочери, родители постелили нам в одной. Малина. ...Мешала жизни только сильная жара. По ночам я выходил в сад подышать воздухом и как то увидел, что в летнем душе, закрытом лишь полупрозрачной клеѣнкой, кто то моется. Оказалось, это наша подружка. Наличие «законной» жены мне, разумеется, не помешало запустить руку за занавес и схватить девицу за ягодицу, – Рома! – строго и возмущѣнно зашептала она. – Прекрати немедленно и уйди. Я ещё невинная девушка. – Да ты что?! – восхитился я. Буквально на следующий день мы, вместе с братом моей молдаванки, выпивали. – Слушай, – заявил он в подпитии, – а че это ты мою сестру трахаешь? – Интересно! – возмутился в ответ я. – А что мне с ней делать ещё, когда она рядом лежит. Но я понимал, что люди там суровые. И творять черт те что безнаказанно не очень правильно. Потому и направил энергию брата в другую сторону: «А ты сам чего теряешься? У тебя вон под носом целка ходит, а тебе хоть бы что. Я тут её пощупал слегка, так она совсем даже и не против». Мне тут же стало ясно,

что зерно упало на благодатную почву. Утром я поспешил заглянуть в комнату к ещё спящей невинности и мимоходом, не удержавшись, просунул руку под одеяло. Грудь поправить. Оказалось – ОНА СПАЛА ГОЛАЯ! «Ага а а, – воскликнул я. – Поздравляю!» Она ничего не ответила. Только брат потом признался, что поздравлять не с чем: «Я, – говорит, – вышил для храбрости. Прихожу к ней и командую: „Раздевайся!“ – „Для чего?“ – „Размножаться будем!“ И она начала раздеваться и плакать. Раздевается и плачет, плачет и раздевается. С недоумением и жалостью он наблюдал за этой трогательной картиной, после чего совесть взяла своё и вместе с ним ушла из комнаты. Так у них ничего тем летом и не вышло. А вот меня чуть не женили. Поняв, что мужичонка я не самый завалящий, а, практически, орёл, родители девушки начали под меня подбивать клинья. «Ты такой хороший парень, – пели мне по вечерам, – может, останешься? Мы тебе и дом построим, и машину подарим». И все подливали вина, и все подкладывали шашлыков. А на небе роились кустистые облака, в воздухе сгущались стаи крупных стрекоз и... чего там ещё бывает в любовных романах? Короче, чуть не окрутили. Я даже не сразу понял, что все серьёзно. А когда понял... ..И тут Винни Пух снова вспомнил об одном неотложном деле... Моя циничная бабушка всегда учила меня: «Ромочка, ты же режиссёр. Это слесари постоянно женятся. А режиссёр подарит девушке цветочек, поцелует щёчку, и ауф видер зейн». Быстро, оценив все величие народной мудрости, я отчалил в любимое питерское общежитие, где ждала Лена и... ещё немало симпатичных девочек. К тому времени я так примелькался в общежитии, что мои частые визиты даже не вызывали подозрений у его жителей. Меня считали своим, и я тоже старательно прикидывался приезжим. Сочинил себе красивую, на мой взгляд, легенду. Что раньше мы с родителями жили в Кызыл Орде, а потом переехали в Барнаул. Там жили на улице Ленина, которая упиралась в горы, где по ночам орала козлы и мешали спать. Мне очень нравятся необычные названия, и, вообще, я хотел бы жить гденибудь в Гондурасе, но, к сожалению, не знаю, где он находится. То, что это враньё, и я там даже не был, нисколько меня не мучило. У всех в институте были легенды. Ведь люди собрались творческие. Особенно легендами славились студенты драмы. Так, одна красотка работала под эстонку. У неё был замечательный акцент и такое же потрясающее, никем, кроме неё, не выговариваемое название её родного эстонского городка. Все ей верили, пока однажды не завалилась в гости с деревенскими сумками мама из русского городка Елец и не

спалила дочь «эстонку». ...Итак, баб, как я уже сказал, мы кадрили по разному. Я часто делал это на общежитской кухне. К примеру, заходил и говорил, что очень хочется есть. Накормите, пожалуйста. Бабы могли дать кусок мяса и отправить восвояси. Но могли и пригласить к себе в комнату пообедать. Это было уже интересным предложением. Иногда способы знакомства были и вовсе неординарными и нахальными. Например, как то в один из дней мы с ребятами напились по чёрному. Я остался у них ночевать, потому что уползти домой было просто невозможно. С утра, естественно, всем очень плохо. Болят бошки, ломит ножки. Хочется жрать, а денежек ни у кого нетути. Наверное, я мог поехать домой и поесть, но бросать приятелей не стал и принял волевое решение пойти по комнатам зарабатывать вокалом. Взял с собою товарища. У него, правда, не было ни слуха, ни голоса, но зато была страшная рожа, и он, один из немногих, мог сам передвигаться. И наш дуэт пошёл по этажам. – Мы бродячие музыканты и хотим заработать на кусок хлеба, – представлялся я каждому открывшему нам дверь. – Пустите нас, мы вам споём. А в общежитии Института культуры почти в каждой комнате стоит ПИАНИНА. Хоть и раздолбанная, но звуки издающая. В некоторые комнаты нас из любопытства пускали. Интересно, всё таки. Не каждый день кунсткамера на дом выезжает. Если пускали – я играл и пел, а мой второй голос тоже что то подвывал и протягивал всем шляпу. В которую нам из жалости кидали, кто что мог: мелкие деньги, огрызки сосисок, картошку, яйца и другие объедки. Одну дверь нам открыли две девочки припевочки. Они наспустили, но, немало послушав, важно сказали: – Ребята, вы что, не понимаете, что поёте отвратительно, а играть вообще не умеете? – Неужели? – изумились мы. – А вы умеете? – Конечно. Это же наша специальность. Мы – хоровики народники. Мы выслушали это со вздохами извинения, за что нам дали таблетки от головной боли и накормили. А вечером на собранную мелочь мы опять устроили пьянку. И я, задавшись вопросом, где мне сегодня давануть храпака, решил навестить добрых самаритянок. Они открыли дверь и по доброму, в двух трех матерных образных выражениях, объяснили, что женская комната вообще не место для ночёвки грязных бездомных кобелей. После чего попытались меня вытолкать. В неравной схватке – а, может, им и не очень хотелось почувствовать себя амазонками – я прорвался к кровати и завалился жопой кверху. Вынести меня они не смогли. Сказав волшебную фразу «Ну и х... с тобой!», они легли вдвоём на одну кровать, которую я, проснувшись ночью, и взял на абордаж.

Девочка, лежащая с краю, не сопротивилась. Вторая, у стенки, вообще делала вид, что спит и к происходящему развороту отношения не имеет. ...Снова я появился там через неделю. Но той певички, с которой мы так удачно спелись, не было. В наличии имелась только её соседка, которой я и стал петь серенады. А она начала странно ломаться, как голос парня во время мутации. – Понимаешь, Рома, – стесняясь, сообщила она. – Я не могу с тобой быть. Я ещё девица. – А сколько тебе лет? – Девятнадцать. – Скока а? Нет, дай мне мою одежду – я уйду. Я не вынесу твоего позора! В таком возрасте. С таким чудным голосом. – Позор, ты думаешь? – растерялась она. – Конечно... Давай выпьем за то, чтобы никогда тень позора не легла на наши седины! И мы с ней дерябнули. Потом хлопнули ещё. Девушка всё сильнее задумывалась, а может, девятнадцать – это действительно много? А может, и правда – пора. Я подливал масла в огонь, типа, разве же она не знает, что быть девственницей в двадцать – это вообще клеймо. Не нужна никому, что ли? Это не оценят. Она как то быстро сломалась. Позже она призналась, что её соседка уж очень хорошо отзывалась о моих фантастических способностях. У неё перебывало немало парней, и она в этом точно разбирается. А также посоветовала, что если уж лишаться невинности, то с грамотным парнем. Это было приятно. Наверное, шуток, что я умело лишаю невинности, пополз обо мне, и меня пригласила для этой цели ещё одна девочка. Сказала, что до неё, как бы это сказать, дошли слухи о моей компетентности. А она знает, что первый раз важен, и хочет, чтобы все прошло хорошо. К несчастью, когда видишь такое циничное отношение к сексу, ты тоже начинаешь подыгрывать. К тому же, когда она меня встретила, я был не совсем трезв. Чего она в некотором своём волнении не заметила. – Ну ладно. Раз ты хочешь, давай, – снисходительно согласился я. А чего не согласиться? Идёшь себе по коридору, а тебя зовут девственности лишиться. – Девочка ты симпатичная, поэтому работать буду бесплатно. Ну, пошли к тебе. В комнате я и вовсе заигрался настолько, что все свёл к клоунаде: «Ну, раздевайся. Нет, не так. Медленно. Лучше раком встань...» Потом стал надевать на член очки. Типа, посмотри, кисанька, какого крокодила мы сейчас будем трахать. Так и не довёл дело до конца. И всё же, возвращаясь к вопросу о девственности и целомудрии, – разве можно её считать невинной после такого моего визита? ...Все эти случаи, что естественно, делали меня увереннее и увереннее. Появился сытый цинизм. Так, однажды я заявился к очередной претендентке и, не считая, что нужно тратить время на долгие уговоры, сразу

перешёл к делу: «Ну, чего, будем сегодня трахаться?» – Не, не, не. Посиди лучше, поешь. Бедная девочка. Всё таки, я ей тоже нравился. – Ну ладно. Поем... А трахаться будем? – Нет. – Ну ладно. Тогда я уйду. – Да подожди ты. – А чего ждать то? Пойду. А то так и не потрахаюсь сегодня. В первый раз я ушёл ни с чем, во второй. А в третий раз у неё сидели подружки. – Так мы будем трахаться или нет? – снова настойчивым шёпотом сразу возле двери осведомился я. – А просто с нами посидеть не можешь?! У меня же подруги. – Короче, жду пятнадцать минут, если чёткого ответа не будет, – уйду. Че, актрисок мало, что ли? Просидел пятнадцать минут. Поболтал с дураками. Посмотрел на неё. Глазами она показала: «Нет». Встал и пошёл к двери. Возле двери меня догнали. Это было согласие. С этой дамочкой мы встречались ещё несколько лет. Потом у неё появился муж, но нам не было до него никакого дела. Надо заметить, что она была очень раскованна в сексе. Просто класс. Но после секса её сразу хотелось куданибудь отправить. Говорить с ней было особо не о чём. Опытность моя в общении со студентками объяснялась ещё и тем, что этот институт не был моим первым учебным заведением. Как говорилось ранее, за спиной уже была пара лет отсидки на филфаке. Достоинством тёток филологов было то, что они действительно хотели учиться; недостатком – что, насколько они были умны, – настолько же и страшны. Есть даже старый студенческий анекдот. Как выбирали королеву красоты филфака. Выбрали настоящую бабу Ягу. После конкурса девочки с физфака и матфака сказали ей: «Какая из тебя красавица, ты ведь такая же страшная, как и мы!» На что она ответила: «Зато на филфаке я самая красивая». Ещё я короткое время учился на стоматолога, решив идти по стопам матери. Вообще то мне больше нравилась кардиология, но я тогда рассудил, что стоматология выгоднее. Сердце у человека одно, а зубов тридцать два. Значит, пациенты будут приходить чаще. Однако быстро разобравшись, что медицина – это не мой конёк, покинул этих юных Гиппократов, но успел познакомиться со студентками. Докторицы сильно отличались от студенток культуры. В «кульке» все были фифочки: главное для них – произвести впечатление. В «мёде» более вдумчивые, серьёзные. Их даже звали по имени отчеству. Ту, с которой я там сдружился, звали Анна Сергеевна. Она была на две головы меня выше, сейчас из неё вышла бы модель, а тогда мне ужасно льстило, что такая восхитительная дылда общается со мной, презренным. Правда, Анна Сергеевна, или А.С., без боя не далась мне ни разу. То есть она спокойно впускала меня в свою комнату, мы с

ней выпивали, после чего а спрашивал: «Ну чего, будем трахаться?» – Нет! – в ужасе кричала она и начинала карабкаться от меня по шкафам и по стенам. Залезала под кровать. Я имел её там, где ловил: на шторах или в холодильнике. Для неё это, по видимому, было как «весёлые старты», и в итоге этого побоища она всегда давала. И, как мне кажется, получала удовольствие. Хотя лежала, как корабельная сосна. По крайней мере, это было необычно, и других таких девчонок, – которые бы дрались, кусались, катались по полу, – у меня никогда не было. Я только читал о таких, которые получают удовольствие от борьбы. Наша связь закончилась внезапно. Однажды я ехал к ней и увидел, что она идёт с другим молодым ковбоем рецидивистом. И вот тогда я решил – все! Но если почти все мои романы – за парой исключений – заканчивались без серьёзных последствий – «подарил цветочек и всё» – то в общежитии народ начинал потихоньку жениться. Так, самый первый мальчик в нашей группе женился на страшной, как крокодил, девочке (вскоре он пошёл в загс и тихо развёлся). Причина браков в общежитии была банальна. Часто мальчик женился на девочке только потому, что она согласилась ему дать, если он женится. Он обещал ей это (в момент перевозбуждения), а потом приходилось расплачиваться. Что же ему делать, если очень хочется. Проституции в те времена почти не было. Точнее, нам она была недоступна. Вот и сходили с ума, совершали глупые поступки, то есть женились. Ещё сильнее потрясло всех известие, что композитор из Казахстана, прыщавый гений из параллельной группы, – тоже всё. В смысле, вперёд ногами... в ЗАГС. Причём женился на какой то жуткой – то ли бурятке, то ли монголке – девушке с маленькими хитренькими глазками и с крайне неинтересной, похожей на пингвина, внешностью. Она, в отличие от симпатичных девочек, – уверенных, что они спокойно выйдут замуж, – относилась к девушкам противоположной категории; а эти всегда сомневаются в замужестве и начинают искать разные кривые пути, как бы и им добиться того же. И пингвиниха стала спать с молодым композитором. По всей видимости, это была его первая, если можно так выразиться, женщина. И единственная, кто не посмотрел с презрением на его невзрачное табло. Этим она его и купила. Они трахались по полной программе в её комнате, только шум стоял и вой. Потом она сумела убедить поэта песенника, что их бурный тупой секс – и есть настоящая любовь! На каникулах она пригласила его в гости в родной Свердловск. Едва мальчик переступил порог дома, как его пассия звонко и радостно объявила: «Дорогие родители, это мой жених. И у

нас с ним будет свадьба!» Несчастный мальчик, конечно же, оторопел от такого поворота событий. Но на него смотрели возбуждённые от волнения родители. К тому же он находился на «вражеской территории». И он сказал: «ДА». Когда об этом узнали – институт встал на уши. У всех на глаза наворачивались слезы, особенно когда видели, как он, безумный, радуется. Когда они объявили о свадьбе, мы отговаривали: «Подумай, ты сейчас ещё молодой и некрасивый. Но погоди немного, заматереешь, станешь известным, телок у тебя будет миллион. Ты же талантливый и сейчас сам себя губишь». Он отнекивался. Говорил, что раз он обещал, то слова не нарушит. Приличный человек. Наш однокурник, ездивший к нему на свадьбу, рассказывал, что его мама там рыдала. Через три года у него уже было двое детей и, соответственно, никаких путей для отхода. «Красавица жена», которая наверняка не смогла бы долго удерживать его у своих груди, сумела популярно объяснить своему благоверному, что, если у него будет двое детей, в армию его не заберут. И он влип. Ему стало не до стихов и песен. Надо зарабатывать. Девушка Артура тоже все серьёзнее прибирала его к рукам. Она вцепилась в него, и он сам втягивался в их совместную жизнь. Она была удобна, прощала практически все: пьянство, загулы. Восхищалась его неслыханным талантом. Дело у них тоже шло к свадьбе. У меня же в тот момент было несколько параллельных романов. Из них два серьёзных. Один с Леной, а другой – с девушкой, которая появилась в моей жизни ещё раньше Лены. Девушка была одной из «моих» девственниц. Я лишил её невинности и обнаружил чрезвычайно сексуального зверька. Она умела трахаться чуть ли не на потолке. Но при этом каждый раз, когда мы вылезали из постели или слезали с потолка, я испытывал непреодолимое желание умчаться подальше... И потому я подумал подумал и перевёз Лену из общежития к себе. Жил я тогда у бабки с дедом. Они не особо возражали, но, заметив мне, что у нас всё таки «приличная семья», отвели ей отдельную от меня комнату. Дня два или три мы спали в разных спальнях, а потом я сказал: «Всё. Хватит. Жить мы будем в одной комнате». У меня с НЕЙ – серьёзно. Все течёт и все изменяет... Иду я вечером по улице и вижу – сидит парень и обнимается с девушкой. На следующий день иду по той же улице и вижу того же самого парня, но девушка уже другая. А сегодня парень опять сидит на лавочке, но уже с третьей девушкой. Выпьём же за постоянство мужчин и непостоянство женщин. Старинный кавказский тост – Жених! – кричу я в микрофон, стоя на сцене дорогого ресторана. Меня и ещё двоих моих приятелей наняли

для того, чтобы провести свадьбу. – Жених! У тебя ничего не пропало? Невесту собираешься выкупать? Невеста, совсем юная идиотка, которую мы же сами и похитили (неплохой приработок для артиста), сидит у нас в примерке, наивно и счастливо предвкушая, как сейчас все гости и суженый кинутся на её поиски. Как бы не так! Её суженый поворачивается и цинично, ломая столетиями сложившуюся традицию, заявляет: «Пропала? Ну и х... с ней!» – Как это? Гости дорогие, ребята, надо выкупать невесту! – завопил я, обращаясь к гостям. Иначе может произойти самое страшное! – Га, га, гы! – залились смехом друзья жениха. – А самое страшное уже произошло: он женился. И выкупать её мы не будем. На фиг нам это надо? В недоумении и растерянности – неплохой приработок обламывается – я захожу в примерку. Невеста и мои коллеги смотрят на меня вопросительно. – Как же это? А что же теперь будет?! – изумлённо спрашивает она. – Что будет, что будет! Ну трахнем тебя по разу и отпустим, – заявляю я. Люди, давно знакомые со мной, знают, что так я всего лишь невинно шучу. – Да? – Глаза невесты на секунду вспыхнули. А потом она потупила взор. – Ну ладно. Только чтоб муж не знал. И САМА сняла трусы. ...Немая сцена... Мы не знали, как прийти в себя. Перед нами стояло создание в белом, за стенкой гуляла её свадьба, а она смотрела вопросительно на нас и ждала. Мы, конечно, циники. Но для нас это было чудовищно. И в ужасе понимая, что мы не можем её разочаровать, решили... не разочаровывать. А что?! Неплохой приработок для артистов. После чего невестушка надела трусики и спокойно отправилась догуливать. До сих пор не пойму, что все это значило. Некоторые мне говорят, что она обиделась на жениха и решила тут же, не сходя с места, отомстить. Не знаю. До сих пор. Тогда же был так шокирован, что мне было не до наблюдений за людьми и раздумий на эту тему. Мысли были только о том, как отсюда поскорее унести ноги. А эта свадьба, свадьба, свадьба, все пела и плясала... Только она одна и осталась для меня загадкой. А всего я провёл в своей жизни тридцать восемь свадеб. И, значит, такое же количество раз видел пары, решившие жить вместе. Почти всегда с первого взгляда становилось ясно, что один из супругов – человек неплохой, а второй – «конченная тварь». Даже случайные гости на свадьбе видят это. И звучит фраза, примерно как в чеховской «Анне на шее»: «И чего это милая, такая хорошая за такого растакого идёт?» Или наоборот: жених – человек замечательный, и все думают: «И как его эта стерва урвала?» Как складывается в дальнейшем их жизнь, я один раз видел, второй раз читал у Чехова. В этих двух

случаях человек, бывший очень хорошим, скурвился; «Анна на шее» стала б...ю и стервой. А можно ли вывести тут мораль, что с волками жить – по волчьи выть, даже не знаю. Всё таки работал только у богатых людей. Ну, или хотя бы один из супругов должен был быть богатым (как было у Чехова). Ведь бедные не заказывают «звёзд». Наверное, среда, «подпорченная» деньгами, имеет свои особенности. Ну да и Бог с ними. ...На тот момент, когда лично я обзавёлся «второй половиной», денег ни у неё, ни у меня не было. Нам не снились ни балы, ни свадьбы в дорогих ресторанах с нанятыми музыкантами и тамадой. Нас не держала вместе какая либо веская причина, кроме любви: например, когда девочка беременеет, а парень ВЫНУЖДЕН жениться. Ничего подобного не было! Нас связывали только чувства. Мы оба все ещё учились в институте. Оба придумывали, как заработать. Я пахал, где мог: выступал на пьянках; зажигал с песнями на улицах; несколько раз в неделю выступал в самом модном тогда андеграундном кабаре «Арт клиника». Помимо этого делал все: торговал газетами, подрабатывал грузчиком и, кстати, одним из первых в этой стране, почувствовал «ветер перемен», стал мотаться в Турцию за шмотками, которые мы с Леной продавали на рынке, несмотря на мороз или жару и насрав на престиж нашего гуманитарного образования. На каникулах мы вместе ездили куданибудь отдохнуть. Всю Европу проехали автостопом, и нам было наплевать, по большому счёту, на отсутствие комфорта и элементарных удобств. К тому же я всегда был уверен, что когданибудь разбогатею. А сейчас – это временно; просто такой жизненный этап. Казалось бы, идеальное сочетание для семьи: молодые люди, оба неизбалованные деньгами, оба равны. Любят друг друга бескорыстно, а значит, и вправду любят. ...Но почему тогда я начал изменять? Наверное, потому, что мужчина полигамен. Такими нас создала природа. Тут хоть тресни. В свою защиту я могу сказать одно: я не искал возможностей пойти налево. И не бегал за бабами. Уж тем более в первые годы нашей совместной жизни. Возможности сами находили меня. Как говорят: не вор ищет случая, а случай делает вора. Моя главная профессия – конферанс. Конферанс – это пьянки. Пьянки – это красивые, алчущие удовольствий бабы. Бабы – это невесты, готовые снять трусы, и т.д. и т.п. Если честно, находясь в горячке работы и думая только о том, как сделать так, чтобы людям понравилось и чтобы позвали ещё, я даже не всегда успевал осознать, что изменяю любимой. Ну, например. Как то к нам в «Арт клинику» заявляется центральное немецкое телевидение. Зная, что народ здесь работает самый свободный и

отвязный, они говорят, что хотят снять сюжет «Ночь свободной любви в России». Обещают неплохо заплатить. Деньги – это хорошо. К тому же год на дворе девяносто третий, наша страна ещё слыхом не слыхивала о таком виде любовных развлечений. То есть – мы в этом деле будем первые! Для людей творческих самое приятное – возглавить колонну. И мы взялись: пообещали людям собрать и на секс «развести». Кирка Миллер, художник и хозяин этого клуба, сделал из папье маше огромный фаллос и пошёл с ним наперевес по улицам. Проходим, как в микрофон, просил дать в него интервью. Те, кто не шарахались и весело реагировали, получали пригласительные на нашу вечеринку. На входе мы раздавали шампанское и водку. Едва собралось достаточно людей, вход в клуб закрыли... Мы, если честно, тогда не знали, как публику к разврату подтолкнуть; конечно, были разбитной ведущий (то есть я), халявный алкоголь и весёлый негритянский оркестр. Я видел со сцены, что люди зажимаются по углам, но пока до «Ночи свободной любви» мы недотягиваем. Проходит немного времени, я поворачиваюсь спиной к залу, чтобы дать очередные указания музыкантам. Разворачиваюсь и вижу... что мы уже почти приближаемся к цели. Люди стали раздеваться. Но пока все ещё робко. Им нужен последний толчок. И им стал я! Вытащил из зала девчонку и прямо на сцене на глазах изумлённых немцев мы с ней все и проделали. Публика, видя такое дело, наконец, осмелела и пошла в разнос. Свершилось. Знаете, а стране то, наверное, хотелось свободной любви... Вот скажите, кто сейчас думает, что это была измена жене? Да это был подвиг! Прорыв сквозь советскую культуру. Попытка стать легендой. Пусть ценой собственной репутации. В сломе моральных устоев тогда и была норма жизни. Мне вот даже до сих пор интересно, сколько немцы заработали на этом сюжете. Меня потом узнавали, когда приезжал в Мюнхен: «Вы из России. Мы вас видели по телевизору!» Многие из Германии приезжали в клуб, посмотреть на меня. А я чего... Практически честный семейный гражданин, герой, никогда больше не повторивший такого подвига: а на фиг надо?! Подвиг бывает один раз. И герой должен быть один, потому что если героев много – это уже банда. И снова ходишь верный. Ходишь и ходишь... Верный и верный. Вот так однажды иду себе по клубу и иду. Программа закончилась, а за одним из столиков сидит такая грустная прегрустная девочка. Все веселятся, а она чуть не плачет. Мне её даже жалко стало. Подсел к ней и говорю: «Может, водочки?» – Можно. Надо же, согласна! Заказал – выпили. – Может, ещё? – ... – Нужно! Заказал ещё – выпили. – А,

может, пойдём куданибудь, ну и того?... – предложил ей. – Что, так сразу? – Ну почему сразу?! Разве я похож на такого циника. Вначале прогулка. И мы пошли на прогулку: на другой этаж за ключами от чердака. На чердаке прогулка завершилась. Правда, неудачно. Там было очень грязно. Рассыпаны опилки. И мы, повалявшись в них, все ж таки решили пойти в гости к моему другу, который жил недалеко. Встретил он нас приветливо. Мне стыдно, конечно перед женой. Но такая бл...ская натура у самца: видит он, что можно телку получить, и ему пройти мимо трудно. Один раз себя можно пересилить, второй, а на третий... Ну не вмоготу. Особенно, если свободных баб вокруг, как пчёл на цветущем лугу. И во второй раз притащил я к тому же приятелю ещё одну куколку из клуба. Восемнадцатилетняя, гибкая, она танцевала, любясь сама собою, и на лице её читалось: ах, какая же я красавица. – Ах, как же хорошо вы танцуете! – подпел я её внутреннему настроению, случайно проходя мимо. – Правда? Купилась! – Ну конечно! Ах, вам непременно необходим хороший педагог. Или вы погубите свой талант! – понёс я околесицу – Все ж таки учился на режиссёра, знал нужные термины и научно объяснил ей, до чего она хороша танцует. – У меня нет денег на учителя. – Я вас познакомлю с одним. Он посмотрит, если понравится, возьмёт бесплатно. Сделает из вас звезду. Она меня слушала, раскрыв ротик и растопырив зубки. Господи, как же все самки одинаковы по своей природе. Уж сколько раз твердили миру... Я склеил её точно так же, как и баб в институте. Она повелась на те же приёмы, согласилась пойти к моему другу, которому по телефону – когда она не слышала – я вкратце объяснил суть. Он тут же все просек. Встретил нас в трико, типа, репетировал, и тут же «включил» учителя: «Ну ка, девочка, станцуйте. А сейчас сымпровизируйте. Я включу вам музыку. Представьте, что вы колосок». И она стала что то изображать. – Так так, очень хорошо! Разденьтесь. Она разделась по пояс. – Нет, полностью раздеваемся. Быстренько. Девушка, времени нет, мне надо репетировать. Наивная танцовщица, доставляя нам несказанное удовольствие, которое мы оба с трудом маскировали деловитостью, полностью разделась. Он прибавил оборотов: «Что то не то. Понял! Вам надо намочить волосы, вы не чувствуете своих волос». И она пошла в ванную. А мы, уже не удержавшись, заловили её там. Она была ошарашена. Но, в итоге, ей вроде понравилось. На что ещё она надеялась? О, женщины!... То они всё время думают, как развести мужика; то массово попадают на самые примитивные приёмы. Впору писать главу «Удочки для дурочки», но что в ней скажешь нового? Если

мужчина не ленив, он сам быстро изучает «предмет вожделения» и легко им пользуется. Причём, ему даже не надо быть великого ума. Надо всего лишь научиться нажимать на некоторые рычажочки. «Помни, Урри, у каждого есть кнопка!» И у баб они есть. Случалось, например, так, что я приводил когонибудь к себе домой, заводил в детскую... – О, у тебя есть ребёнок? – разочарованно спрашивала девица. – Да, – томно вздыхал я. – И... жена есть? – Уже нет. Она поехала с подругой на машине и разбилась. Смерть вызывала у них сочувствие к пострадавшим, ко мне и ребёнку и радость обладания холостяком. Они начинали говорить, как любят детей и как хорошо, что малыш есть уже «готовый», под себя не ходит. ...Вообще то, в доме были и женские вещи, и, будь девицы повнимательнее, они бы поняли, что их разводят. Но они видели лишь то, что хотели видеть. А я в этом не виноват. Почему же они утром так удивлялись, когда я будил и говорил: «Собирайся, жена сейчас приедет». – Какая жена? – ошалело спросонья не понимали они. – Моя. – Ты же говорил, что она померла. – Померла?! Да ты что! Пьяный, наверное, был. Ты больше слушай. Я когда напьюсь, вечно всякую херню несу. Правда, мне это быстро надоело. Я предпочитаю, чтобы всё было по честному. Пускай она принимает и любит таким, какой есть. ...А я пока с интересом понаблюдаю за тем, как выходят на эту охоту другие самцы. Их тривиальные приёмы сексуальных игр лично мне видны с первого хода, но бабам, представьте, нет! Я часто бываю потрясён до глубины души! Помню, отдыхал на Красном море, и там инструктором по дайвингу работал араб по имени Али. Всех баб он клеил на одну и ту же удочку. Каждой рассказывал, что у него на протяжении восьми лет была девушка, с которой они любили друг друга. Но он никак не мог накопить денег, чтобы заплатить калым. Они страдали, но не могли даже убежать из дома. Девушка считалась опозоренной, если парень не может заплатить. И вот однажды он почти накопил деньги, на радостях спешил к ней на машине, чтобы и её скорее обрадовать. А она как раз выходила из автобуса. И он её сбил. Она погибла. Он себе места не находит вот уже пять лет, и у него ещё никого не было... О о о, какая жуткая история... Практически каждая туристка, выслушав её, считала своим долгом утешить Али на своей груди. Это происходило примерно три четыре раза на дню в разных отелях. Одну он трахнул даже под водой на глубине пятнадцати метров. Она в тот день вообще первый раз надела на себя водолазный костюм. Ничего себе нырнула! Но, Боже мой, чем же мог быть интересен этим состоятельным и образованным дамочкам бедный и

полуграмотный араб? А поди ж ты! Причём многие телки приехали с мужиками. Здесь уже можно переходить от темы мужских измен к теме женских. Мы друг друга стоим. Говорю ответственно. В силу профессии, мне пришлось не только самому оказываться в изменщиках, но невольно становиться и свидетелем большого количества супружеских измен. ...Пора бы уже спросить, а куда смотрят их мужья? Иногда они, конечно, что то подозревают. Только что им делать то? Что, если он её любит и не может без неё жить? Наверное, просто бьёт её. Когда я раньше читал в газетах, что муж избивает жену, уверенно полагал, что он какое то жуткое чудовище. Зверь! Бьёт женщину! Да как он может поднять руку на это слабое существо?! Но сейчас я думаю: а что ему делать, если попалась такая вот баба? Если он приходит домой и видит, что она лежит с любовником. Убить её?! Выгнать нереально, потому что без неё ему жизни нет. Самое забавное, что нередко и она без него не может. Нам в институте объясняли, что не всегда, когда мужик бьёт бабу, сторона, получившая увечья, потерпевшая. Наоборот, потерпевшим часто бывает мужчина, который бьёт. Мне рассказывал приятель, как гулял на одной свадьбе. Разумеется, все напились, стали друг к другу приставать. С ним рядом сидела девушка, которая под столом протянула холёную руку и положила руку ему на ширинку – давай? Они пошли в какую то комнату, где была свалена верхняя одежда, и там, прямо на шубах все и произошло. Довольный, он вернулся в зал. Душа хотела продолжения праздника и поделиться с кем то радостью. Первый гражданин, к которому он подсел с предложением выпить, не отказался. Но мина у гражданина было очень кислой. – Ты чего такой грустный, случилось чего? – участливо спросил мой приятель. – Нет. – Ну, развлекись тогда, давай выпьем. Смотри, какие девчонки. Вон та так сосёт классно. Только что мне на шубах дала. – Я знаю. Это моя жена... Хмель куда то сразу испарился. Веселье тоже куда то исчезло. Жуткая ситуация. А что делать? Оставлять такую дома? Тогда будет как в анекдоте: Старенький дедушка приходит в кинотеатр с молодой женой. Едва свет выключается, как она начинает целоваться с каким то парнем. Зрители шепчут деду: «Смотрите, что они делают». – «Ой, да знаю я. Но такая история происходит каждый раз, когда мы идём в кино». – «Что же вы не оставите её дома?» – «Дома ещё хуже. Дома её вообще е...т». Ко мне после выступления в клубе часто клеятся бабы, причём пришедшие с мужьями. «Роман Львович, с вами можно встретиться?» – «Уйдите, – говорю, – к чёрту, пока нас не убили». – «Ну оставьте телефон, мы вам позвоним».

Прямо за спинами мужей. Что это, если не вероломство?! Кстати, знаете, почему у всех народов национальность ребёнка определяют по отцу, а у евреев по матери? Я об этом спрашивал у раввина. Он сказал: «Кто мать ребёнка, всегда ясно. А вот кто отец...» Мудро. ...Вроде бы во всей этой катавасии (которая началась случайно, а продлилась много лет) я не стал ещё чьим то отцом. По крайней мере звонков после той армейской истории не было. Хотя практически все мои незамужние бабы говорили, что беременны от меня. Но эта их беременность каждый раз сама по себе благополучно рассасывалась, едва они понимали, что прибрать меня к рукам не удастся. А тётки всегда хотят прибрать нас к рукам. Когда ты встретился с ней во второй раз, в третий, в четвёртый, она думает, что у вас все серьёзно. И она сразу начинает строить воздушные замки. И думать, как вы поженитесь, как детей назовёте. Ты тоже думаешь, что у вас все серьёзно, и планируешь с ней время от времени серьёзно трахаться. А если ваши отношения опасно затянулись, надо серьёзно продумать, как их закруглить. Когда то я услышал выражение, показавшееся мне необычайно любопытным: «Если от вас ушла жена, точно запомните, как вам это удалось». От жены мне избавляться не приходилось. И я никогда не оставляю её. Но вот с любовницами приходится заучивать: ЧТО её может оттолкнуть от тебя, когда тебе будет нужно, чтобы она из твоей жизни исчезла. Исчезла до того, как станет опасна твоей семье. Я наблюдал такое у друзей. Когда любовница звонила жене и говорила: «Вася любит меня, а с вами, с женой, живёт только по привычке». Мне таких звонков не хотелось. Я берег семью, хотя старался не обижать любовниц. Говорил честно: «Я на тебе никогда не женюсь... Давай просто позанимаемся любовью». Женщина сразу не верит в то, что не женюсь. Она крутит, вертит, что то выгадывает. Пытается преподнести себя как королеву и богиню. Пытается как можно дороже себя продать. Правда... соглашается заниматься любовью, но долго рассказывая, какая она порядочная. И что «такие, как она, сразу не отдаются». И к тому же «у неё был всего один парень». Или два. И обычно её изнасиловали, когда ей было шестнадцать лет, на новогодней пьянке. «Очнулась вся в крови». И только ты то и сумел в ней разбудить женщину. И только с тобой секс доставляет ей удовольствие. И только поэтому ты должен на ней жениться. ?????????????????? «Очень хорошо! – говоришь ты. – Но я же сразу сказал, что у меня семья. Давай просто любовью займёмся». «Значит, не женишься?» – ведёт она свою линию. И, переспросив в последний раз, посылает тебя из своей постели к чертям

собачьим. «Ау ууу, дорогая, – взываешь ты к её логике, одеваясь. – Но ты сказала, что секс со мной тебе так приятен? Может, того?... Ещё разочек?...» А в ответ тишина. Поняв, что нет никаких перспектив, та, в которой «ты разбудил женщину», исчезает из твоей жизни. Вот поэтому я, да и многие другие самцы, предпочитают ходить налево с замужними бабами. Они идеальны для семейного гражданина. Им не нужны подарки, они ведь не могут притащить их домой. Они не стремятся разрушить твой брак. И ты понимаешь, что она с тобой не ради денег или перспектив, а только ради удовольствия. О, добрая женщина, как я тебя люблю! Иногда, конечно, взбредёт в голову мысль, что у неё ведь есть муж. И что мы (я и она) наставляем несчастному рога. Но тебя греет мысль, что, может, он всё таки умный человек. И если застукает вас (тебя и её), то, скорее всего, если он умный человек, пристрелит именно её. Как в анекдоте: – Подсудимый, за что вы убили жену? – Я застал её с любовником! – Но вы застрелили её, а не его. – Лучше один раз замочить одну б..., чем каждую неделю убивать по человеку! Секс в чужой семье – Почему вы хотите развестись со своей женой? – А у неё, гражданин судья, волосы на голове чёрные, а на лобке рыжие. – Ну и что? – Мне лично все равно, а друзья смеются. Глава предыдущая закончилась страшно. И вообще, измена – для кого то ужасное слово, И для меня оно тоже было таким. Потому что из за неверности самцы бьют морды бабам, вешаются, стреляются на дуэлях. Сколько людей полегло из за того, что посмотрели на чужую жену, и сколько – из за того, что сунулись защищать её честь и своё достоинство. Но год идёт за годом, век за веком, общество меняется. И я со временем столкнулся с новой для меня и очень интересной формой супружеского существования... – Рома! Ты куда?! А продолжение банкета?! Конечно, эту фразу в тех или иных вариантах приходится часто слышать после программы и клубе. Я не брюзжу. Я, наоборот, надеюсь, что и в дальнейшем буду её слышать. Это значит, что понравилось. Значит, не хотят отпускать. Значит, понесло их в загул и в веселье... Что и требовалось: цель достигнута, работа выполнена качественно. Ну а я... А мне тоже весело, тоже нередко хочется с ними выпить ещё по чуть чуть, и вроде нет причин отказываться. Правда, порой составляя компанию «понёсшимся», я не всегда, к сожалению, знаю, куда занесёт меня. Вот так однажды в Питере подваливают ко мне две явно семейные парочки с предложением поехать к ним, посидеть, выпить. Вроде неплохие ребята. Соглашаюсь. Приехали. Посидели. Выпили. Глаза у меня уже слипаются, делать, в принципе, больше нечего, поэтому я

по давней традиции Винни Пуха «Ну, раз у вас больше ничего не осталось...» потихоньку начинаю собираться в сторону дома. – Как?! – вдруг возмутились хозяева. – А как же с культурной программой? – Какой ещё программой? – не въехал я. – Ну а трахаться, что, не хочешь? Тут я, признаться, несколько напрягся. Двое мужиков, их жены. «Кого же тут трахать?! – пронеслось в моей стремительно начинающей трезветь голове. – По всей видимости – меня. Но жопу свою я продам очень дорого». И рванул к дверям. Там благородного искателя приключений уже ждал сюрприз в лице (морде) злобной псины, – кажется, это был шарпей, – зарычавшей и улёгшейся у двери. Обложили! Пришлось вернуться. – Ну ладно. Только я не понял, кого же будем трахать то? – А че, тебе наши бабы не нравятся? Ах вон оно в чём дело, с опозданием сообразил я. И мы начали! Трахаясь по всей квартире, то с одной, то с другой, я вроде и получал удовольствие, и всё же порой напрягался. Потому что к моему уху всё время прилипал чей то муж и горячо нашёптывал: «А ты любишь, чтобы тебе женщина в рот пописала? – „Извини. Я пока и так шокирован и не готов ко всем подвигам сразу“. – „А ты попробуй, попробуй, – прилипал он к другому уху, когда я пыхтел над другой бабой. – Это очень приятно. Тебе понравится. Мне, например, очень“. – „Угу, в следующий раз...“ Выбравшись, наконец, мимо спящего шарпея на ночной воздух, достал из кармана телефон этой гоп компании, который они мне всунули на прощание, и без сожаления выбросил его. Нет, против пар, практикующих «стенка на стенку», я ничего не имею. Но тут уже чувствовалось: крыша отъехала капитально. В следующий раз они бы точно нассали мне в рот, насрали в уши. А ну их, такие приключения!... Во второй раз в подобную – хотя более приятную и горячую переделку – я попал так же случайно. И тоже после программы. Только на этот раз я работал не у себя в клубе, а на яхте. Гуляли там семьями. Разумеется, в один прекрасный момент все перебрали. И я в том числе. Слово за слово, – детали уже не помню – как на автопилоте, я стащил трусы с подвернувшейся под руку бабы. В принципе за это можно получить по морде. Но тогда ничего подобного не произошло. Более того, другие бабы стали снимать трусы сами, и, оглянувшись, я с удивлением увидел, как вокруг начинается оргия. А раз начинается, то попробуй удержаться и не участвовать! Утром разберёмся. На следующий день, проснувшись к обеду с тяжёлой головой, я стал прикидывать, во что влип? Конечно, именно я помог им дойти до невменяемого состояния и первым начал приставать к чужой бабе, но это же ещё не сигнал для всех

приступать к разврату!... Так ничего для себя толком и не решив, вышел на палубу. Будь что будет. Но оказалось, что остальная публика на яхте, расположившись на палубе, спокойно себе загорала. И никто никому не бил морду за вчерашнее, никто ни с кем не разводился. Словно все к порядку вещей. Как будто так и должно быть. Уже позже я узнал, что они свингеры. Мне стало любопытно, что это за явление такое и как же это может быть. Я все пытался выяснить у одного из мужиков на яхте: «Как же так? Жена у тебя красивая, молодая. Зачем же ты её отдаёшь?» Ответил он очень интересно: «Знаешь, Рома. Пусть лучше её ебут мои друзья, чем мои враги!» Я потом долго думал: может, он и прав? Может, сейчас он хочет просто получать удовольствие от жизни. Хочет, между прочим, чтобы и жена получала удовольствие. И смотреть на это. Тем более, если есть возможность устроить все органично. По мнению свингеров, женщина – такой же человек, как мужчина. Она тоже любит трахаться и тоже получает от этого удовольствие. Она – человек, который точно так же любит разнообразие, как и мужчина. Любовь – понятие духовное, а секс, как никак, плотское. Как сказал поэт, все в семейной жизни притирается: еда приедается, жена прие...ывается. Женщина, не получая былого удовлетворения от секса, будет искать его на стороне. Ни один, даже самый потрясающий любовник не сможет быть до бесконечности разнообразным и не сможет тот же размах и качество держать на протяжении многолетней дистанции. И тут он сворачивает на левую беговую дорожку. Женщина, повторимся, такой же человек. И точно так же начнёт искать другие пути. Если у супругов появляются различные интересы, рано или поздно, на первом, втором или третьем перекрёстке, их дороги разойдутся. Чтобы этого не произошло, в какой то момент супруги с беговой дорожки стадиона выходят на оживлённую улицу. Хотя это тот же самый дуэт, но время от времени появляется рядом с ними то один человек, то второй. То мужчина, то женщина. Бегут супруги по прежнему вместе, но уже в коллективе. И вроде делают они все то же самое, но бежать веселее. – Рома! Ты куда?! А продолжение банкета?! ...Конечно, кто то может спросить, а зачем я поехал, незнамо куда?! Должен сказать, что с годами в моей жизни тоже наступили перемены. Я ушёл из «Арт клиники», где работал у своих друзей. И однажды пришла пора начать работать по взрослому. Нанятым сотрудником; на хозяина; в месте, где меня не знали, где высокие цены, богатые гости, где я не имел права на ошибку. Если бы меня уволили, идти было бы уже некуда. А жена не работала, сидела с ребёнком... Я всё это

рассказываю для того, чтобы показать, что и моё психологическое состояние тоже стало другим. Более напряжённым и нервным. Поэтому я не мог после программы спокойно ехать домой в тихую квартиру, ложиться в тёплую постель и, наконец то, уснуть в тот самый час, когда многие встают на работу. Это было бы бесчеловечно по отношению к себе, любимому! Моя работа накрывает, как наркотик и очень долго плющит. Но такую серьёзную работу – смешить людей – я выбрал сам. И не думаю менять, хотя теперь уже вижу, что сложно выходить на сцену перед сотней зрителей, зная, что каждый из них беспристрастно оценивает тебя. Ночной клуб – это вам не МХАТ, где зрители сидят чинно и молча. В клубе все, как правило, пьяны, громко разговаривают друг с другом, и овладеть их вниманием часто непросто. Зато, если они чем то недовольны, громко это выскажут в ту же секунду. Клубная сцена – ежедневный экзамен. Перед программой меня всегда «колбасит». Не могу есть, так как артист должен быть злым и голодным. К тому же знаю, что, если поем, то начну засыпать (как засыпал однажды от усталости, стоя в солдатском туалете). И этот нервяк – постоянен, хотя выхожу на сцену много лет. Изменилось только одно: сейчас спокойнее отношусь к редким провалам. Раньше себя казнил. Мне казалось, что я сам виноват, – не смог публику завести. Сейчас знаю наверняка, что публика бывает разная. И случаются такие вечера, когда в сумасшедших домах проводятся дни открытых дверей и все «дауны» могут собраться у тебя. Такое случается, но, слава Богу, редко. Впрочем, даже если прошло на отлично, – все равно «бубенит»! Не могу ничего делать, не в силах ни на чём сосредоточиться. Ложиться спать бессмысленно: все равно не уснёшь. Смотреть кино – нереально: ничего не воображаешь. Самый простой способ снять это стрессовое состояние – алкоголь. И, конечно же, бабы. Только, вы меня извините, на нормальную бабу уже нет ни времени, ни сил. И, вообще, где их найти, нормальных, если работу заканчиваешь в два часа ночи? Да они давно спят и видят меня во сне в белых тапочках. Зато вдруг подворачиваются компании и... – Рома! Ты куда?! А продолжение банкета?! Конечно, кто то спросит, а как же жена? ...Кстати, о жене. Я точно не знаю, но, наверное, никто не обольщался насчёт моей верности. Сама «тихая» профессия – жить на этом разгуле – подталкивает к омуту. Но что остаётся жене: если любишь человека – приходится прощать. Главное, что я никогда не делал ничего цинично у неё на глазах. А, может быть, в этом и заключается любовь. Как культура заключается не в том, чтобы не ругаться матом, а в том, чтобы знать,

где это можно делать. И ночевать я всегда приходил домой. Нигде не заваливался спать, как бы мне ни хотелось. Поэтому, что касается жён, – умная женщина всегда ставит перед собой вопрос: а готова ли она услышать правду? Когда ты вернулся поздно ночью домой, самое простое, что она может спросить: «Где был?» – На пьянке. – И бабы там были? Я честный человек. Могу ведь ответить, что были. Тогда ей придётся спросить: «И ты с ними спал?» Я, конечно, начну отпираться. Я – не я, кобыла не моя... Но ведь я буду пьяным, уставшим, как герой того анекдота, сказавший супруге: «Ты же такая умная. Придумай чтонибудь сама». А то и признаюсь, лишь бы дали уснуть. И ей придётся устраивать скандал. А зачем?! Лучше ведь просто сказать мужу, чтобы шёл спать. Лишние вопросы рожают лишние ответы. Женщине не стоит их задавать, если она соображает, в каком мире живёт супруг. Она должна вырулить на верную дорогу и суметь сохранить видимость того, что семья в порядке. Главное – счастье. А счастье – это когда тебя понимают. «Кто сегодня дежурит в постели?» И шёл Адам по райскому саду. И выпало у него ребро. И сказал Адам: «БЛ Я Я Я ДЬ!» И стало так... «Га га га! Ха ха ха! Ох, ых!» – слышу я у себя за спиной дикий бабский хохот, и на ярко освещённую сцену прямо во время моего монолога на железном подносе выезжает самая толстая и безобразная из моих танцовщиц, нанятая исключительно для гротеска, по имени Климакс. – Уйди, чудовище! – пытаюсь я хоть как то обыграть происходящее безумие. – Сейчас не твой выход. – Га, га, га! – не успокаивается она и, заваливаясь на спину, потрясывает жирными ляжками. Ей хорошо. Она нахрюкалась в гримерке и уже совсем не понимает, где она и что она. Чтобы как то выйти из этого дурацкого положения, я задаю публике вопрос: «Что это такое: на свадьбе пьяное, в кружевах, по полу катается и хохочет?» Правильный ответ – «Невеста». Народ смеётся. Климакс тоже угорает. Я пытаюсь пинками её вытолкать за кулисы, при этом ещё продолжая одну из долгоиграющих баек. Но даже моего проверенного опытом многочисленных пьянок мастерства недостаточно, чтобы заткнуть незатыкаемое, и унять неунимаемое, и впихнуть за кулисы невпихиваемое. Ситуацию спасает только убеждение зрителей, что так оно и задумано. Правда, ненадолго. Климакс пьяна не по бутаторски. И вскоре все с интересом наблюдают за неожиданным зрелищем: как Трахтенберг будет справляться с пьяной безумной бабой... Ничего, справлюсь. Может, и не сегодня. Ну так завтра она будет уволена. Слава Богу, такой случай был у меня единственный. В основном же стриптизерки, при всём моем

нежелании называть их артистками, все равно имеют отношение к нашему шоу миру: к миру шоу бизнеса, к сцене, к блеску, к мишуре. Собственно, они этой мишурой и являются. Но несмотря ни на что, они все равно более высокоорганизованны, чем человек со стороны, так сказать, из зала. Так, один наш гость перебрал и, выползая на сцену, видимо, почувствовал себя гимнастом и решил сделать стойку на руках. Акробат из него вышел херовый, и в итоге пришлось вызывать «скорую». А стриптизерки – хоть и стоят в самом низу артистической иерархии, – такого не выкинут, и даже находясь в совсем свинском состоянии, очень редко падают в зал со сцены. Но и то – это уже не скотское опьянение, а стадия дымковской игрушки, то есть когда они могут пускать только дым изо рта. И за это я им благодарен. Они составляют часть моей программы и намного артистичнее и собраннее, чем какиенибудь шлюшки модельки (об том расскажу чуть позже)... Но это все, конечно, не самое главное. Я взялся рассказывать о специфике своей службы, чтобы постепенно перейти к специфике служебных романов. Служебные романы ни в коем случае нельзя путать просто с романами на службе. Время от времени я уезжаю на гастроли в другие города, меня приглашают провести корпоративные или семейные пьянки. Все это разовые заказы и левый приработок. Случайные халтуры, на которых возможны случайные связи. Потому что почти везде, конечно же, есть возможность склеить какуюнибудь бабу. А то она и сама приклеится, а то и целая компания. Такая уж работа – ты заказчиков не выбираешь. Только они тебя. Но все эти связи, как правило, – случайные, хаотичные, непостоянные. Понеслась душа в рай – и ты вслед за ней. Романтика. Ну а теперь вернёмся к повседневной рабочей жизни. Моя основная служба – сцена моего клуба. И у меня «на службе» есть целый штат «служебных единиц»: танцовщицы стриптиза. В их замечательном окружении мне приходится трудиться систематически и еженощно (я не виноват, график такой). И что касается их, – то с ними так нельзя: чтобы просто «выпили – погуляли – разбежались». С ними необходимо работать дальше. И если что то вдруг произошло у тебя с тёткой с работы, то потом придётся придумать дальнейший план совместного существования, в котором всем было бы хорошо. Некоторые самцы вообще предпочитают не заморачиваться и в «своём болоте» никого не ловят. Я не такой. Ну конечно, для правильного ведения служебных романов надо вначале хорошо изучить соперника, не лениться, и полученный опыт много вам даст. За что мне, по большому счёту, нужно благодарить

стриптизерш, так это за одну важную вещь. Они показали мне, что женщина – такое же животное, как и мужчина. Она, то есть челове-чица, точно так же хочет трахаться! И она, то есть баба, точно такое же сексуально озабоченное создание, алчущее удовольствий. Просто обычные тётки в обычной жизни обычно сей факт тщательно скрывают и обычно лицемерят: «Это только вы, мужики, грязные скоты, думаете лишь о сексе. А нам он не нужен!» На самом деле – это просто пиар. Просто они так набивают себе цену, преследуя две банальные цели: либо развести тебя на деньги (типа, раз секс нужен тебе – платишь ты), либо, что ещё хуже, выскочить за тебя замуж (вот тут они уже изо всех сил доказывают, что порядочные). Доказывают со слезами на глазах, с истериками, с заламываниями рук и ног, выкручиванием пальцев, дополненным грудными стенаниями. Сара Бернар, по сравнению с ними, актриса самодеятельного театра студии при заборе строительном ПТУ. Что касается стриптизерок, то в отношении меня эти цели разбивались о две железобетонные стены: я женат и не подаю, ибо сам сир и наг. Что же касается денег, то брать их с меня, человека, дающего им работу и решающего их проблемы, во первых, грешно; во вторых, нереально; в третьих, самонадеянно и глупо. Наверное, поэтому – выгадывать все равно нечего – они и были честны со мной: откровенно говорили о своих желаниях, что у женщин бывает редко, спрашивали совета – давать этому или тому, и т. д. Не раз, кстати, случалось, что подходила ко мне девочка и шёпотом просила: «Ромка, у меня три месяца парня не было. Хочу, понимаешь, секса. Я сегодня всю ночь не спала, все думала. Может, давай, а?» – «Ну давай, – соглашался я. – Ты, конечно, не королева красоты, зато я Бэтмэн и всем помогаю. Раздевайся». А почему не помочь? Мы же друзья. Сейчас я уверен, что стоит после программы сказать: «Бабы, пошли ко мне пить!» – и они пойдут. Они все равно пьют во время работы, почему бы не продолжить и после? Потом в разгар пьяного веселья можно спросить: «Ну, кто пойдёт со мною в спальню?» Самая шустрая, находчивая и весёлая скажет, что она. Уламывать её не надо. Сама запрыгнет на тебя, кончит, слезет, скажет спасибо и предложит позвать когонибудь ещё... Если, конечно, надо... Ну разумеется, все это большой секрет нашего маленького коллектива. И, разумеется, такой прекрасный гарем создавался не сразу. Начало моей клубной карьеры вспоминается с ужасом. В тот трудный момент мне не доставало знания жизни и женской психологии, чтобы клеить танцовщиц. Да мне вообще было не до них. Я тогда тархтел со сцены без умолку ровно четыре часа. С десяти до

двух ночи. Микрофон был на шнуре, и его приходилось таскать в руке. Радиомикрофон стоил денег. И несчастные 800 долларов повергали хозяина то в уныние, то в ярость, хотя даже за одну программу он на мне зарабатывал намного больше. Музыку ставила барменша, которой я кричал через весь зал. Бабы танцевали по три танца кряду, а потом отдыхали. Я не отдыхал совсем. Они зарабатывали деньги, а я отсасывал... Но всё же, несмотря на ряд трудностей, думаю, именно эти годы были самыми зажигательными в моей карьере. У меня было желание выплеснуть все, что я знал, на зрителя, хотелось признания и любви (зрителя к артисту), творчества и совсем совсем немного денег, чтобы случайно не умереть от голода. Каждый день тогда отличался от предыдущего; как брат от сестры. Иногда вся программа состояла только из шутовской поэзии, и не было ни одного анекдота за весь вечер. Иногда только из афоризмов. Или только из анекдотов. В штате тогда состояли всего две танцовщицы, которые и исполняли самый тривиальный стриптиз, хотя выглядели обе крайне нетривиально. Одна вся в татуировках, как синяя птица, и в пирсинге, который у неё был даже на клиторе. Звали её Коряга, и встречалась она с самыми настоящими индейцами, с которыми всегда везде ништяк, а я – в очках и фраке – был совсем не в формате её оттяга. Вторая танцовщица, Оглобля, являлась миру в образе чётко выраженной наркоманки. Её квадратные глаза никогда не закрывались. Хотя никто её ни разу не поймал на наркоте, и вены её были непорочными, как воды Иордана, все равно ощущение создавалось такое, что она пользовалась всё, что можно. Из неё получилась бы хорошая иллюстрация к книге, которую я купил по случаю: «Как узнать, какие наркотики употребляют ваши дети». Впрочем, обе красочные девицы вскоре уволились, так и не оставив мне на память о себе никаких интимных заболеваний, тьфу ты, воспоминаний. Зато на их место взяли уже четверых. К этому моменту кипучая энергия нереализованного режиссёра шоу дала о себе знать, и я стал усиленно предлагать наполнить программу драматургически выдержанными танцевальными, шутивными номерами, более соответствующими стилю кабаре, нежели тупой, бездарный стриптиз. Голые бабы есть везде, и это банально. Хозяин клуба согласился со мной и сказал, что даже будет оплачивать мне и артисткам репетиции. Что, разумеется, всех обрадовало. И вот тогда одна из наших девочек сказала: «Где же здесь в клубе репетировать? Негде. Пойдём ко мне домой». «Ага, – обрадовался я про себя. – Лёд тронулся. Поплыли». Там все и случилось. Прямо перед репетицией. Приятно и

запоминаемо. Медленно и торжественно. Ведь тогда ещё было далеко до известности, до нормальных заработков. Это пришло потом. Через пару лет. А тогда мы были просто друзья. Первой появилась известность. И первую стриптизершу, которая повелась на модное имя, звали... не помню как. С ней у нас, кстати, не срослось. Потом у меня появились деньги, а потом и авторитет в клубе. И я уже сам разбирался с девочками, нанимал, увольнял. Вот с этого времени уже можно говорить о каких то служебных романах. Без которых – прости, любимая, – в цивилизованном мире шоу бизнеса не обойтись. Ибо, какой же нормальный мужчина может спокойно переодеваться в одной примерке с красивыми молодыми бабами и при этом не естествовать?! Скажите, как можно сидеть в малинике и не съесть ни ягодки? Как может бармен не пить? Как может гаишник не брать денег? Или тот, кто крутит сигары, не курить? Это аномалия. Продавцу алкоголя надо пить в свободное от работы время, чтобы разбираться в ассортименте, иначе он не сможет его продавать. А когда тот, кто крутит сигары, сам не курит, ему нет доверия, как и лысому производителю шампуня. В стриптиз клубах начальники должны быть бабниками! Иначе как они поймут, хороша тётка или нет. И вот здесь мы затронули глобальную проблему – девочка может быть очень хороша! Только она вовсе не обязана тебе давать. А что тогда делать?! Ведь хочется, как волку?! Алгоритм мне подсказала сама жизнь... Я ведь работаю в злачном месте и отдаю себе в этом отчёт. Я изначально допускаю тот факт, что девочки у меня не самые порядочные и уже далеко не девочки. Женщина, которая может на людях раздеваться, в народе называется как? Правильно. Поэтому, нанимая её на работу, я ввёл одно правило. Обычно я говорю: «Возможно, ты девушка порядочная (чего не может быть в принципе), и живёшь с парнем (хотя я никак не могу понять, что это за парень такой, которого твоя работа устраивает). Но, в общем, если ты хранишь ему верность, я, конечно, не имею никакого морального права заставить тебя спать со мной. Но! В том случае, если я увижу, что ты едешь за деньги трахаться с клиентами, считаю себя вправе встать в эту очередь первым и бесплатным VIPом». «Нет! Нет! Нет! Как вы можете так думать? Я не такая!» – возмущённо краснеют девочки. И мы начинаем работать. Жизнь обычно показывает, что прав именно я. Девочки идут в стриптиз потому, что им нравится лёгкий заработок и б...ядская жизнь. Они легко получают деньги, быстро находят кобелей и живут, совмещая приятное с полезным. Больше они ни черта делать не хотят, а если кто то пытается их

назвать по имени, они всегда говорят: «Да мы артистки, как вы могли вообще про нас такое подумать?!» Да уж действительно, как? Не скажу, конечно, что все такие, но абсолютное большинство. Вначале я спал с каждой втихаря. Но постепенно мы сдружились. Все у нас стало происходить, как «здрасти». Тем более, что дни рождения они обычно справляли в бане. Там всегда удавалось то с одной, то с другой потихоньку уединиться. Тем более что самцов конкурентов в клубе у меня не было. Моего сменщика, другого ведущего, бабы не любили, а хозяин клуба предпочитал держать дистанцию. Однажды, когда я понял, что уже всех трахнул (причём неоднократно), официально об этом заявил. «Чего вы кокетничаете и хихикаете, как целки? Я с вами со всеми уже спал!» – Да ладно, Рома! Ты гонишь! – Они все хихикали. – Ну ка, построились в ряд! Так, с тобой спал?... Да. А с тобою?... Тоже да. Когда расставлены все точки и секретов ни от кого нет, жить всегда проще. Тут как раз жена с ребёнком отваливала отдыхать в Египет, а я оставался один. Один в пустой квартире. Не, ну это неправильно, когда столько баб вокруг! Явившись в клуб, я объявил той, что пришла первой: «Назначаю тебя старшей. Тебе надо составить график сексуальных дежурств! Возьми бумажку, расчерти на десять дней, чтоб каждый день ктонибудь приходил. Можно по одной, можно по две. Трахтенберга напоить, накормить, отсосать. Боевой пост сдать и принять». Она послушно начертила график и вывесила на видном месте. И посетители, и работники клуба видели его, но, разумеется, принимали за шутку. Но я такой человек – не шучу никогда, правда, все наивно полагают, что это просто игра. Может, оно и к лучшему, иногда. В общем, все девочки аккуратно по графику приходили, все отмечались. Правда, одна – лысая и худая – не пришла. – Ой, мне некогда было, – оправдывалась она. – Через три дня приду. В следующую смену. И снова обманула. После чего я сразу дал ей громкоговорящее сценическое имя Залупа, а вскоре вообще уволил. Скажите, моё поведение – «сексуальное домогательство с использованием служебного положения»? Отвечу: «Нет». И это не только моя точка зрения! Каждый среднестатистический самец думает так же. Когда он видит, что в подчинённом ему коллективе помимо X, Y и Z работает ещё и Б., он не в силах смотреть на неё равнодушно. «Тому дала, этому дала...» «А МНЕ?!» – очень жёстко спросит он. И будет прав! ...Кстати, нужно, наверное, сделать ещё одно отступление по профессиональным вопросам. Читатели, которые никогда не были в клубах, где я работал, могут не понять, почему моих танцовщиц зовут такими странными именами. Связано это со

спецификой клуба, со стилем программы и текстами моих монологов. Поговорим о стиле. «Мода уходит – стиль остаётся» (цитата не помню из кого). Когда я только пришёл работать в первый свой клуб, официантки там ходили в париках (красный, жёлтый, зелёный...), в фашистских касках и кожаных жилетках. Вдобавок у них были вымышленные, абстрактные имена. Меняй официанток, никто не заметит. Как их зовут на самом деле, и вовсе никого не волнует. Почему я должен помнить, как зовут мою официантку, если я не помню, как зовут мою бабу. Только сегодня с ней познакомился. Так что сама атмосфера нашёптывала: живи сегодняшним днём. И чтобы влиться в этот коллектив, стать с ним единым целым, хотя бы внешне, я выкрасил волосы. (Можно было, конечно, надеть парик. Но я подумал, на фиг это надо? Хотя сейчас понимаю, что мысль эта более прогрессивная. Снял его, и ты НИКТО. Надел – и снова ТРАХТЕНБЕРГ.) Так вот, возвращаясь к стилю (и к стилю заведения, и к тому, что нам говорят о стиле классики). Если мы почитаем Синявского, то увидим, как он раскладывает образы на составляющие. «Что такое Чаплин? Это – усики, котелок и тросточка». «А что такое Пушкин? Это – цилиндр, трость и бакенбарды». Исходя из его теории, чтобы чей то образ запомнился, он должен быть прост и разложен на три пункта. И я для себя решил, что Трахтенберг – это рыжие волосы, живот и борода. Стриптизерок я стал называть по аналогии с официантками: Гангрена, Дятел, Сыктым, Макака, Беломор. Первое, что приходило в голову при виде девочки и лепилось на неё. Как показал опыт, это самый правильный подход. Если даже кажется вначале, что имя ей не очень подходит, оно все равно очень даже подходит. И общаясь между собой, девочки уже не говорили Лена, Катя, а – Хабарик, Трихомонада, Термудатор. Правда, они часто пытались лицемерить, как и все полупрофессионалки. Когда приходили устраиваться, то говорили, что их зовут Эммануэль, Элеонора, Кармен. Ну хорошо, Эммануэль... А теперь представьте себе реальную историю. Камера установлена в женской примерке и передаёт на большой экран, расположенный в зале, все, что в примерке происходит. Камера наезжает крупным планом на одну из Эммануэлек, а она что то жлухтит из огромного флакона с надписью «шампунь Хербена». Публика, сдерживая рвотные рефлексy, выпадает в обморок. Конечно, самым умным понятно, что бабам запрещено приносить на работу бухло и что они поэтому переливают алкоголь то в бутылку с «Кока колой», то в баночку из под «Клерасила» или «Фейри». Но подумайте, разве может Эммануэль херячить

«Хербену». Конечно, нет! А какаянибудь Сиракуза – может. К тому же им не всегда хочется, чтобы публика знала их реальные имена. Многие не афишируют свою профессию и ещё и поэтому придумывают себе невероятные прозвища «чтоб красиво было». Я знаю двоих транссексуалов. Одного зовут Хельга, другого Джульетта. В жизни, до операции, они были Серёжей и Алексеем. Но им всем хочется романтики, чуда. Только я то тут причём, если для правильно ориентированной публики они, как ни крути, просто «педерасты»?! – Ну ка, заканчивайте с этим! – приказываю я всем, кто приходит ко мне работать. – Почему? – недоумевают они. – А помните «Утиную охоту»? Где баба, знакомясь с мужиком, говорит ему: «Я буду называть вас Алик. Я всех мужчин называю Аликами». Так же и у меня в клубе. Есть шоу программа, у неё есть стиль: ты подчёркиваешь, что бабы, которые у тебя танцуют на сцене, не являются личностями. Они только иллюстрация для монологов, которые я, как ведущий и как единственный здравомыслящий на сцене, произношу. А танцовщицы – просто объект для комментариев. Для честных, прошу заметить, комментариев. Ибо девушка, танцующая голой под взглядами пьяных мужиков, не может зваться Мадонной. Это бред и верх цинизма. А в новом имени, которое я даю девочкам, есть даже уникальность. Мало ли среди стриптизерш Тань и Лён? Да жопой ешь. Неинтересно. А Кердык или Вибратор – одни. Вот, как раньше было? Каждому человеку давали только его имя. И это правильно. А сейчас лень и человеческая необразованность рожают обезьянничество и повторение. Моё поколение все Романы. Потом было поколение девочек по имени Арины. А я, как Пигмалион, раздавая имена, практически превращаю очередную Наташу в личность. Пускай и таким, немножко извращённым способом. Но, например, в исламских странах, если человек пережил смертельную болезнь, ему дают другое имя. У евреев, когда мальчику делают обрезание на восьмой день, ему тоже дают второе имя. Попадая ко мне в лапы, бабы навсегда превращаются в Шпинделей, Батарей и Усралочек. Девочка, пришедшая ко мне на работу, начинает новый этап своей жизни. Узнает, наконец, всю правду, которую самцы думают о ней на самом деле. Честно и жестоко, зато не приукрашено. Ей же, кроме меня, никто этого не скажет. Ведь цель самца – завалить бабу в постель, а для этого все средства хороши. Поэтому он льстит и врёт, говорит комплименты и дарит цветы. ...Итак, с именами понятно? Тогда переходим к личному. К вопросу, который всех интересует. Как же может проходить сексуальная жизнь такого большого коллектива?! Там же должны

быть ссоры, раздоры, борьба за первенство? Могу сказать, ничего этого в нашей славной труппе не было! Некоторые говорят, что нельзя трахаться там, где работаешь. Дескать, тогда баба сразу начинает гнуть пальцы, показывать всем, что она здесь королева. На самом деле, не все так однозначно: я считаю, что нужно спать либо со всеми, либо ни с кем (первый вариант интересней). И делать это открыто. Моё правило – честность, и только честность. Никаких обещаний, которые не собираешься исполнять. Я именно так себя и веду. И потому спать с ними мне легко. Они мне верят, не строят насчёт меня планов. Мы просто получаем удовольствие. Схемы в отношениях нет. Кого то приходится уговаривать долго. А кого то нет. Помню, одну «Лахудру» я трахнул прямо во время программы. Отошёл со сцены на пять минут, пока там шёл танцевальный номер, зашёл в туалет, нагнул девицу и, считая минуты до окончания композиции, всё сделал. Вернулся вовремя. Вообще то надо сказать, что, работая в эротической атмосфере, к ней притираешься очень быстро. Ну, ходит голая тётка. А вот вторая пошла. Пятая, десятая. Кажется, что может надоесть уже до чёртиков. Но только потом сам удивляешься тому, что этого не происходит. Ты не застрахован даже от того, что желание возникнет внезапно и спонтанно, как у подростка. Помню, однажды во время программы ко мне подошла официантка и, очень волнуясь, сообщила, что гости просят её станцевать голой на столе. Можно ли ей это сделать: они пообещали хорошо заплатить. Я видел, что у этих ребят полно денег и им хочется приколоться. Ведь не в каждом заведении такое реализуемо. И потому разрешил. Через минуту поднял глаза и посмотрел на её столик. Она танцевала крайне неловко, просто не умела, видно было, как она стесняется и как хочется ей заработать деньги. Но от её тощего тела шёл такой адреналин, что я возбуждился. Сутки я не мог избавиться от этой картинки в мозгах: халдейка танцевала, при этом боясь, возбуждая и возбуждаясь. Хотя сама девочка никогда не казалась мне интересной. На другой день я поймал её в коридорчике и затянул в туалет. Она оказалась совсем не против. Я закрыл дверь на защёлку, как обычно это делал, и быстренько её трахнул. А потом эта шлындра всем рассказывала, что я её изнасиловал. Как будто это можно сделать, когда в метре от нас за тонкой стенкой находилась толпа народа. Это не исключение. Это правило (постоянный бабский принцип выгораживания себя): «Не виноватая я. Он сам пришёл!» Знаем, проходили. ...Как то наняли на работу и качестве «девочки гоу гоу» бабушку, прости Господи, сорока девяти лет. Придумали для неё очень

смешной номер. Битый час я пытался объяснить ей, что от неё требуется, но после третьей попытки понял – она в этом не Копенгаген. И от усталости сказал: «Ну, пошли тогда трахаться». – «Пошли! А куда?!» – бодренько согласилась она. «Ого себе!» – подумал я. И пришлось пойти... В туалете попросил её сначала сделать минет – оказалось, она не умеет! Предложил научить, но старушке хотелось секса жестокого и ненасытного. «На учёбу времени нет, кто то зайти может», – заметила она. В общем, для возрастного рекорда, было забавно. Она всего на год младше моей мамы... А однажды у нас работала девица из Белоруссии. Не очень аппетитная. Не знаю, то ли совсем там плохо живётся, но девочку убедили делать порно номер. Получала она за это деньги меньшие, чем получали наши стриптизерки за рядовые танцы голышом, но ведь и танцевать она не умела. Чувствовалось, что деньги ей очень и очень нужны. И поэтому каждый вечер на сцене она «развлекалась» с бананом. А я каждый вечер все это внимательно разглядывал. И поэтому каждый вечер после программы я, естественно, подходил к ней и говорил: «Ну чего, коза, покувыркаемся?!» На что она каждый вечер обычно говорила: «Уйди, чудовище». И тут появилась информация, что через три дня она возвращается домой. В её услугах больше не нуждались. Расстроилась, конечно, сильно, но выбора ей не оставили. Времени устроиться куда то ещё нет, гостиничный номер, который снимал клуб, у неё отбирали. – Ну что, уезжаешь? – Я тогда ничем не мог помочь ей в карьере и подошёл проститься. – Уезжаешь, а вот с Трахтенбергом так и не попробовала. Будешь жалеть. – Рома, понимаешь, у меня полтора года не было мужика. Я очень хочу секса. Но не с тобой! – заявила она. Отчего то я обиделся. Не хочет, ну и мне не очень то хотелось. Это было только ради прикола, поймать бабу, которая естествоует с бананом при народе. Но неужели банан (в целях экономии один и тот же) хуже меня? И вот назавтра ей уезжать, а она вдруг дозрела: подходит ко мне и говорит, крепок ли я ещё в своём желании? Но я уже нашёл девочку на вечер, у меня другие планы. – А ты точно завтра едешь? Или, может, послезавтра? – Завтра днём поезд. Прикинул, что, раз так, ну не отказываться же. Перенёс свою встречу на другой вечер и пошёл с ней в её сраную гостиницу. В её жуткий и грязный номер. Благо, что хотя бы рядом. У входа сидел вахтёр. Он упёрся, что время два часа ночи, и он не хочет меня пускать. Пришлось дать сто рублей. Тогда это было как 20 долларов. Поднялись выше. На её этаже сидела бабушка, которая нахально запросила 150. Это было уже слишком! – Извини, красавица, я пойду домой, – заявил я. – Стой!

– сказала девочка. – Я заплачу. И произошло то, что мне ужасно понравилось и было в моей жизни все лишь ещё пару раз. ОНА ЗАПЛАТИЛА. ...Я тащусь, когда женщина платит за тебя. И большинство самцов тоже, хотя это против правил, и они редко такое себе позволяют. Но это приятно. Именно тогда и понимаешь, что она хочет тебя не меньше, чем ты её! ...Второй раз в моей жизни за меня платила девушка, пригласившая пообедать. Мне тогда очень захотелось почувствовать себя женщиной, циничной, наглой, вульгарной, берущей все, что плохо лежит. Конечно, потом наступила моя очередь водить её по ресторанам. Но это было потом. А был ещё случай, когда две девушки предлагали мне деньги. Такие холёные, в золоте, в брильянтах. Девочки подвалили после программы и сказали, что им очень понравилось. Они бы хотели ещё. И готовы заплатить триста долларов, если я буду выступать только для них у них же дома. Девочки, заметьте, очень симпатичные. Но сумма меня покорила. Если бы они повели себя иначе, я поехал бы и бесплатно, и даже сам купил бы выпивку. Но брать триста долларов – себя не уважать. – Пятьсот! – заявил я. – Мы подумаем, – сказали они и исчезли. «Девчонки, вернитесь!» – хотелось крикнуть в толпу. Но было неловко. А могла бы получиться глава «Как Трахтенберга купили бабы». Не получилось. М да. ...С этих заказчиц можно перейти к теме гастролей. Меня, действительно, как и большинство современных артистов, можно вызвать на дом. Только, разумеется, это дороже, чем прийти в клуб. Но зовут часто. И нередко вместе со стриптизерками. Как всякий другой начальник, имея возможность дать своим подчинённым заработать, я беру только те «служебные единицы», которые мне дают. А что: частные вечеринки – неплохой приработок для них. У меня гастролы всегда «нажористые» – накормят, напоят, устроят экскурсии. И им хорошо, и мне: не приходится искать секс в чужом городе. Обычно вчетвером и кувыркаемся. Ну а на программах девчонки часто меня спасают. Ведь бабы, перевоспитанные Трахтенбергом, все же на порядок профессиональнее, чем другие. По моему, это замечательные служебные отношения. Так, однажды мне заказали устроить необычный праздник. Десяток наших олигархов хотели повеселиться, но не знали как. Они многое видели, везде были. Хотелось «чего то эдакого, какого то, знаете ли, космического секса»... – Хотите школьные выпускные экзамены? – предложил им одну из своих идей. – Хотим! – загорелись они. Возможность погрузиться в детство – это почти всегда радость. И я начал трудиться над программой. Придумал четыре урока, контрольные,

лабораторные. Пришлось для реализации проекта снять на выходные обычную среднюю школу, в каких все когда то учились. Вокруг неё по периметру выставили охрану. И начали! У входа заказчиков встречали настоящие бабушки из родительского комитета. Посадили «мальчуганов» за настоящие исписанные парты. По порядку мальчик девочка (вот эти девочки, целый автобус шлюшек рецидивисток, все мне испортили). Стоя у доски с указкой, я изображал строгого учителя биологии. – Ответьте, дети, на вопрос. Если у тебя семь носов, пять рук и две жопы, то кто ты? Ага, не знаете! Правильный ответ – пи...н (врун). – А теперь загадка. У «А» была «Б». Но потом «Б» ушла к «Ц», И что теперь делать «А»? – Искать другую «Б»! – радостно подсказали мне из класса. – Правильно, мальчик! А в классе... Бабы гоготали незатыкаемо, как когда то Климакс. Они напились, как гоблины, и обсуждали свои дела. При том, что сами мужики пили гораздо меньше. Они заплатили за шоу. Им хотелось вспомнить школу, и было интересно, что дальше. А дальше шёл урок анатомии; лабораторная работа. Раздал всем фаллоимитаторы и попросил на скорость надеть на них презервативы. Один «мальчик» надел быстрее всех и был тут же вызван к доске. Ещё я вызвал «школьницу»: это была уже моя девочка, обученная и правильно себя ведущая. – Скажи нам, мальчик, какие ты знаешь способы сексуального контакта? – попросил я. – Ну вот, можно в рот. – Показывай. Он показал. Это не трудно. – А ещё какие? – Во влагалище? – Правильно! Ты показывай, а не рассказывай. У нас лабораторная работа. А «школьница» уже стянула трусики и, усевшись на стол, раздвинула ноги. Ох, мечта каждого старшеклассника! Может, хоть так, во время игры её можно вспомнить? Обновить притупившиеся ощущения. Сейчас уже все привычно и скучно – бабы, сауны... И «мальчик» показал на «однокласснице», как и что надо делать. – А ещё? – дожимал я. – Давай. У тебя решается вопрос, четыре или пять. ...А в классе нарастал непрекращающийся гам из пьяных бабских голосов. Остановить его было невозможно. Я бил указкой по столу, выбегал из класса, я сорвал голос. Всё было бесполезно. Мы хотели принять их в пионеры, но и «на линейке» их с трудом удалось построить. Пьяные сучки испортили всё. Чего они орали, скажите мне, а?! Их пригласили на эксклюзивное шоу, которое они никогда нигде не увидят. Нажраться ведь можно и чуть позже. Вот таких я называю только одним словом – бл...ди. Есть старый анекдот. «Английский лорд вызывает дворецкого и спрашивает: „А скажи, голубчик, что это за шум на улице?“ – Бл...ди, сэр. Они бастуют. – А чего они хотят? –

Хотят, чтобы им больше платили. – Скажи, голубчик, что, неужели бл...ям мало платят? – Много, сэр. – А чего тогда они бастуют? – Бл...ди, сэр. Так же было и в школе. Чего они орали? «Бл...ди, сэр». Программу, которую тщательно и профессионально готовили, удалось показать лишь на каком то самодеятельном уровне. А заказчики то ведь тоже готовились. Они почти не пили и были готовы написать диктант, чтоб я его проверил и выставил оценки. Впрочем, мужички и так остались довольны. Но вот я был очень сильно расстроен. И тогда понял одну важную вещь. Если не буду превращать чужой праздник в свой собственный, то свихнусь рано или поздно. Мне наскучит эта работа. Она убьёт все живое, что во мне было или ещё может быть. Нельзя двадцать лет подряд произносить одни и те же тосты. Надо самому придумывать формы веселья. Делать то, что никто не делает. И я пытаюсь. А тут – «бл...ди, сэр! ...За то, что мои девчонки никогда так не поведут себя на программе, я их уважаю. И даже терплю многое от своих танцовщиц. Сейчас уже я работаю в Москве и стараюсь именно их вызвать сюда на работу, хотя для меня это частенько геморрой. То сними им гостиницу, то накорми в ресторане, то трахни, а я уже, между прочим, не мальчик. Как то две моих воспитанницы жили неделю у меня дома, у них были проблемы с квартирой. Скажите, вы представляете себе «звёзд нахального стриптиза» в приличном доме?! Одна из них в этот момент была «подсевшая» на садо мазо. Всю ночь она, не лентясь, шастала по каким то садистским клубам, где её пороли. Пришла в девять и завалилась спать. В одиннадцать пришлось её будить; ко мне должны прийти люди. Девушка встала, сходила в душ и, даже не одевшись, уселась пить кофе. Одеваться ей было лень, к тому же потом снова раздеваться. Ей это на фиг надоело, пояснила она. То, что «звездища» была голой, а я ждал телевизионщиков, оказалось только половиной беды. Когда она встала, я понял, что вся жопа у неё фиолетовая! – Е... твою мать! Ты как собираешься с таким задом работать?! – решил тактично поинтересоваться я. Она лениво оглянулась и сказала, что через два дня всё пройдёт. У них существует «специальная техника порки», и даже «специальные плётки», а я просто ничего не догоняю, потому, что тёмный. В этот момент в дверь позвонили! Вы думаете, стриптизерка побежала одеваться?! Размечтались. Ей, видите ли, «надоело одеваться и раздеваться каждый день!» Она так и осталась сидеть, в чём мать родила. Как я понял, телевизионщики тоже оказались людьми тёмными. Глаза у них стали квадратными и нездорово косили на голую фиолетовую жопу. «Не обращайтесь внимания,

– я, как мог, пытался сгладить ситуацию, – это просто бл...и. Живут пока тут. Им, к сожалению, больше нигде». А что, вполне себе... удовлетворительное объяснение. Хотел как лучше – вышло как всегда. Помогаешь им, а потом вполне можешь услышать про себя слухи, что Трахтенберг – извращенец. Но зато, знаете, что... Я думаю, каждый мужчина время от времени перебирает в памяти самые яркие эпизоды своего общения с женщинами. У кого то это секс в туалете авиалайнера. У кого то воспоминание о том, как первый раз был сразу с двумя. Для меня, по крайней мере, за последние пять лет самым приятным из воспоминаний был день моего ухода из клуба «Хали Гали». Все девочки стриптизерши стояли в коридоре, выстроившись в ряд, держали букеты цветов и плакали. Они со мной прощались. Я бы никогда не поверил, что такое может быть. Но, оказывается, я был очень неплохим начальником. Стоп – почему был? И сейчас пока есть. И продолжаю воспитывать в правильном ключе человечки, проходящих через мои руки. А именно: когда здравомыслящего мужчину спросить, что бы он хотел улучшить в женщинах, что бы хотел положительное привнести в женский образ, – то каждый первый скажет: «Хочется, чтобы женщины меньше притворялись... Ну, по крайней мере, не больше, чем мы – мужчины». Чтобы не пришлось тратить лишнее время на срывание маски, преодоление искусственных и абсолютно «левых» барьеров, которые ставят женщины. ...Но женщины все равно будут их возводить. В противном случае им придётся выступать наравне с мужчиной. Столько же работать, думать о том, на что купить квартиру, машину, дачу, и как, наконец, обеспечить старость. Но женщине хочется, чтобы все это делал мужчина. И только стриптизерки показали мне, что кроется у бабы под маской. Они были честны. Они не заливали про то, что «с того времени как рассталась со своим парнем, полтора года назад, так ни с кем и не трахалась». Ой, к чему эти монологи? Думаю, женщина ходит в маске, так как часто бывает слишком безобразна без неё. Сейчас вспомнил: с одной из танцовщиц у меня был продолжительный роман. Её звали Срака. Я назвал её так, потому что роскошная корма этого юного восемнадцатилетнего парусника жила своей отдельной жизнью. И несмотря на то, что тело её было очень стройным, на нём крепилась отличная большая грудь. Срака признавалась мне в любви (хотя это не требовалось), кричала, что спит только со мной. Мы занимались сексом и в клубе, и в подъездах, как в её, так и в моём. А однажды она просто взяла и втихаря поехала с одним моим приятелем за три сотни долларов. Причём мы с ним

поспорили на такую же сумму, что она с ним не поедет. «Она же меня любит! Сама говорила», – как лох доказывал я. «Посмотрим!» – хмыкал он. Верить на слово своим знакомым самцам я не собирался и поэтому поехал за его машиной на такси. Когда они вышли, тормознул и в окошко сообщил бывшей любовнице, что она уволена. На другой день отдал проигранные деньги. Он очень просил взять её обратно. И я бы взял, если бы буквально за пару часов до этого она не клялась мне в любви. Не люблю враньё. Я бы ещё понял, если бы она им увлеклась, чувства какие то питала. Но ведь все намного банальней: ему надо было лишь достать бумажник, чтобы её неземная любовь ко мне улетучилась. Самое обидное, что этот мой приятель, пригревший на груди змею, очень скоро взял и выставил из дома свою подругу, с которой жил десять лет. Она была его ровесницей. Замечательная, умная, хорошая баба, которую сменили на б...дь. Я отговаривал его, но он упёрся, как баран и сказал, что эта молодая красивая женщина родит ему молодых красивых детей. Прошло совсем немного времени, и моя обида на Сраку почти стёрлась. Мне не хватало одной девочки, чтобы поехать на гастроли в «город герой» Сочи, и я позвал изменчивую танцовщицу. В первую же ночь мы снова вдвоём влезли в постель, а потом, едва она с меня слезла, кинулась звонить своему парню и плакаться в трубку, как она по нему соскучилась! Как она его хочет! Как она «просто вся мокрая сидит!» Ну да – только что слезла с мужика... вот и мокрая. Мне было его жаль. Но не мог же я признаться тогда в том, что спал с ней. Хотя и стоило. Наверное, это гораздо быстрее помогло бы ему разобраться в том, что это за существо рядом с ним. Увы, он не сразу узнал правду о том, что там крылось под маской «Я так тебя люблю, я без тебя жить не смогу!» А скрывалась там самая обычная б...ядь. И если бы мы умели распознавать их сразу, как много ошибок было бы не совершено. Роковая женщина Тайфуны всегда носят женские имена, потому что они, как женщины: приходят влажные и извивающиеся, а уходя, забирают у тебя всё: дом, машину... «У тю тю, это кто такой у нас тут ходит?» – Примерно такая фраза родилась у меня в голове, когда впервые увидел на одной своей работе (у меня их всегда было несколько) эту овечку. Больше в моей голове на тот момент ничего и не шлохнулось. Ниже, впрочем, тоже. Овечка как овечка, недавняя выпускница театрального института. Ничем особым не выделялась. Может быть, просто очень молода: как говорят, молоко на губах не обсохло. Кстати, именно это обстоятельство и вызывало интерес. Забавно же – пробегая мимо, ущипнёшь её за попку, вполне этак

невинно, а она уже вся дёргается в девственных конвульсиях: «Ой, ну что это вы делаете! Что вы вообще себе позволяете!» – «Ах, ну извините, мадам, не сдержался». – И с приподнятым настроением бежишь себе дальше по делам. Другая, может, вскоре перестала бы дёргаться и поворачиваться спиной, едва меня увидев, – и, возможно, эти щипки сразу бы мне наскучили. Но эта все дёргалась, извивалась, деланно возмущалась, и в итоге получалась даже некая эротическая игра. Может, поэтому, однажды, остановившись возле этой парнокопытной, я невинно, словно предлагая мороженое, заметил: «А чего, может, потрахаемся какнибудь?» Как говорится, вы привлекательны, я чертовски привлекателен – А че время зря терять? Работаем вместе – почему бы не покувыркаться, как лошадки в стогу сена? – Нет, нет! Вы что?! – взвизгнула она. Ну нет, так нет. Хотя отказываться от своих целей я тоже не привык. А потому вскоре – «второй раз закинул он невод... и вышел невод лишь с тиной морскою». – Нет, нет, нет. Я не такая! Поразмыслив над этим «нет», я неожиданно пришёл к выводу, что веду себя неправильно. Зачем мне за ней охотиться, коли я сам уже давно являюсь «золотой рыбкой». Популярный, обеспеченный. Да они сами на меня должны охотиться. Я уже звезда, а овца – начинающий молодой сотрудник. И судя по должности, которую получила честным путём, – даже не очень перспективный. А ломается, как будто она Маргарет Тэтчер, а я негр подметальщик. – Знаешь что, – в третий раз я подошёл без поэзии и без какого либо трепета. – Предлагаю последний шанс. Откажешь – больше к тебе клеиться не буду и хватать за грудь тоже. Не царское это дело бегать за мокрощелками. Цыпа, неожиданно быстро оценив ситуацию, сразу перешла к делу: «А где?» «То то!» – подумал я и, не собираясь изобретать велосипед, просто повёл её в близлежащий дешёвый «хотел». Произошедшее там напомнило мне пионерский лагерь. Раздевшись и вытянувшись, как солдат на медкомиссии, девушка спросила: «Ну как?» – Ну ничего о. Хорошо, – даже несколько оторопел я. И мы приступили. В постели она тоже напоминала пионерку восьмидесятых, которые трахались только для того, чтобы казаться взрослыми, ещё не понимая удовольствия. Я от таких глупостей давно отвык. Мне было неинтересно. Но тронуло и повеселило, когда деточка после секса ещё и спросила: «Всё? Можно одеваться?» – Можно. Короче, развлёкся. Про себя я назвал эту козочку Киской. Прозвище было не столько ласковым, сколько метким. У неё пробились усики. Надо добавить к моим достоинствам, что я ни разу не проговорился при ней и не назвал её так в глаза. Отношения с

Киской ещё около полугода оставались вялотекущими. Они не угасали, но и не развивались. Мы просто рядом работали, а когда баба под боком, почему бы не трахнуть? Ну а поскольку я нередко заманивал её обещаниями сводить в ресторан, то приходилось водить. Что и создавало подобие романа. К сожалению, права народная мудрость, к которой мы не всегда прислушиваемся: чем дальше в лес, тем больше дров. Я неожиданно втянулся. Сексуальные отношения у нас понемногу стали налаживаться и даже нравиться мне. Собственно, ведь я немало трудился над этим вопросом. Подстраивал её под себя, и она все лучше понимала меня и уже, привыкнув, не стеснялась и сама иногда бывала инициатором эротических новшеств. Поэтому я полагал, что и она получает удовольствие. Спустя полгода все пришло к тому, что мы трахались практически каждый день. Если не встречались на нашей общей работе, то Киска приезжала ко мне в клуб. И там, закрыв свой кабинет на засов, я занимался с ней сексом. В один прекрасный день и вовсе снял ей квартиру неподалёку, чтобы встречаться было проще, и приезжал туда ежевечернее. Глупо говорить, что я привязался к ней только из за секса. В придачу к этому во мне проснулся продюсер. Мне хотелось сделать из Киски звезду. Ведь она – начинающая актриса. Без связей в этом мире очень трудно, я это знал и хотел ей помочь. Почему – нет? Мне никто не помогал в жизни; если бы помогали (ну хотя бы советами), уже давно бы торчал на первом канале ТВ. А без посторонней помощи слишком много сил тратится на пробивание стен головой, что неправильно, но логично. И потому тянул Киску на все тусовки и во все проекты, куда приглашали меня. Я практически ввёл её в свою жизнь: творческую и личную. И вот оказалось, что это маленькое, с виду наивное создание неожиданно стало там занимать очень много места. Причём, прежде всего, в личной. «А ты встретишь меня после английского?» – щебетала она в трубку мобильного телефона в понедельник. «Может, подвезёшь меня до работы?» – Это уже во вторник. «Пойдём со мной в магазин, ну, пожалуйста», – в среду. Если я говорил, что занят, то вынужден был выслушивать нудные обиды и такие долгие всхлипы, что казалось, слезы польются прямо из трубки мобильного телефона. Стоит ли говорить, что в итоге я сдавался. А в результате... в результате Киска вытесняла как имеющих в наличии, так и потенциальных моих любовниц. Говорят же, что все самое интересное в жизни мужчины происходит в промежутках между тем, когда он ушёл с работы, и когда пришёл домой. Мои промежутки стали очень короткими. И если я, положив глаз на новую

танцовщицу, рассчитывал успеть перед тренингом задуть ей пару батманов, то теперь едва успевал честно провести репетицию. Кроме того, Киска попала ко мне в дом, что и стало роковой ошибкой. А я даже не сразу в этом разобрался. Мне всегда было удобнее приводить баб к себе, едва жена уезжала куданибудь с ребёнком отдыхать. Дома гораздо уютнее. Тут тебе и джакузи, и холодильник с едой, и хорошая выпивка... И я вам скажу! Любовницы уже должны мне только за то, что я превратился в домработницу. Меня не заставили взять в руки ни швабру, ни пылесос – ни родители, ни школа. Не смогла заставить жена (слава Богу, и не пыталась). Только армия и случайные связи могут сделать из мужчины уборщицу. После ухода любовницы из твоей квартиры ты берёшь в руки веник, пылесос и делаешь «все красиво». Потому что домработнице тоже нельзя доверять на все сто. Со временем я превратился в настоящего специалиста по уборке. Мне впору читать лекции мужьям на эту тему. Я вот даже знаю, что после секса постельное бельё надо пылесосить. Волосы с тела сыплются во время этого дела гораздо интенсивней, чем во время обычного сна. И женщины, по каким то неподвластным логике законам, догадываются о том, что делали на той или иной простыне. Поэтому прежде, чем кинуть её в стирку, проходилась по ней пылесосом. Ведь в стиральной машине – я и это узнал – волосы никуда не деваются. Словом, уже поднаторел в деле сокрытия улики, и, в основном, все всегда было более менее нормально. К тому же бабы, появлявшиеся у меня дома, чаще стриптизерки, старались не оставлять после себя следов. Всё таки я был ещё и их начальником, чего ради им создавать мне проблемы? Но с Киской я стал прокалываться. Она почему то везде оставляла свои волосы... Сейчас, спустя время, почти уверен, что она делала это специально. Как будто метила квартиру. Причём с воображением, со знанием дела и далеко идущими целями. Едва я успевал осознать, что надо собрать её длинные волосы с туалетного столика, как она меняла место их дислокации и оставляла на кухне. Но кто бы мог предположить, что они будут там?... «Что ты делаешь? – мучил я Киску. – мне устраиваются скандалы. Я доказываю жене, что это её волосы. Хотя у неё стриженные и другого цвета, и она меня посылает с моими объяснениями!» – Неужели ты думаешь, я специально? – ахала Киска и смотрела на меня честными и мокрыми глазами. – Ну... у меня просто лезут волосы. Вот посмотри – Я не виновата. Когда человек тебе нравится, ему хочется верить. И я каждый раз думал, что сейчас обойду всю квартиру, всё проверю – ничего жена не найдёт. И к тому её фатальному

приезду из Египта в доме вообще всё было идеально прибрано. Я даже зачем то проверил холодильник, – Ну что?! – изрёк вернувшейся жене. – Довольна?! Никого здесь не было! – Да? – ядовито поинтересовалась та. И полезла под кровать. – А это что?! В её руке был клочок длинных волос. В ту ночь она впервые ушла спать в соседнюю комнату. ...Почему бы уже тогда мне было не разгадать эти кошачьи манёвры?! Увы. Потихоньку убирая с поля соперниц, Киска оставалась основным игроком. И вела игру, не жалея сил и времени. Мало того, что мы трахались так часто, что у меня уже просто не хватало сил смотреть на других, так и возможности такой тоже не было. Она почти всё время была рядом. Нередко оставалась на программе в клубе, но так как смотреть одно и то же наскучивает, она просто сидела у меня в кабинете и читала книжки. Просто. Сидела... Просто. Читала. Ненавязчиво лишив меня «сексодрома», да и, вообще, мешая. Я заходил в кабинет позвонить – то жене, узнать чей нибудь телефон; то друзьям, договориться о встрече, – а она все слушала. «Ты своей Леночке звонишь? Ну ну...»; «Ты поедешь к друзьям? Вы там будете пить и блядей позовёте, знаю я вас...» И приходилось брать её с собой к друзьям; и жить в постоянном нервном напряжении. А какая жизнь, когда заходишь в кабинет, где она сидит, а там уже истерика: «Зачем ты шлёпнул по заднице стриптизершу? Ты меня не любишь, так я и знала а а. Мья у у у у ууу...» И когда она успела увидеть, что я это сделал?! Черт! Что интересно, я сам вытирал ей слезы и сопли, потому как верил, что её это действительно обижает. А разве ты хочешь обидеть близкого человека? Нет. И мои рефлексывы начинали работать, как у собаки Павлова. Тебя «бьют» постоянно, ты не хочешь, чтобы это было, и ведёшь себя соответственно: лишь бы не было истерик у любимой. Потому что они тебя просто зае...вают. О занудах говорят, что им проще дать, чем объяснить, почему не хочешь этого делать. С женщинами, склонными к истерии, такая же история: проще вести себя так, как им нравится, чем терпеть их слезы. Женская истерика – сродни цунами. Она накатывает, ты не можешь убежать от неё, остановить её. Ты можешь только предотвратить её. Все остальные люди постепенно отходят от тебя, видя, что тебя сейчас накроет. Зачем же стоять рядом. Неудивительно, что слухи о наличии у меня постоянной любовницы, с которой я появляюсь на людях, дошли до Лены. Но, может, один этот факт – появление на людях – ещё никак не скомпрометировал бы меня перед ней окончательно. Я мог бы отмазаться, сказав, что это моя коллега, секретарша, журналистка, да мало ли... Но, увы, то, что жена

находила дома следы пребывания одной и той же чужой женщины, помноженное на то, что с одной и той же чужой женщиной меня многократно видели на людях, неизбежно вело к катастрофе. – Я поняла, – однажды заявила Лена, – ты вытираешь об меня ноги. Я не хочу с тобой больше спать. Что я мог ответить? Ничего! Только повернуться на бок и сделать вид, что сплю. И мы стали спать... в соседних комнатах. С виду наша жизнь как будто не изменилась. Я приходил после работы домой, свет выключен, все спят. Когда просыпался поздним утром, дома уже никого. Это значило, что она уже увезла ребёнка в школу и ездит по своим делам. Я вставал, умывался, брился, ел и уезжал на радио. Как раз тогда, когда жена, забрав ребёнка, возвращалась домой. Вечером после радио сразу ехал в клуб. Пришёл домой ночью – свет выключен, все спят. С утра встаю – никого. Так прошёл целый год. Мы не стали врагами и по-прежнему уважали друг друга. Она, по всей видимости, ждала, что всё пройдёт, я перебешусь, успокоюсь и вернусь. Точнее, приползу на коленях и буду умолять о прощении. Но я тоже человек гордый. Ползти на коленях мне не хотелось – живот мешал. Я не раз предлагал помириться, типа, чего мы как малые дети, и приводил в своё оправдание цитату из Наполеона: «Женщина, изменяя мужчине, совершает преступление. Мужчина, изменяя женщине, совершает подвиг во имя любви». Но ничего не помогало. И тут в жизни наступили кардинальные перемены. Мне предложили переехать в Москву и стать совладельцем клуба, что означало конец работе «на дядю». И, конечно, я согласился. Но при этом – мы год не спали с женой. Ладно бы неделю, две, три. Но я ведь уже перестал понимать, есть у меня семья или нет. Если жена не готова меня простить, так что остаётся? Еду пытаться счастья без неё. И когда дело с переездом окончательно решилось, сообщил ей, что переезжаю. – А мы? – спросила Лена. – Вы? Остаётесь здесь. Я оставил им огромную квартиру и все деньги, что на тот момент заработал. Решил, что для себя заработаю ещё. Всё таки еду в Москву! Поживу там пока в съёмной квартире. Сыну мы ничего не сказали. Он привык, что папа часто в разъездах, и только месяцев через восемь до него дошло, что папы слишком уж часто нет дома. Мне тогда, да и сейчас, кажется, что в моём переезде в Москву с чужой бабой, без семьи, виновата и жена. Поведи она себя иначе, я бы не стал менять своих домашних на какую-то приبلудную. Как же без них? Но тогда жена не смогла меня простить. И я не знал, сможет ли когда-нибудь. И потому самой собой вышло, что со мной поехала Киска. Ведь выходило, что теперь Ромочка уже холостой. Только

оказалось, что и радоваться тут нечему. У нас в институте был такой театральнй этюд. Сидит собачка на цепи, лает на всех, укусить не может, цепь её держит. И собачка изо всех сил отчаянно рвётся с неё. И вдруг – цепь обрывается. А собака замирает. Она не знает, что делать. У неё цель была – сорваться с цепи. А когда сорвалась, поняла: цели то больше нет, а окружающий мир пугает. Так все и получилось. Сорвавшись с цепи, я искал новую цель, но она всё уплывала. Оказалось, что Киска просто выигрывала на контрасте: на том, чего у меня не было с женой. Скажем, Киска устраивала сцены ревности по пустякам, чего не позволяла себе Лена. С Леной было уютно и комфортно. Она понимала, что пьянки и бабы – антураж моей профессии. Пилить меня за это так же бессмысленно, как ругать цветной телевизор за то, что он не холодильник. Она выбрала меня и терпела, создавая мне положительный и спокойный тыл, при котором можно рваться в бой и работать. Может, порой делала это, стиснув зубы от обиды; но её умение молчать до последнего я, видимо, принимал за отстраненность. С Киской же всё было наоборот: чуть что – сразу сцена, вопли воинствующих индейцев, летающие тарелки. И тебе кажется, что раз тебя так ревнуют, то, наверное, любят. Страсти то вон как кипят. А что это за страсти – может, они часть истерического характера, желания отрезать меня от других баб или любовь, – сразу не разберёшь. Как в старом анекдоте: «Дорогая, то, что мы с тобой принимали за оргазм, на самом деле было астмой». Ещё одним обстоятельством, помогшим Киске попасть «в десятку», было то, что я к тому времени уже достаточно разбогател и прославился. Но моя супруга, прошедшая со мной огонь, воду и медные трубы, не торопилась транжирить мои успехи: «Ведь нам с тобой было хорошо, и когда не было денег. Мы проехали автостопом всю Европу и не умрём, если сейчас полетим в поездку не бизнес классом, а экономом». Она не спешила просить подарки, хотя мы уже могли позволить себе практически все. Наверное, ей хотелось дорогих шмоток, какая баба их не хочет, но хватало выдержки отказывать себе ради семьи. И ради будущего, ведь не всегда я смогу держать такой бешеный темп, а есть то всегда нужно. И желательно, три раза в день. Ну, а мне стало казаться, что она не дождалась успеха. И я обижался в душе (хотя не сознавал полностью своих чувств) на то, что она достаточно равнодушно смотрит на дорогие рестораны и бриллиантовые безделушки. А ведь я так долго шёл к материальному успеху, так хотел бравировать им. Ведь это возможность – «включить звезду», почувствовать себя на коне. Представьте теперь, в какой удачный

момент появилась Киска (и, наверное, часто в жизни самцов киски выбирают именно такие моменты для решающих прыжков). Она то была готова разделить мои восторги по поводу того, что я могу ужинать в самых дорогих ресторанах, что могу покупать ей любую одежду. И мне это нравилось. Киска не была какой то избалованной стервой, уже пожившей на иждивении то одного, то другого миллионера. Она в жизни ничего не видела, всё у неё было в первый раз, и мне нравилось быть первооткрывателем. Господи, и я ведь был даже благодарен ей за то, что мне есть с кем разделить успех! Кому то это покажется бредом. Но такие моменты в жизни бывают. ...Только часто плюсы переходят в минусы, и наоборот. То, что мне так нравилось и что я принимал за любовь, вскоре стало утомлять. Например, звоню домой с работы: «Посмотри, пожалуйста, на столе лежит записная книжка. Мне нужен телефон Р.» – Нет, не лежит. – Ну ладно. Через минуту она перезванивает. – Что? Нашла? – Нет. Я хотела спросить, почему ты мне не сказал «дорогая»? – Просто некогда. Извини, дорогая. Пока. Через минуту снова звонок от неё: «Почему ты кинул трубку? Ты что, меня больше не любишь? Что случилось?» – Да люблю. Мне просто сейчас некогда. – Почему ты так резко со мной говоришь?! – Пошла на... Любимая уже стала напоминать мне модель для пародий. Я буквально жил в анекдоте: Просыпается молодой муж. Садится пить чай. К нему подходит жена и нежно спрашивает: «А ты меня любишь?» – «Твою мать! Ну что за привычка каждый день начинать со скандала». Кто так не жил, тот не поймёт. И если сначала ты думаешь, что она тобой дорожит, поэтому так нервничает, то постепенно ты понимаешь, что все её поведение направлено на то, чтобы превратить тебя в подкаблучника. Теперь тебе надо думать не столько о деле, сколько о том, как её называть, чтобы она не обижалась, каким тоном говорить. Иначе истеричка начинает злиться, психовать и пилить тебя. ...Живя с Киской и постоянно находясь в напряге, я обсуждал эту тему с другими мужиками и неожиданно выяснил, что не одинок. Просто есть на свете бабы, умеющие нагнетать вокруг себя истерию. И вроде баба не особо красивая. И жопа у неё толстая, и ноги, как ножки у рояля... но ещё и кривые. А вы все равно вместе. Более того, ты ещё и переживаешь за неё. Она может позвонить в истерике среди ночи, и приходится, как дураку, бросать жену и мчаться к ней – что случилось?! «Ничего. Мне стало тоскливо. Но уже всё прошло, уезжай. Я никого не хочу видеть». – «Куда уезжать? Ты же меня вызвала среди ночи, я жене сказал, что поеду в Москву на поезде, куда мне теперь?» – «Ой, не знаю!

Поезжай куданибудь». Вы не поверите, такие бабы есть. Их много. И они все похожи. Поэтому не могу сказать, что мне достался уникальный экземпляр. Я даже лично ещё одну такую видел. Она работала у меня танцовщицей. Однажды пришла и стала жаловаться, что мужик послал её к чёрту. «За что? За что?» Стали выяснять всем коллективом. Это был её поклонник, долго за ней ухлёстывал, и однажды она снизошла. Сказала, что так и быть – даст. Поехали к ней. Возле своего дома она сказала, что к себе его, пожалуй, не позовёт; живёт не одна, и это не очень удобно. Поехали к нему. Приехали. Возле подъезда красавица произносит: «Ну что я буду по чужим квартирам ходить?! Это неправильно. Нет, лучше у меня». Вернулись. Вышли из машины, и тут юная прелесть сообщает: «Что то я устала. Давай лучше в другой раз». «Да иди ты, знаешь куда!» – сорвался он. ...Теперь бедняжка ходит весь день в слезах, недоумевает: и почему он с ней был так груб?! И Киска вела себя аналогично. Только один вопрос остаётся тут открытым, и ни от кого нет на него ответа. Бабы эти вправду такие, или это маска, которую надевают, чтобы манипулировать нами? Я однажды разговаривал с одной интересной светской дамочкой, прожжённой б...дьё, которая рассказала мне по секрету, как бабам удаётся приручать мужиков, даже чужих. Если захватчица хочет, чтобы мужинка женился и жил с ней, то постарается, во первых, затрахать его до смерти. Чтобы уже ни на кого смотреть не мог, чтобы ходил выжатый, как лимон. И он в этом случае становится домашней собачкой. С другими – может только целоваться. Интересно, что Киска так и поступала. Она жила со мной и раскручивала меня на секс, даже когда мне казалось, что я вообще ничего не могу. Она тянула меня трахаться в такси, в туалетах на пляже, в туалете для инвалидов в амстердамском аэропорту. Причём порой не хотелось, но когда баба тебе прямо говорит, что ХОЧЕТ, тебе сложно отказать. Думаю, ей желалось стать самой незабываемой и оригинальной бабой в моей жизни (я в этом почти уверен, так как, едва мы расстались, секс со мной ТУТ ЖЕ перестал её волновать). Чтоб как в том анекдоте, где мужик, трахнув новую телку в машине, заставил её под дулом пистолета вылезти из машины на мороз и лепить снежную бабу. Аргументировав тем, что, может, любовник он никакой, но этот день она запомнит на всю жизнь. «А во вторых, – как сообщила мне та же б...дьё. – Чтобы завладеть мужиком полностью, надо ещё всюду за ним ходить, как пороссячий хвост!» То, что Киска, и вправду, никогда не отставала от меня, я уже рассказал. Короче, все очень напоминало накатанный алгоритм. ...А

я, хоть и считал себя неглупым человеком, попался. Но как ещё себя вести, если, например, твоя любимая девушка хочет посидеть у тебя на работе?! Что, выгонять под зад пинком? А как себя вести, если она начинает плакать? Сказать: «А ну, не реветь!» – так начнёт ещё сильнее. Слабость – замечательное оружие мелких стерв. Своей слабостью они так ловко пользуются, что оставляют тебя совсем без сил. А ты этого не замечаешь – она же не монстр. Она же слабая женщина. ...И в Москве я, разумеется, с новой силой взялся лепить из неё «звезду». Пытался создать какие то перспективы: знакомил с нужными людьми, выводил на тусовки, туда, где пресса. Честно сказать, даже предлагал одному режиссёру деньги, чтобы тот снял её в сериале. А он отказался. Пять десять тысяч долларов, которые я мог тогда предложить, не были для него поводом гробить свой собственный фильм (дать такую сумму, чтобы режиссёр согласился опозориться, может только олигарх, а я всего лишь шоумен). И пресса ни разу не выделила Киску на тусовках. Никто из постоянных тусовщиков, даже столкнувшись с Киской трижды, все равно не мог вспомнить, кто это (хотя помнили мою жену и интересовались, куда я «подевал ту красивую тётку, что как то приезжала»). Все эти объективные обстоятельства не сбивали меня с заданного курса. Я продолжал трудиться над карьерой любимой. Пытался помочь ей справиться со своими недостатками. Но вы думаете, она прислушивалась? Ей честно говоришь, что она далеко не вселенская красавица, и потому для карьерного роста необходимо то то и то то... ну и уж, по крайней мере, искать близкие своему типу амплуа. – Что о о??? – глаза Киска становились квадратными. – Что ты такое говоришь!!! Я красивая!!! – Нет! Ты не красивая. И если хочешь знать, даже страшная. Но я тебя все равно люблю. Такую, какая ты есть. И если ты хочешь сыграть Марфутку, я тебе помогу. Эта роль комедийная, она тебя прославит. – Нет, я красивая!!! – билась она в истерике. – Я не буду врать, некрасивая. Но я же все равно люблю тебя и буду помогать, почему ты рыдаешь?... Но, увы, Киска принадлежала к породе баб, суть которых – «девочка в белом платице». Мамы, расчёсывая таким девочкам косички, с самого детства вбивают в пустые головки: «Ты такая красивая, у тю тю. Ты не просто красивая, а самая прекрасная. И не только божественно красива, но ещё и чертовски талантлива». При этом нам то, самцам, с детства вбивают другое: твердят, что мы должны построить дом, вырастить сына, обеспечить семью, то есть работать, работать и работать. И тебе, чтобы чего то добиться, приходится объективно оценивать и ситуацию, и себя. Иначе ты будешь

всю жизнь в дерьме. Мужики должны учиться, потом вкалывать и ещё где нибудь подрабатывать, а девчонки должны быть красивыми и все. К сожалению, быть красивой – это далеко не всё. Неплохо бы что то собой представлять, к чему то стремиться, учиться, знать, зачем живёшь. Им же не говорят этого, и большинство из них, пребывая в незыблемой уверенности в своей офигенной красоте, делать ничего не умеют, да и не хотят. Их стремления ограничиваются тем, чтобы продать себя подороже и в конечном счёте обобрать мужика. А если он уже сдулся, то это неудачная партия, и нужно искать другого. Я в своих попытках доказать, что нет ничего страшного в том, что она не идеальна, только бесил Киску и рушил весь её картонный замок. Хотел то как лучше. Ведь он же все равно разрушался. В ней, наверное, уже закипала злоба. Звёздная карьера все не складывалась, а семейная жизнь... Зачем она ей?! У неё ещё все впереди. Все мои старания пошли прахом. Роковая женщина – всё разрушила, но так ничего и не построила. Я считал её некрасивой и бездарной – что для неё конец света. А любви ей было недостаточно. У неё только одна любовь и божество – деньги. Бабы и магия – Ну что, милочка, помогло колдовство? Муж вернулся? – Вернулся. Но не нынешний, а первый. – Ну а что же вы так напуганы? – Просто он десять лет, как умер. Есть такой старый анекдот, а возможно, это и реальный случай, имевший место быть. На сцене театра идёт спектакль «Гроза» по Островскому. Красивая молодая актриса, вдохновенно подняв вверх руки, читает монолог Катерины, типа: «Почему люди не летают, как птицы? Так бы раскинула руки и полетела...» Делает шаг и, споткнувшись, с грохотом падает: «Е... твою мать! Какая б...дь пол засрала? Козлы! Всем бы вам яйца оторвать!» Вот в этот знаменательный момент зрители «имели счастье» видеть подлинную сущность этой актриски. Какое там – «раскинула», какое там «летать хочу». Это все маска, маскировочная сеть, в которую тётки заворачиваются, чтобы прикрыть отсутствие романтики в своей подлой душонке. А подлинную свою суч... сущность они открывают редко. Только обстоятельства или время способны сорвать с них покрывало. А под ним – можно увидеть что угодно. Можно – мелкую и развратную шлюшку, можно грабителя рецидивиста, можно игривого бесёнка, а можно, если «повезёт», уже созревшего демона. Самое неприятное, что до тех пор, пока это не случится, вы будете с ним жить, есть, пить, ложиться в одну постель, да ещё и покупать ему подарки, – которые оно ждёт, жадно раскрыв клюв, как голодный птенец, – и ни о чём не догадываться... Итак, от рассуждений пора перейти к делу: к

тому, которое случилось со мной. Произошло все уже в Москве. Как я уже рассказывал, переехал туда вместе с любовницей, из за которой расстался с женой. Мне по прежнему казалось, что я любил эту Киску. Поэтому покупал ей подарки, пристраивал на высокооплачиваемую и перспективную (в смысле карьеры) работу. Только не планировал на Киске жениться, о чём сразу и предупредил. Казалось, что её все устраивает: кормят, одевают; её деньги – это её деньги, мои – это наши; то есть все очень удобно. Я снимал квартиру в самом центре, и мне тоже казалось – все «зашибись». Вот только это «зашибись» было недолгим. Шёл второй год жизни с Киской, когда мои дела стали вдруг стремительно катиться в пропасть. Обычно жизнь состоит из полос, чёрных и белых, а у меня началась сплошная беспросветная чёрная. Деньги стали заканчиваться или кончили начинаться. За квартиру уходила основная часть дохода, на Киску – остальная. Она ведь познакомилась со мной в тот славный момент, когда я был уже «на коне», то есть не совсем беден, и не хотела знать, что времена бывают разные: как хорошие, так и отвратительные. И снижать уровень жизни, на который я сам, на свою голову, её поднял, совсем не планировала, поэтому каждый день закатывала мне истерики. Но, впрочем, и это все мелочи. Потому как в один момент плохо стало вообще ВСЁ! Дошло до того, что впервые за пятнадцать лет артистической деятельности я не получил работу в Новый год. И это было страшно. Главное – необъяснимо. Новогодняя ночь – почти всегда возможность заработать самый большой гонорар за весь год. И всегда есть выбор – к кому пойти. Ведь те, к кому не попал в прошлом году, ждут тебя на следующий. Как такое могло произойти, что все куда то исчезли? В декабре публики в клуб приходило мало, а ведь раньше люди заказывали столики за месяц. На халтуру, то есть частные вечеринки, меня тоже перестали приглашать, что было ещё хуже, – основные мои деньги только оттуда и берутся. Так же стали обламываться мои постоянные источники доходов: в марте я ушёл с радио, а в мае меня «ушли» с ТВ. Что за дьявольщина! Как могут все мои проекты рушиться почти одновременно?! Такие роковые совпадения любого человека заставят задуматься. Кто виноват? Что делать? Такими набившими оскомину вопросами я мучительно задавался, сидя дома по вечерам, когда в клубе в очередной раз отменялась программа. Это всё было неправильно. А когда в жизни что то происходит не так, думать ты можешь только об этом. И я только об этом думал и, разумеется, обсуждал это со своей пассией. Ну а кому же ещё компостировать мозги своими проблемами, как не

бабе, с которой живёшь, а? Однако вместо утешений и дельных советов (которые в такой ситуации услышал бы от жены), Киска только добивала «раненую мышку». Чтоб не мучился, что ли? – Рома, а может быть, всё кончилось? – задумчиво произносила она, глядя в потолок. – Как кончилось? – меня сжимало от ужаса. – Ну так. Ты же не знаешь, как это бывает. – Что бывает? – Конец. Ну, когда все заканчивается, когда твой поезд ушёл. То есть мне ненавязчиво намекали, что сдулся я. Выдохся, устарел и на фиг никому не нужен. Что я эстрадный мусор, и место мне на свалке истории! Спасибо тебе, родная, что ты умела превращать ситуацию из плохой в чудовищную. Однако глупо думать, что я безоговорочно верил в услышанное от неё и в то, что обстоятельства так стремительно выкинули меня из седла. Падение и забвение не бывают такими быстрыми. Да и конкурентов то у меня нет. Но почему люди тогда не приходят в клуб? Почему не приглашают к себе? Тут что то не так! И я метался и искал причины. Хотелось найти отмазку. Типа, я не виноват, дело не во мне. А в чём??? Это нормальная человеческая реакция. Когда ты в жопе – трудно винить в этом только себя. Ты ищешь, на кого бы свалить вину за происходящее. Зато, если причина всё таки находится, сразу становится понятным, как и за что бороться. А пока – воюешь с теньями... Ну и самое неприятное: пока ты так мечешься, над тобой нависает глобальный вопрос – на что жить? Чем платить за квартиру, где взять средства содержать себя, любовницу и семью, которая осталась в Питере. Первое, что я сделал, пошёл к своим соучредителям просить денег в долг. Почему бы им не дать товарищу за его будущие заслуги. Мы же партнёры. Но от них услышал, что они не подают, ибо сами не жрамши. – Да вы что? – изумился я. – А как же мне жить?! – Ромочка, живи как хочешь. От такой формулировки я охренел: «Что же это происходит мире? Всегда меня было кому выручить, неужели теперь и здесь засада?» «Окружили меня, окружили...»; «Обидели юродивого. Отняли копеечку...» Близкие приятели также, вместо того чтобы помочь, утешали тем, что сейчас у всех в делах затишье, не только у меня. Но одно дело – затишье. Совсем другое – звенящая, зловещая тишина. Ну нет! Так просто я не дам себя сломить. По своему опыту давно знаю; если в трудный момент начать экономить, снизить свою рабочую ставку, то обратно на прежний уровень – не влезть. Это процесс необратимый: если цена упала, то будет и дальше падать раз за разом, до тех пор, пока человек не окажется на помойке. Мы не раз наблюдали такое на телевидении и в жизни. В трудные моменты, наоборот, нужно поднимать ставку,

и, вообще, чтобы стать богаче, не нужно меньше тратить – нужно больше зарабатывать... И тогда решил так: хватить жить на съёмной квартире. Может, все беды идут от этого. В Питере жил, как принц, а здесь – как нищий в чужом доме, где все раздражает, где неудобно, куда нельзя перевезти мои любимые вещи из дома: их здесь просто негде расставить. Я решил совершить невозможное: в такой трудный момент, несмотря ни на что, купить квартиру! Причём рядом с клубом, чтобы удобно было ходить на работу. Денег не было вообще, но когда есть цель, деньги находятся. К тому же я заметил, что всё, что тратишь, всегда к тебе возвращается. Если возьмёшь что то в долг, то потом обязательно это что то заработаешь. И я отправился по миру со списком возможных кредиторов. Список включал в себя двадцать человек, у которых можно одолжить без напряжения для них эту чудовищную сумму. Из этого длинного перечня дали только трое. Некую сумму, под поручительство пятого, дал четвёртый. Несколько человек пообещали и не дали. К партнёрам я даже не обращался, зная, что «сами голодают». Но и в этой ситуации я нашёл светлые стороны – зато теперь стало ясно, кто друг, кто нет. Купил! ... И ничего не произошло. Более того, я вдруг увидел, что вся моя жизненная философия, выведенная из многолетнего опыта, рассыпается. Ситуация, после которой я ожидал взлёта, которая должна была улучшить мою жизнь, никак на ней не сказалась. Более того, становилось все хуже, и хуже, и хуже. Только теперь все усугубилось ещё и долгами. ...Конечно, обо всём этом кошмаре, происходящем в моей жизни, знала жена. Мы регулярно созванивались и, несмотря ни на что, оставались друзьями. Или, как интеллигентные люди, пытались ими остаться. Все же нас, как минимум, связывают ребёнок и пятнадцать лет совместной жизни. И вот как то жена рассказывает мне умопомрачительную историю, услышанную в компании. Один, известный всей нашей тусовке, дяденька прикупил себе землю со стоящей на ней полуразрушенной деревообрабатывающей фабрикой. Фабрику он отремонтировал. Оборудование привёз туда из Швеции. Установил. И вот, по прошествии двух лет серьёзного труда и больших материальных вложений, он пришёл к тому, что все затраты, наконец то, стали себя окупать. В этот самый торжественный момент к нему пришли какие то тёмные личности и, глядя ему в глаза, сообщили: «Земля, которую вы купили, не ваша! Вот, видите, запись об этом в компьютере есть. Так что, пожалуйста, освободите площади.» – «Что о о?! – естественно завопил он. – Вы сошли с ума! Я её честно купил! Я завод строил два года!» Слушать его, однако

никто не стал. А наезжать – стали. Вскоре у него сгорела квартира, и это явно не было несчастным случаем. Машину разбили, и это было не ДТП. Ситуация все усугублялась. Ведь у него семья, дети, кто их подставляет? И тут кто то из знакомых посоветовал ему сходить в институт парапсихологии. Мол, есть там человек замечательный. Говорят, помогает. Сеанс стоит 250 евро. Смешной, наверное, выход, но, как я уже сказал, попадая в жопу, ты чувствуешь себя глистом и ищешь любой выход. Смешной или нет – неважно. Ну, а не поможет парапсихолог, да и черт с ним. Не такие огромные деньги. И он сходил... Бандиты куда то через два дня исчезли. Записи в компьютерах, что эта земля принадлежит другому человеку, тоже. А ещё ему вскоре дали какую то невероятную премию за его жутко полезную деятельность. В общем, неожиданно попёрло... Вот жена мне и посоветовала: «Сходи ты к этому шарлатану. Кто знает, может, правда на тебя порчу навели». И я пошёл... Хоть и звучит смешно. В институте меня запихали в какой то прибор в виде черепахи. Деревянные перегородки, покрытые тканью, под которыми я обречённо отлёживался какое то время, даже не вдаваясь в суть, что это за прибор, какая там «энергетическая очистка». Будь что будет. Правда, цвет лица при выходе из «черепашки» у меня изменился. Стал не таким серым, каким был все последние месяцы. А дяденька тем временем сделал снимок моего энергетического поля. Поле было сильно «пробито» с одного края. – Это порчу на вас навели, – сообщил дяденька и стал устанавливать приборчик, чтобы выяснить кто же это сделал. «Какая порча, Господи, бред какой то», – думал я. Тем не менее продолжая участвовать в его исследовании. А он положил на стол чистый лист, повесил над ним крутящуюся рамочку и предложил называть имена всех моих знакомых, кто мог бы это сделать. Рамочка должна будет завертеться, когда прозвучит имя вредителя. Нехотя я назвал имя жены. Конечно, прости Боже, но в первую очередь в такой ситуации думаешь на жену. Она должна была затаить обиду... Но рамочка осталась неподвижной. Тогда назвал имя Киски. И рамочка неожиданно быстро завертелась. У меня зашевелились волосы на голове. Во первых, очень уж неожиданный фокус. Во вторых, я не понимаю, ей то зачем на меня наводит порчу?! Она со мной живёт, и её благосостояние напрямую зависит от моего. Нет, этого не может быть!... И опять же, если подумать, сюда меня отправила Лена. Значит, можно допустить возможность того, что она в сговоре с этим парапсихологом потому, что хочет рассорить меня с моей Кошечкой. Однако тот уверил меня, что «никакой Лены он знать не знает. Ну а

мне он поможет: будет работать над моей проблемой». Что ж, работайте. С этой мыслью я покинул институт. ... Через три дня, уже находясь в Москве, я случайно включил свой питерский мобильник. Давно им не пользовался, и сейчас он понадобился лишь для того, чтобы найти записанные в его памяти номера телефонов. Но он тут же зазвонил: «Рома, мы тебя везде ищем ищем. У нас пьянка в субботу. Приезжай, хорошо заплатим», – в трубке зазвучали голоса давнишних моих приятелей, у которых не раз работал. – Не могу, – я даже растерялся от неожиданности. – В субботу в своём клубе в Москве работаю. Мне надо клуб закрывать, значит, неустойку платить. – Фигня! Ноу проблем!! Заплатим!!! Ну, раз так – я поехал. Так много мне не платили ни разу в жизни. «Наверное, это просто совпадение, – подумал я. – Хотя приятно». А через неделю мне опять заказали вечеринку. Да и люди понемногу начали ходить в клуб. Воодушевлённый таким успехом от магии, я повёлся на предложение знакомого художника сходить к гадалке, у которой ошивается весь шоу бизнес. «Ошибается, – рассказывал художник, – только в датах. Да и то чуть чуть. Был случай, когда одному мужику она сказала, чтобы он не выходил из дома в ближайшие два дня; не то беда случится. Тот не поверил, буквально через два дня его зарезал у магазина какой то пьяный». И в это можно верить, можно не верить, но факт налицо. Короче, я поехал к этой тётке. И завис у неё на полтора часа. Она гадала мне и на кофейной гуще, и на картах. Иногда прерывала гадание и просто смотрела на меня. Меня предупреждали, что она и без карт чего то там видит. Правда, я, как и все прожжённые циники, с трудом в это верил, поэтому не давал ей фору, стараясь поменьше задавать вопросов. А она начала разговор не с будущего, которое нам неизвестно и про которое можно десять раз наврать, а с прошлого. – Дела у тебя пошли плохо в декабре, так? А второй раз очень скверно было в феврале. – Угу, – недоумеваю, поддакивал я. – И перед этим ты сильно поссорился с любовницей. – Не помню. Может быть. – Было, было. Не сомневайся. Да ты и полюбил то её совершенно случайно. Она не очень тебе нравилась вначале. А потом ты и сам не понял, как оказался с ней. – Да. – ... – Да, да, да, угу, ага, да, – как попугай, бубнил я, а гадалка постепенно перешла от прошлого к настоящему и окончательно меня огорошила. – Простите, Роман, мне неприятно вам это говорить, но девочка никогда вас не любила, и её интерес к вам был только корыстным. Она два раза делала наговор. На вас наложена такая штука – блокировка. Вы вроде существуете, но вас не видят. Про вас забывают. – Да бросьте, – сказал я. – То,

что все плохо, понятно. Но какой наговор? Может, тогда уж меня случайно кто сглазил? Завидуют люди в шоу бизнесе друг другу. – Нет. Такой сильный наговор можно сделать только специально. Делают это сильные чёрные маги. В Питере это стоит три тысячи долларов. В Москве – пять. От таких цен у меня подкашивались ноги. Для Киски это очень большие деньги. Неужели ей так не давало покоя то, что успехи у меня в делах были не в пример лучше, чем у неё? Казалось бы, такое поведение рубит сук, на котором сидишь. Это – нелогично. Но я часто думаю, что у баб (именно у баб; женщина – нечто другое, более окультуренное создание) и нет никакой логики. Почему они так легко верят в магию: потому что и магия нелогична. А прибегают бабы к ней, понимая, что мужчина не заглатывает наживку. Я ведь говорил Киске, что на кошках не женятся. А это значит, что все зыбко. Что рано или поздно может прийти расставание, и она рискует остаться с носом. Значит, решила она, надо и меня, и мою семью оставить ни с чем. Вот и работала над этим вопросом, не жалея собственных средств (которые у неё скапливались, ведь мы жили на мои). А ещё я вспоминал, как вкрадчиво и регулярно интересовалась она у меня: «Ну, Рома, а может быть – это конец?» Ждала, сволочь? Гадалка также сообщила, что, «по всей видимости, ваша чёрная Киска не раз прибегала к ведьмам и когда то сделала на вас приворот»... На этой фразе я оторопел. «Да ты и сейчас ещё у неё на привязи, за которую она может потянуть. У вас деньги, и именно поэтому она ещё не раз даст знать о себе. Киска хочет получить как можно больше выгоды. Ну, а вам лучше с ней больше не встречаться. Человек она лживый, и к тому же постоянно вам изменяла...» На этой фразе я понял, что совсем ничего не знаю о жизни. И что самое страшное – от этой новости мне окончательно сделалось дурно, – она навела порчу и на мою жену. Причём со смертельным исходом. – ЧТО О? Это же моя семья. Нельзя трогать мою семью! Никому нельзя трогать мою семью! Никому и никогда нельзя трогать мою семью! У нас маленький ребёнок, его ещё надо вырастить. А тут – получалось, что меня «не видят», я ничего не зарабатываю; у жены дела ещё хуже. Это просто кошмар. В него просто невозможно поверить. По дороге от гадалки домой я бесконечно перебирал наш длинный разговор и искал, где там подвох, и думал, что стоит обнаружить его и поймать гадалку на какойнибудь мелкой лжи, как весь этот ужас развеется. Только как совершенно посторонняя мне баба могла узнать такие подробности (заметьте, из прошлой жизни, о которой никто не знал)? Мне хотелось докопаться до сути этого

вопроса. Всё таки я давно имею дело с разного рода артистами и знаком с рядом фокусов. Например, если «знахари» угадывают твои болезни – так это несложно. О многих болезнях можно узнать по внешним признакам, по состоянию кожи, глаз. Ещё я вспоминал мнемонику, часто используемую в цирке лилипутов. Якобы это «передача мыслей на расстоянии». Одна девушка достаёт что-нибудь из кармана зрителя, вторая – стоящая на сцене с завязанными глазами – должна угадать, что это за предмет. На самом деле, угадывание – просто передача знаков, понятных им одним. Хорошо выстроенный и отработанный номер. Вначале девушки составляют примерный перечень того, что может быть в кармане. Затем составляют наводящие вопросы на каждый предмет. «РАСкажи нам, что я достала сейчас?» – «РАСчёску» – «Скажи ЖЕ, какого она цвета?» – «Жёлтого». И т. д. и т. п. Многие «чудеса» просты до безобразия. Но то, что знала гадалка, не укладывалось ни в какие схемы. И я ломал над этим голову. Все же таки я не мистик, я не баба. Я мужчина. А мужчина должен все понять логически. Иначе мозги начинают съезжать набекрень. Отправляясь на визит к гадалке, я продумывал своё поведение. Составил вопросы так, чтобы не было наводящих. И их там не было! Да и вообще поверить в то, что на тебя сделали наговор, и в существование какой-то магии нормальный мужчина не может! Я и не верил. Просто позвонил жене. Для начала спросил, как тёща, так как гадалка мне сказала, что та сильно болеет. Оказалось, что мать её в больнице и об этом пока никто не знает. Лена рыдала в одиночестве на даче, чтобы не пугать ребёнка. Это стало первым неприятным совпадением. Тогда рассказал и об остальном. Про порчу со смертельным исходом и назвал возможную болезнь. На другой день моя жена проверилась у врача, и... диагноз подтвердился. Врач сказал, хорошо, что обнаружили вовремя, пока ещё не поздно. Это совпадение было уже вторым. К тому же тётенька колдунья, как и тот парапсихолог, тоже обещала помочь в делах (снять наговоры и отправить их отправителю). Вечером того же дня в клубе было полно народу. На следующий день тоже. Мистика какая-то. Я с трудом верил в происходящее, но дела медленно и неизменно ползли в гору. Народ стал приходить на программу. Меня стали приглашать куда-то на работу. На телевидении предложили делать новый проект. И, слава Богу, Киски рядом со мной уже не было! К сожалению, проверить истину слов гадалки и как-то подтвердить свои подозрения невозможно. Когда я только пообщался с парапсихологом (я не говорил Киске о своём визите), вернувшись в Москву, заинтересовался: «А скажи,

пожалуйста, зачем ты навела на меня порчу?» – Я?! – Глаза её полезли из орбит от деланного возмущения. – Ты что, шутишь? Я? Да зачем мне это? Ты что, больной?! Как ты можешь так думать! Интересно, а как мне не думать? Особенно после того, что сказала тётка провидица. Впрочем, расстались мы вовсе не из за магии. Вышеописанный мистический триллер существовал параллельно с обычными бытовыми дрызгами, которые уже сидели у меня в печёнках. Истерики, которые она устраивала даже при моих друзьях; непомерные требования; полное непонимание того, где она находится. Наверное, просто вылезал её дурной характер. Он, видимо, ещё не сформировался окончательно, когда мы только начинали встречаться (она была слишком молода), зато сейчас давал о себе знать. Поняв однажды, что если Киска постоянно будет так себя вести, то я просто в сердцах пришибу её, стал просить покинуть, наконец, мой дом. Даже дал денег, чтобы она побыстрее сняла квартиру. «Но я же люблю тебя!» – рыдала она. Я колебался, глядя на эти рыдания. Не знал, верить ей или нет. Ведь когда тебе сто раз на дню говорят, что любят, не верить – трудно. К тому же мы прожили два года, и я просто привык. Однако Киска, – как та самая актриска из анекдота, с которого и началась эта глава, – «спотыкалась» все чаще. И я, как постоянный зритель, следящий за такими несовпадениями «образа и подобия», начинал просто сходить с ума. И обязательно бы сошёл, но изыскал в себе силы жёстко разорвать эту связь. – Уматывай. – Куда? Мне некуда уезжать! – Снять квартиру, имея деньги, можно за день, – объяснил ей, – а денег у тебя до дури! – Ромочка, не выгоняй меня. Я же люблю тебя. И всегда любила. И в декабре, когда мы с тобой поругались так, что я хотела уйти. И в феврале, когда дело чуть не дошло до драки, и я не могла тебя больше видеть, но простила. Ну, пожалуйста, давай попробуем начать все снова... В декабре... В феврале... Сходится! – До свиданья. Вернее, прощай! ...Пожитки она увозила вечером, во время моего шоу в клубе. А я... придя домой, увидел, что любимая приголубила и кое что не своё. Она прихватила все моё, что могло бы ей пригодиться. Сказать честно, меня попросту цинично обокрали! Ну, и как тут не верить экстрасенсам и гадалкам, не видевшим её, но дружно сказавшим, что человек она непорядочный и что я с ней ещё хлебну говнеца?! ...Когда то мне довелось почитать руководство для разведчиков. Им настойчиво рекомендовали не заводить постоянных любовниц. Потому что у мужчин насчёт женщин одни планы, а у женщин – свои. И мы не можем предугадать, как они будут их реализовывать. Что касается магии, то, возможно, все это

совпадения. Но совпадения любопытные. Прошло полгода, а я все нахожу подтверждение словам гадалки. Киска действительно изменила. Напропалую. Также гадалка сказала, что Киска ещё не раз напомнит о себе. И действительно – не раз звонила. Попросила подарить ей машину на день рождения, на том основании, что я привёз её в этот город и здесь бросил одну. Гадалка сказала, что с работы её попрут, и вот недавно узнал, что это произошло. Более того, перед ней закрылись многие нужные двери моих друзей. Когда она им стала жаловаться, что Роман выгнал её, те цинично заметили: «Ну и слава Богу. Нам всегда Лена больше нравилась». Я не просил их ничего говорить, более того, и про наше расставание рассказал не всем... То есть вышло так, что все плохое, что девушка пыталась сделать мне, повернулось против неё самой. О том, что с ней произойдёт в ближайший год, я слышал со слов гадалки. Ждём с... Чем дальше, тем интереснее вспоминать и общение с посредниками параллельных миров. Всё таки они помогли мне увидеть баб с совсем иной стороны. Мастерство гадалей явно выросло из стабильности ситуации. То есть бабы с целью приворожить любовников регулярно шастают по ведьмам. И они, видимо, перевидали таких баб выше крыши. Как я понял, самое страшное баба творит, если понимает, что её вот вот выгонят. Расставание – тяжёлая вещь. Женщины – существа эмоциональные и очень зависимые. Зависимые от нас, от мужчин. Хотя они и кричат о своей значимости, самодостаточности и незаинтересованности, – все это ложь. И ты, даже не догадываясь об этом, можешь показаться ей козырной картой. Она почему то решила, что хочет за тебя замуж. В этот момент она может встречаться с другим или другими. И не обязательно, что она тебя любит. Даже – совсем не обязательно. И даже не потому, что у тебя есть деньги и связи. Ты просто ей удобен по каким то её показателям. И если она чувствует, что рыбка срывается с крючка, – делает приворот. Может, даже делает на последние деньги или возьмёт в долг, или чтонибудь продаст. Она попытается ухватиться за любую маломальскую возможность – а почему нет? Мужчины ходят по бабам. Бабы – по магам. Мужчина, если и может сделать приворот на подругу, то только от большой несчастной любви. Но это редкость – большая любовь. Вторая причина, которая может привести мужчину к ведьмам, гадалкам или экстрасенсам, если дела, по необъяснимым причинам, идут все хуже и хуже. Надвигается крах. А он никак не может понять почему и готов бежать за советом хоть к чёрту лысому. Лишь бы помог. Но это мужчина. Зато женщины – постоянные потребители магических

услуг, всяческих приворотов и других вредительств прогрессивному человечеству. Для них это – как чихнуть. Кажется, они даже не задумываются о моральной стороне проблемы. Считают так: мы – слабый пол, мужчины – сильный. А в борьбе с сильным – все средства хороши. Лохи и подарки – Девушка, вы такая красивая. Вы само совершенство. Как бы мне ещё хотелось увидеть вашу грудь, хотя бы одну... Я вам пятьсот рублей дам. – Хорошо. – Ой, как красиво. А не могли бы вы... Мне даже неловко просить... Ну хоть половину попы показать? Я вам тысячу рублей дам. – Ну ладно. – Ух ты! Девушка, а если лобок покажете, я вам четыреста долларов дам! – Давайте, покажу. – Вот это да! Девушка, и предлагать так неловко... А сколько бы вы взяли за секс? Девушка, пожимая плечами: – Да как обычно. Двадцать долларов. Итак, Киска практически исчезла из моей жизни. Но я решил, что стоит ещё раз намеренно вернуть читателей немного назад: в тот тяжёлый для меня момент. ...Итак, она, наконец, исчезла. Но чего я тогда никак не мог ожидать, что вместе с нею из моей квартиры исчезнет ещё внушительная часть моих вещей. Она не побрезговала забрать даже чайник, телефонный аппарат и продукты из холодильника, но это все были мелочи. Она конфисковала подарки, которые сама мне дарила, и подарки, которые мне дарили другие люди, и, что, как я уже сказал, меня просто взбесило, она спёрла и мои личные вещи: новые нераспакованные галстуки и новый мужской бумажник. То есть эта тварь уже думала о том, что будет дарить своим новым любовникам. Я даже не смог сразу оценить в полном объёме, сколько именно дорогих штучек она забрала, потому что тупо ходил по дому, испытывая шок: «Нет, нет, нет! Погодите, не может такого быть! Она же девочка из интеллигентной семьи». Но оказалось, что быть может все. Баба всегда стремится прийти к вам в дом с рюкзачком, а уйти с тележкой, гружённой чемоданами. А ещё хорошо бы увезти все это на своей машине, которую вы ей непременно подарите, потому что она вся такая прекрасная и молодая! ...Но раз уж не срослось, то хотя бы воспользоваться личным шофёром. Что Киска и сделала. Я знал, что он возьмётся ей помогать, сам попросил его об этом, но я ведь и предположить не мог, что ему придётся совершить целых три поездки между её квартирой и моей, чтобы перевезти все шмотки. За один раз они просто не помещались в легковой машине. Когда он, наконец, закончил – уже в поту и пене – таскать чемоданы, то спросил: «А деньги? Это не входит в мои обязанности!» – «Деньги? – Она удивилась, наверное, поняв, что пришли те времена, когда ей самой придётся везде платить за себя.

Но решила как можно сильнее отдалить их. – Деньги Роман отдаст. До свидания». И дверь перед ним захлопнулась. Но буквально через десять минут она ему снова набрала и испуганным голосом доложила, что СЛУЧАЙНО забрала мой ноутбук, который нужно срочно вернуть. На самом же деле она сразу после переезда отзвонилась одному нашему общему товарищу и стала хвастаться, чем разжилась. Когда она дошла до компьютера, приятель с уверенностью в голосе произнёс: «Он тебя убьёт. Я бы тоже за компьютер тебя замочил, у него же там все – документы, фотографии, книги, информация...» И вот тогда она испугалась. По настоящему. Когда позже я добивался от неё ответа на вопрос: ну почему ты забрала то, что тебе не принадлежало? – она, как создание, полностью уверенное в своей правоте, и даже удивляясь немного моей «глупости» ответила, что я – человек богатый и ещё себе заработаю. А ей это все нужнее. «Но это же моё!» – никак не мог я понять такой логики. – «Ах, ну купи себе ещё. Разве это трудно». – «А почему я должен покупать, если это моё!» Если у кого то сейчас родилось ощущение, что я был жадной сволочью, и девочка хотела хоть что то взять взамен за «бесцельно проведённые» со мною годы, он ошибается. Она ушла с кучей тряпок, купленных мною для неё за огромную кучу денег, и в бриллиантах, которые стоили, как квартира. Я ведь уже сказал, что она появилась в моей жизни в очень славный момент появления первых больших денег и возможности, не раздумывая, их тратить. Что же касается способов, которыми бабы разводят нас на траты и чувят, что вот «сейчас сейчас» он начнёт раскошелиться по крупному, – то они достойны отдельной главы. Расскажу на своём опыте. Когда мы только начинали встречаться, Киска отказывалась от подарков: «Нет нет, мне не нужно от тебя ничего! Я же тебя просто люблю». Просто так. Бескорыстно. Кстати, это всегда очень приятно, что тётка вас «просто» любит. Но отсутствие у неё денег постепенно начинает рождать какие то неудобства для тебя. Например, она живёт в очень отдалённом районе, ей далеко мотаться к тебе, и ты снимаешь ей квартиру в центре. У неё есть мобильник, но он постоянно глючит от старости, и ты не знаешь, как её найти. Тебе это надоедает, да ещё приближается какой то праздник, и ты говоришь: «Давай я тебе куплю телефон в подарок на праздник!» А любимая говорит: «Почему в подарок на праздник? Он мне уже давно нужен. Давай ты купишь его сейчас, а в подарок чтонибудь другое». Несколько удивившись – однако, логика тут есть, – покупаешь телефон. Но купить дешёвый рука не поднимается. Берёшь дорогой. Ты же небедный человек.

Держи марку. Потом тебе нужно вывести её в свет, а оказывается, что ей нечего надеть. У большинства девочек в этой стране в гардеробе нет вечернего платья. Но раз она идёт с тобой к солидным людям, что делать – надо его купить. А к платью нужны туфли. К туфлям сумочка. А ко всему этому – пальто и очки для солнца. И ты покупаешь. Она же твоё украшение. По её виду тебя оценивают. Словом, выходит так, что ты её одеваешь потому, что в этом есть необходимость. Делаешь это в какой то степени для себя. Одеваешь и совсем не задумываешься о том, что раздевать её может кто то посторонний. И... совсем не можешь уловить тот момент, когда оказываешься в положении «барана, который за все платит». Девчушка очень быстро привыкает к хорошему. За пару лет наших отношений Киска пришла к тому, что считала за подарки только бриллианты. А одежда, еда, турпоездки бизнес классом в дорогие экзотические страны – всё это было как бы само собой разумеющимся. Это не подарки – это часть жизни. Виновата ли она в этом? Наверное, нет. Скорее всего, я сам виноват. Сам её разбаловал. Старался подтянуть её под определённый уровень жизни. А дальше... Жизнь непредсказуема. Даже олигархи попадают в тюрьмы и теряют состояния. А у людей, зарабатывающих на жизнь своим трудом, она и вовсе нередко идёт волнами. Спады бывают (по независящим от нас причинам). И вот накануне новогодней ночи, в которую впервые в жизни не работал, я сказал Киске, что куплю ей подарок попозже. Она, привыкшая регулярно получать дорогие подарки, сделала обиженную мордочку, оцетишила усы и спросила: «КАК ЭТО?» – У меня нет больше денег. Ты же знаешь. – Но ведь всё таки Новый год, – дуется она. – Я же через неделю везу тебя в Индию отдыхать. На что мы там будем жрать, и чем ты недовольна? Когда и с кем ты ещё туда попадёшь? А вернёмся – тоже надо на что то жить. – Да, но ведь Новый год, – она начинает размазывать по лицу слезы и сопли. А ты, как дурак, её утешаешь, хотя послушал бы кто этот разговор! Девочка, которая год назад работала за двести долларов в месяц, почувствовала себя миллионершей. «Дешёвые» подарки её теперь оскорбляют, она от них отказывается, говоря: «Раз так, ладно. Тогда вообще ничего не надо». И ты думаешь, ну и х... с ним! Идёшь, покупаешь ей, как последний идиот, норковый жакет. Потом бегаешь по друзьям, берёшь у них в долг. Но тебе не удаётся отдать этот долг, потому что девочке опять что то нужно. ...На самом деле – ей нужно получить компенсацию за каждый прожитый с тобой день. Она все стремится свести к этому. Ей абсолютно плевать и на тебя, и на

перспективы вашей совместной жизни. Это пылесос, всасывающий в себя всё, что можно и нельзя. Для неё каждый день – как последний. Откуси как можно больше! Проглоти, не прожёвывай! – её девиз. И ты... не столько даже жалеешь деньги, сколько устаёшь. Ты не видишь, как строить жизнь с этим созданием. Ну например, ты покупаешь квартиру, затеваешь в ней ремонт, выбираешь дорогую мебель: чтобы купить один раз – и навсегда. Находишь в магазине шкаф, понимаешь, что деньги на него практически есть, но не хватает какой то тысячи долларов. А вечером с тобой рядом садится Киска и начинает плакаться, что ей нужны, например, сапожки. – Ну у тебя же есть сапожки, дорогая, – чуть не стоном произносишь ты. – Но у меня только чёрные, белые, синие и красные... А в магазине теперь продаются и зелёные. Таких у меня нет. – А тебе очень срочно нужны зелёные? Давай вначале купим шкаф, а потом сапожки. Она начинает хлюпать носом и бешено крутить хвостом. Один вечер ты это терпишь. На второй вечер ты опять мечтаешь о хорошем шкафу; думаешь, дай ка перезайму денег у приятеля, чтобы шкаф этот купить, а то никогда не куплю. Звонишь ему. И тут Киска, услышав разговор, снова подсаживается и начинает хныкать на тему, как трудно живётся без зелёных сапожек. – Но, дорогая, сапожки стоят шестьсот долларов. Такие деньги я всегда найду. Сейчас у меня собралась сумма на шкаф. Это нужнее: его надо купить, пока я их не растратил. У неё уже истерика. А ей пять раз насрать, какая у тебя будет квартира, хотя она и сама будет там жить. Ей надо что то, что она всегда легко и быстро в случае расставания сможет унести с собой (шкаф не вынесешь). Я злюсь. И в итоге понимаю, что уже проще купить, чем объяснить, почему не сегодня. Да ещё какие то шестьсот долларов. Чёрт с ними! И ты идёшь в магазин и видишь, что... сапожки стоят в несколько раз дороже. А ещё к ним обязательно нужно купить сумочку и шарфик, подходящие по цвету. Непременно сейчас же. В других местах – такого нет и не будет. И ты стоишь в этом магазине, раз пришёл – надо платить. И понимаешь, что тебя развели. Раз Киска давно их присмотрела, значит, и примеривала, и цену знала. И вообще, твой шкаф накрывается медным тазом. Плюнув на всё это – а зачем себя травмировать, – ты живёшь дальше. Но проходит совсем немного времени, и у тебя опять набирается сумма, почти достаточная для покупки шкафа. Ты уже собираешься поехать в магазин оформлять покупку, рядом садится Киска... И все по новой! Карусель. ...Если бы «Киски» вели себя так сразу, с первых дней знакомства, мужчине легко было бы

ориентироваться, кто есть кто. Но они достаточно хитры. Ты не можешь воспринимать как проститутку девочку, которая живёт с тобой, которая работает и чего то зарабатывает. Ты какое то время честно веришь, что просто до зарезу ей нужны зелёные сапожки. И только со временем начинаешь понимать, какая из баб сосала из тебя соки, а какая – тебя действительно любила. Но помогала всегда только жена. Помню, читал, как один известный поэт просил руки у дамы. Она сказала: «Встаньте с колен, не протирайте НАШИ брюки». Вот так же ведёт себя жена. Она твой друг и партнёр, работает на семью, на перспективу. А «Киски», даже если на них жениться, все равно будут требовать с тебя зелёные сапожки. Самое нелепое, когда предлагаешь Киске расстаться, она выдаёт: «Ты купил жене квартиру, когда уходил от неё. А мне?» – Да тебе то за что? – А ей за что? Интересный вопрос о распределении материальных ценностей. Стоит его осветить для всех остальных «кисок». Мы начали жить с женой, когда были студентами. Денег тогда ни у кого не было и в помине. Не было квартиры. Не было возможности сразу двоим делать артистическую карьеру. И потому карьерой занимался только я. А она – талантливая актриса – помогала подняться мне, при этом поставив крест на своей карьере. Мы вместе съели пуд говна, прошли огонь, воду и медные трубы. Вместе пришли ко времени, когда уже можно позволить себе все, что угодно. Когда появились деньги, я стал постоянно предлагать: «Давай купим тебе новое платье». – «Платьев мне пока хватает. Давай лучше подкопим и купим ещё одну квартиру, будем сдавать в старости. Деньги будут». Она не думает о том, как меня развести на бабки. У неё другая задача: сделать, чтобы в жизни не было провалов. Ведь жизнь состоит из полос, как зебра: чёрная, белая, чёрная... а в конце жопа. Зебра кончилась. Но с женой ты гораздо реже рискуешь оказаться в этом славном месте. Она видит чёрные полосы и старается из обойти. Она предпочтёт исключить из своего гардероба зелено красные сапожки. Пусть всё будет серым, зато стабильным. И во времена, когда я не мог найти работу, работала она. И не складывала все заработанные деньги в свой карман, как это делала Киска. Поэтому я и купил ей квартиру, содержал её и своего сына. А «Киски» не могут этого понять – НО ПОЧЕМУ?! Может, у них в голове все по другому устроено. Ведь – ПОЧЕМУ – понимает даже мой сын. То есть я совсем не хотел, чтобы он это понимал. Мы с женой скрывали от него, как живём. Он знал только, что папа работает в Москве, а на выходные возвращается домой. Месяцев через восемь сын стал догадываться, что что то не так. А в один

прекрасный день, когда он был у бабушки, та недоглядела, и он увидел сюжет по телевизору, где рассказывалось, что я живу в Москве с такой то девушкой (я изо всех сил тянул Киску в телевизор, во все СМИ, да и вообще куда угодно). ...У ребёнка была истерика. Немного придя в себя, он стал звонить маме: «А почему папа живёт с этой девушкой? – всхлипывала трубка. – Она ведь даже и не красивая». Что можно ему ответить? Жена позвонила мне и предложила все объяснить самому. Я позвонил, и разъяснил ребёнку, что все враньё: «Это же шоу бизнес. Ты разве не знаешь, что там все сочиняют про себя разные небылицы. Мы тоже с мамой сочиняем. Ну что ты!» Кажется, он не очень мне поверил. Но через какое то время успокоился и даже простил меня. А Ленке сказал: «Мама, не надо папу трогать. ПУСТЬ ОН ПОЖИВЁТ С ЭТОЙ ТЁТЕНЬКОЙ. А ПОТОМ, КОГДА У ПАПЫ ДЕНЬГИ КОНЧАТСЯ, И ОНА ОТ НЕГО УЙДЁТ, ОН ПРИДЁТ К НАМ, И МЫ ЕГО ПРОСТИМ». И это десятилетний ребёнок. Так что, думаю, логика жизни всем понятна. Прощаясь с Киской, я отстегнул ей денег ровно столько, чтобы оплатить съёмную квартиру за первый месяц. И то, только для того, чтобы поскорее от неё избавиться. Именно поэтому. Я понимаю, почему она капризничала и цеплялась. Не в любви дело. Просто сложно уйти из хорошей квартиры в халупу, которую ты сможешь снять, рассчитывая только на себя. И одна – уже не сможешь ужинать в ресторанах, одеваться в хороших магазинах. А это жутко – ко всему хорошему, как было уже сказано, быстро привыкаешь. Наученный этим горьким опытом, стараюсь подсказать коллегам мужчинам: не надо торопить процесс привыкания каждой новой своей бабы к хорошему. Напротив, надо сдерживать его как можно дольше. Хотя и трудно, но нужно. Ведь это, как ни банально звучит, единственный показатель искренности её чувств. Как только ты начинаешь дарить подарки, тебя сразу же начинают терзать сомнения. А вот теперь, что её интересует больше: ты или деньги. Но, кстати, бабы это знают и этим пользуются. Вначале говорят: «Мне не нужны подарки». И не принимают их, доводят мужика до иступления. Часто фраза «Мне не нужны подарки» обозначает, что ей нужно ВСЁ. Чего там твои подарки, когда она редкое животное и хочет попасть в «Красную книгу» – в твой паспорт. И иметь права на половину всего твоего имущества. Знаете, было бы не жалко, если бы баба того стоила. Я, уходя, оставил жене все. За верность... Верность – вот за что женщине дарят подарки. Ты уверен, что это твоя баба, что она любого отошьёт и не продаст. Она предана тебе, и за это ничего не жалко. А когда наоборот, когда

понимаешь, что ты её одевал, как куклу, ради того, чтобы на неё другие активнее заглядывались, хочется перегрызть ей глотку. В таких ситуациях все по разному поступают. Мне нравится, как сделал один достойный человек, поймав постоянную любовницу с мужиком в постели: не стал её душить, как Отелло, рискуя сесть в тюрьму. Он ей устроил перерасчёт: «Значит, так, дорогая. Мы вместе три года. За это время я подарил тебе квартиру (сумма такая то), машину (сумма такая то), свозил десять раз за границу (стоимость путёвок такая то). Подарил драгоценностей (сумма такая то). Итого я потратил на тебя...000 тысяч долларов. Я дарил тебе это, полагая, что ты живёшь только со мной и любишь только меня. Сейчас вижу, что это не так. И раз ты гуляешь – значит, ты шлюха. Шлюхам нужно платить деньги. Мы встречались два раза в неделю. Трахаешься ты хорошо, поэтому за секс считаю по максимуму – триста долларов. В неделю – шестьсот. В году пятьдесят две недели. За три года набежало (шестьсот на пятьдесят две и на три года) девяносто три шестьсот. Это твои деньги. Также можешь оставить себе украшения – это твои подарки. Остальное ты мне верни. С тебя ещё...000 тысяч долларов. Конечно, она не могла вернуть все. Да и не очень то хотела. Поэтому понадобились бандиты. Они сумели все отнять у красавицы. Незадачливый любовник, правда, назад не получил ничего. Но он и не жалел об этом. Главное, свершить справедливый суд. Ведь когда платишь за её любовь (а это подразумевает верность), так это – одно. А когда баба неверна, у мужика полное ощущение, что он переплатил. Потому как продажная любовь имеет небольшую стоимость. К сожалению, когда ты объясняешь деточке, что почём, она не хочет с тобой соглашаться. У неё свои взгляд на события и на твоё место в её жизни. И на твои вещи, которые надо «справедливо поделить» между вами. Что она и делает, когда тебя нет дома. И ты, вернувшись в голые стены, вскоре превращаешься в персонажа фильма «Иван Васильевич меняет профессию» Шпака, который с горечью рассказывает милицейской собаке: «Вы только подумайте, это же все, все, что нажито непосильным трудом, украл: пиджак замшевый импортный, портсигар золотой отечественный...» Долгие проводы – Мочилась ли ты на ночь. Дездемона? – О, да! – Но твой горшочек пуст?! – Я писала в бутылку... – Умри ж, несчастная! Я только что попил оттуда. Раунд первый Душить бывших любовниц в наше время, к сожалению, нельзя. Но жажда мести и современным Отелло не даёт покоя, только, не имея возможности для средневекового размаха, она, увы, мельчает. Поэтому, обменявшись первыми пробными ударами, то

есть обосрав друг друга перед всеми нашими знакомыми, мы с Киской затаились. Ни я про неё не слышал, ни она про меня. И это к лучшему, так как у меня сложилась ситуация, которой не было никогда в жизни. Мне впервые пришлось снять комнату. Не потому, что совсем обнищал, и потому, что в квартире, которую я купил, никак не заканчивался ремонт. И там жили строители. А за квартиру, которую я снимал, – хозяин взвинтил цену до небес. И вот тогда я пошёл на принцип: решил – платить не буду, а пару недель гденибудь перекантуюсь. И я стал жить у бабки рок н рольщицы, еженедельно надевавшей на себя рюкзак, туристическую ветровку и отъезжавшей в поход. Я же оставался в комнате её сына, моего водителя, куда мы перетасили все мои вещи со снимаемой квартиры. Они лежали, сваленные в огромную кучу посреди комнаты, создавая живописный непроходимый пейзаж. А в углу всегда горел светильник, под которым выращивался куст марихуаны. Я как будто превратился в «иногороднего студента». Раунд второй ...И вот как то случайно до меня стали доходить слухи, что на своей новой работе мохнорылая Киска усиленно продвигает МОИ творческие проекты, выдавая их за свои, и при этом пытается рассорить меня со всеми моими предполагаемыми работодателями. И тогда в своё весёлое жилище я пригласил знакомую мне (и главное, Киске) журналистку. «А не напечатать ли нам статеечку? – предложил я ей по телефону. – Про то, как от меня съезжала бывшая любовница и заодно вывезла кучу моих вещей?» – «Напечатать, опубликовать и заработать денюжек», – согласилась та, обсудила тему с редактором и приехала. Гадостную эту статью я задумал с замечательной целью – плохого человека напугать и сделать, путём раскаяния, лучше. Ну а почему я должен чувствовать себя беспокойно, а она будет сидеть и радоваться?! Она сделала мне и моей семье кучу гадостей и должна хотя бы немного пострадать. Должна понять, что поступила неправильно. Это было задачей минимум. Задачей максимум было желание заставить её выкупить эту статью. Одна из центральных газет предложила мне за неё четыре тысячи долларов, а деньги тогда были очень нужны. Выкупить – ей было на что. Хотя бы каким нибудь из моих подарков. Было бы совсем неплохо, если бы она вернула хоть что то. Как я уже говорил, мы дарим подарки женщине за её верность. А когда до меня доходили одна за одной косвенные улики её измен, я злился на её ложь и хотел её наказать. А то, что она спёрла в придачу и свои подарки мне – казалось верхом неприличия. А один негативный поступок ведёт за собой череду других. Она должна была нервничать.

Чувствовать себя униженной и оскорблённой. Приползти и умолять оказать ей великую милость – дать заплатить за то, чтобы статья не прошла в печать. Ведь Киска работала в сфере шоу бизнеса, и после этого её обязательно бы вышвырнули с работы. И неизвестно, устроилась бы она хоть где нибудь в Москве. Думаете, это мелко? Недостойно, не по мужски? Да никто себя не ведёт достойно в состоянии разрыва с человеком, которого – как им казалось – любили. Все названивают, унижаются, ходят на коленях, жестоко мстят любимому, а то и себе. «Назло маме отморожу уши». Но главное – скрывают это ото всех! Думая, что это такой позор, который не должны видеть друзья и родственники. Они то, друзья (по их словам), расставались всегда достойно. Угу! Хочется верить! В статье написана чистая правда, причём отредактированная так, что уцепиться за слова и подать в суд Киска не могла. Каждый факт – подтверждён документальными свидетельствами. Статью привожу полностью с небольшими купюрами. Такая то обворовала шоумена Трахтенберга (Заголовок на обложке) Известный теле – и радиоведущий Роман Трахтенберг недавно пострадал от своей бывшей сожительницы, неизвестной актрисы НН. Съезжая с его квартиры, девушка, помимо подаренных ей Трахтенбергом драгоценностей прихватила и имущество Романа на довольно круглую сумму! Делили фаллоимитаторы... Этот день в ОВД «Беговой» запомнят надолго. Даже в ситуации неприятной для каждого – ограбления и разрыва отношений с сексуальным партнёром – Роман Трахтенберг устроил целое шоу. Впрочем, милиционеры говорят, что девушка сама его вынудила. И что он ещё достаточно мягко поступил с ней. Прокомментировать эту ситуацию мы попросили Романа Львовича. – Она съезжала с квартиры, когда меня не было дома и случайно зайти, как тот кретин муж, «вернувшийся из командировки», я не мог, так как в это время вёл шоу в своём клубе. Вернулся я домой в три утра. А там... – Что, как у Пастернака? «Её уход был как побег, везде следы погрома»? – Погрома не было, как, впрочем, не было и ещё ряда вещей. Ну, то, что она забрала вещи, которые сама мне дарила, меня покорило, но ладно. Хотя среди этих вещей были и тридцать три золотых червонца, подаренных мне ею, и которыми я очень гордился, как самым дорогим подарком, сделанным мне женщиной. – Ой, а сколько же они стоили? – Каждый по сто двадцать пять долларов. Я это знаю потому, что сам хотел их купить. Они же продаются в любом отделении Сбербанка. – А что, неизвестные актрисы так много зарабатывают? – Ну, ведь она жила и одевалась за мой счёт и поэтому откладывала всю свою

зарплату полностью. Но червонцы за украденное я не считал. Подарила, забрала – её дело. Хотя если бы ей действительно нужны были деньги, могла бы просто попросить. В тот момент я был на мели, но есть друзья, которые всегда бы выручили. – А что кроме червонцев? – Так, ерунда. Мелочь, сувениры. Но, во первых, они очень дорогие. А, во вторых, я из каждой страны, где бываю, чтонибудь привожу. Для меня это очень важно... Понимаете – это память. А допекло меня то, что она забрала чайник, продукты из холодильника, моё средство от выпадения волос и даже бутылку sake – подаренную мне коллегой, уехавшим в Японию. И бутылку «зубровки», которую сама привезла мне из Польши; но я её тоже не считал. – А ей то зачем средство от выпадения волос? Проблемы? – Ну... не знаю. Я позвонил ей и попросил вернуть награбленное, сказав, что иначе вызову милицию. В ответ она послала меня на три буквы. И я позвонил по «02» и обрисовал ситуацию. Сказал, что жил с девушкой полтора года и что она меня обворовала. В службе «02» все звонки записываются, так что можете проверить. Приехала оперативная группа и попросила предъявить чеки. Конечно, на всё чеков нет – на сувениры, хотя бы, – но на чайник, музыкальный центр, напольные весы, компьютер и т. д. должны быть. Полез искать – нету!... И тут я понял, что ЛЮБОВНИЦА СЕРЬЁЗНО ГОТОВИЛАСЬ К ОТЪЕЗДУ. Милиционеров факт исчезновения документов поразил настолько, что они сказали: «Ну и стерва!» Но я так не считал, думал – это какая то ошибка, состояние аффекта. Оперуполномоченный спросил: «Чего вы хотите? Её посадить, так как это хищение в особо крупных размерах? Или просто вернуть украденное?» «Не судите и не судимы будете» – вспомнил я и сказал: «Отдайте мне моё, а жизнь её сама накажет». Так как телефонный аппарат она тоже вывезла, переговоры опера с ней вели по моему мобильнику. Спорили часа три, так как у неё была истерика. Знаете: «Плачет киска в коридоре, у неё большое горе злые люди бедной киске не дают украсть сосиски». Девочка доказывала, что купила все это сама. В том числе сувениры. Даже продающиеся в тех странах, где она не была... В результате, «добычу» она всё таки вернула со словами типа «кровное отдаёт, нажитое непосильным трудом». Милиционеры в ответ только усмехнулись. У них сложилось правильное впечатление, что не я, а она жила за мой счёт. Кстати, пришла она не одна, а с каким то военным «красивым, здоровенным» и требовала написать расписку, что «я не буду угрожать ей физической расправой и не буду освещать эти события в СМИ»... – И дали вы ей эту расписку или нет? – Сначала не хотел, так как я

не монстр, но она стала бросаться на меня с кулаками. И я подумал, если она судит других по себе, – напишу... Но в полном объёме! – Как это? – Как было, так и написал: «Гражданка такая то вернула украденные ею у меня вещи в полном объёме, – за что я обязуюсь (как она настаивала) не угрожать ей физической расправой и не освещать эти события в СМИ...» После написания бумаги я попросил вернуть ключи от квартиры. Она кинула их мне в лицо, попутно пнув ногой музыкальный центр и сказав, что у неё здесь ещё остались вещи. Я сказал: «Забирай!» – и вспомнил, что действительно в ящике под нашим ложем любви кое что осталось. ...Собрав в охапку фаллоимитаторы, я совершил ей в лицо ответный бросок этими предметами. «Зал замер. Такого поворота событий зрители не ожидали». Девушка тоже опешила. Вышла из оцепенения секунд через десять и против всякой логики прокричала: «Все знают, что он пидарас! ЭТО ЕГО ВИБРАТОРЫ!» Мощный милицейский хохот потряс стены квартиры. Пригрел на сердце змею – Может, вы её обижали? И все это лишь компенсация, на которую женщина в некоторых случаях имеет право? – Компенсация?! За что?! За то, что вывел её в свет; за то, что возил её за границу (Таиланд, ЮАР, в Египет на дайвинг сафари, Индию, Китай), причём бизнес классом; за то, что накопил ей шмоток на тысячи долларов; за то, что дал ей возможность сыграть на большой сцене; за то, что кормил в дорогих ресторанах; за то, что давал деньги на элитные салоны красоты; за то, что оплачивал её счета... Я её любил и ради неё ушёл из семьи, от жены и сына. Мы с ней жили мирно. Целых два года. И всё это время я пытался сделать из неё звезду. – Вы? А зачем? – Хотелось попробовать себя в новом качестве продюсера и помочь человеку, который тебе небезразличен. Первая наша встреча произошла в Питере. Столкнувшись с ней, я, по всей видимости, увидел то, чего в ней не было: перспективную девушку, только что закончившую театральный институт, и у которой всё было впереди, и из которой можно лепить звезду... И вот тогда я решил, что, может быть, во мне умер великий промоутер. Но сначала, следуя законам жанра, я решил с ней переспать. Согласилась она, как ни странно, очень быстро. Все произошло в дешёвой гостинице... Потом была сауна, а дальше... Я снял ей квартиру в Питере, куда приезжал каждый день, вернее, каждую ночь после работы. Потом мы съездили с ней за границу. Там она рассказала мне о всех своих бывших мужчинах. В её послужном списке я был девятым. Но женщину в ней, по её словам, разбудил именно я. Я действительно старался: секс в туалете на работе, в туалетах аэропортов (она хотела в

туалете авиалайнера, но я постеснялся), в кинотеатре на заднем ряду... «Ты будешь верить своим бесстыжим глазам или моим честным словам?» Потом она меня заразила нехорошей болезнью. Я не хотел этому верить, тем более что она клялась и божилась, что ни разу мне не изменяла. Врач подверг это высказывание серьёзному сомнению. Но я хотел верить девушке и верил. Потом мы уехали в Москву и стали жить вместе, хотя все мои друзья были в шоке и спрашивали, как я мог променять свою обалденную жену на какую то девку. Тем временем в карьере моей любовницы произошли изменения. Раньше она работала со мной, а теперь напарника ей сменили. И тут у руководства возникли сомнения в талантах девочки. То есть я то по прежнему считал, что она звезда. А вот начальство думало иначе. Когда она работала со мной, я был ведущим, а она ведомой, то есть легко заменяемой фигурой. Но, к сожалению, это стало окончательно ясно, только когда нас разделили. У них с новым партнёром по работе постоянно были стычки из за отсутствия профессионализма, вдруг обнаружившегося у моей протеже. Народ вокруг смеялся над этой ситуацией, а я переживал и пытался научить девочку уму разуму. Но теперь она уже сама считала себя звездой и слушать никого не хотела. В итоге с этим проектом ей пришлось распрощаться, а в другие тоже не взяли. «Он то плакал, то смеялся, то щетинился, как ёж!...» – До меня постоянно доходили слухи о её изменах и даже о том, что у неё есть постоянный любовник. Я не хотел этому верить и расставаться. Но было ещё одно обстоятельство: её постоянные беспричинные истерики и смены настроения, свидетелями которых становились как мои друзья, так и коллеги. Иногда она, шутя, говорила мне, что у неё маниакально депрессивный психоз, и я думал, что это действительно шутка. Но потом вдруг понял, что живу с тяжелобольным человеком. Тогда и предложил расстаться. Она в слезы. Вышло довольно натурально. Меня опять «развели». Через некоторое время ситуация повторилась, и я указал ей на дверь. Она не уходила, мотивируя тем, что ей не на что снять квартиру. Хотя я точно знал, что у неё есть около десяти тысяч долларов. Но я всё же дал ей денег заплатить за первый месяц. Но она все равно не уходила. Когда я получил подтверждение своим смутным догадкам о её любовниках, я перестал заниматься с ней любовью, а через некоторое время и разговаривать. Она ушла спать в другую комнату, чего до этого ни разу в жизни не было, а через день я уехал на гастроли. Вернувшись домой, я увидел собранные чемоданы, сумки и пошёл на работу... – встретились мы уже в присутствии милиции. P.S. Я вернулся к жене. Эта

святая женщина всё поняла и простила. Я купил ей дом, на сей раз в Москве, на Рублёвке. К сожалению, ввиду ограниченности в средствах, в кредит на десять лет. Ребёнок пойдёт учиться в московскую школу. Я понял – что любовь – это когда простая лягушка кажется тебе царевной. Но не это самое страшное. Самое обидное, что я всё таки её любил. Такой слезливый финал мне нравился: она должна понять, какое сокровище потеряла! Расставаться с мерзавцами ведь не жалко, а я вон какой! Кстати, к утру, когда мы с журналюгой закончили это эпическое творение, я был необычайно бодр. Лучшего способа избавиться от влюблённости у меня ещё не было. Журналистка, правда, засыпала и пыталась вздремнуть, сидя прямо на полу и прижавшись к батарее. – Здорово получилось, да? Скажи! – Я, видимо, был перевозбуждён. И перечитывал все снова и снова. – Я не понимаю, ты хочешь, чтобы это было напечатано или нет? – вяло реагировала та. Я уже не знал, хочу – не хочу. Самое главное ведь уже случилось: мне стало намного легче. Отпустило! И пусть Киска меня обворовала, и немало позора принесло это общение с представителями правопорядка (хотя они явно получили удовольствие от того, что хоть какой то проשמандовке жизнь прижала хвост), но теперь она была у меня в руках. Её карьера, которую я сам – как влюблённый идиот – строил, могла, благодаря мне же, полететь в тартарары. Но всё же сомнения остались. Статья могла сослужить как хорошую службу, так и плохую. С одной стороны, Киску, как воровку, точно бы выставили. С другой, это могло сделать ей рекламу. Какая то там никому неизвестная девка сразу получала известность. «Ух ты, кинула самого Трахтенберга! А Ромка то, хоть и кандидат наук, но ишак!!!» Пути шоу бизнеса чрезвычайно неисповедимы. Но, как ни крути, какую то точку надо было в этом деле поставить. Раунд третий Не для себя же мы всю ночь сочиняли этот пасквиль. Тем более, вскоре оказалось, что так просто использовать в своих целях журналюг довольно трудно. Я понял, что теперь ещё одна баба нудит над ухом и требует окончательного решения. И тут само провидение поворачивается против Киски – статью ждали, деньги приготовили. Но я уже все решил. – Публиковать не будем. – А как же мой гонорар? – возмутилась шелкоперка. – Я тебе заплачу. – Тогда плати вдвойне, – проскрипела вымогательница. – Хорошо. Но тогда ты встретишься с Киской и дашь ей это прочесть! – созрело в моей голове решение. – Только не говори, что мы колеблемся, печатать или нет. Скажи просто, что тебе нужны её комментарии по поводу всей этой истории. – Да не нужны они мне, если ты не хочешь это печатать! – Ну а ты

встретиться с ней в японском ресторане. Я все оплачу. – В ресторане? – Настроение журналистки явно пошло на улучшение. Затея приобретала смысл. – Ну, если в ресторане, то встречусь. И она начала звонить Киске. Только что то у них все не срасталось. То где то задерживалась журналистка, то Киска с головой уходила в работу. Она, оставшись одна в съёмной квартире, должна была шевелиться в поисках заработка и потому активно продвигала на работе «новые проекты» (тоже, впрочем, украденные у меня). – А знаешь что, – предложил я работнику пера и топора по телефону. – Ты зайди в мой клуб, там есть один человек, который после нашего разрыва с Киской дружит с ней за моей спиной, и даже, по слухам, некоторое время с ней жил. Ты сделай вид, что зашла поесть, и «нечаянно» забудь на столе текст интервью. – Ну ладно, – голосом перекормленного бегемота согласилась она. И сделала все как нужно. Я уверен на все сто, что Киске «нечаянно утерянный текст» немедленно прочли по телефону. Однако она мне так и не отзвонилась! Не знаю, то ли моя последняя фраза о том, что я её любил, привели их к мысли, что я не стану делать такую подлость, то ли ей было плевать на репутацию. «Лучшие друзья девушки – бриллианты, – усиленно напоминала мне воинствующая писака. – Вы, Роман Львович, может, не догадываетесь, но заработать на такие украшения одинокой девушке в Москве довольно трудно. Практически невозможно. Я не знаю ни одной бабы, которая выкупала бы репутацию бриллиантами. Вы размышлялись. У б...ядей сдачи не бывает. Словом, я понял, что ничего на этом не заработаю. Более того, эта история только добавляет материального ущерба. Но, впрочем, черт с ним – не жалко. Зато какая психотерапия, когда уверен, что не только ты сходил с ума, а заставил попсиховать и своего противника. За все в этой жизни человек должен заплатить. Раунд четвёртый ...Мы, впрочем, все равно встретились с Киской. Примерно спустя полгода. Она позвонила, когда я ехал с чужого дня рождения, где работал и соответственно пил. Она начала наезжать на меня. Кричала в трубку, что у неё ничего в работе не получается, так как я её постоянно обсираю и мешаю ей продвигать честно украденные у меня идеи. Видимо, алкоголь дал мне в голову, и я предложил встретиться и все это обсудить. Она согласилась... Киска за это время умудрилась сильно поправиться и определиться в своих желаниях. Понять, с кем можно просто бескорыстно развлекаться, а с кого можно за это сосать денег. – Давай будем встречаться, если хочешь, – предложила она. – Только жить я буду у себя, а ты у себя. Я прикинул, что при таком раскладе именно мне, видимо, придётся

оплачивать её квартиру. Куда она будет приводить парней. Будет будет. Иначе, скажите, зачем ей отдельная квартира? – Нет, дорогая. Я так не встречаюсь с девушками. Или мы вместе живём, и ты больше ни с кем не спишь. Или – извини. Предложение заставило её глубоко задуматься. Такая жизнь рушила её планы: а где и когда ей встретаться с режиссёрами? Где будет тот «диванчик, на котором распределяются роли»? – Я одна. Мне никто не нужен. Это ты потаскун, а я просто хочу спокойно, как овощ, жить одна и ждать прекрасного принца. – А может, ты замуж за меня хочешь? – догадался я. – Давай поженимся. – Хорошо, – заявила Киска. Поверила! Обалдеть. – Только ты мне за это купишь двухкомнатную квартиру на Чистых прудах и машину. – Хорошо. Поженимся, и я тебе потом куплю. – Нет! Сначала квартира – потом женитьба. – Идёт. Только заключим брачный контракт: прожили совместно пять лет – квартира твоя. – Пять? Нет, это много. Два года! Я тогда ещё по прежнему буду молода. – Молода?! Ты уже и сейчас не молодуха... – Пошёл вон! Захочешь жениться – сделай предложение красиво: цветы, дорогой подарок... Наутро, пораскинув мозгами, я решил, что дальше игру продолжать не стоит, – я её разоблачил и, так как всегда во всём был честен, позвонил ей и послал её подальше. Дальше была поездка в Санкт Петербург к жене. Надо заметить, что с момента исчезновения Киски из моей жизни я все пытался вернуться назад к родной семье. И даже в статье написал, что жена простила меня, но это прощение всё ещё было очень зыбким. Она колебалась. А тут и вовсе со мной почти перестали разговаривать. Путём нечеловеческих усилий я выяснил, что Киска – этот «Кот учёный» – позвонила ей и сообщила, что я приходил свататься и предлагал золотые горы, но она, как честная, молодая и красивая девушка, не могла выйти замуж без любви и отказала. Рассказав об этом, жена добавила от себя, что я гнида и предатель. Безусловно, в кошачьем переложении я таким и являлся. Но теперь у меня в голове застряла мысль о том, что Киска хочет отрезать мне пути к отступлению и вернуть к себе. Последний раунд Я звоню Киске и сообщаю ей, что все, что у меня было, оставил жене и сейчас абсолютно без денег (что, кстати, абсолютная правда), и поэтому уже просто НЕ МОГУ купить ей ни квартиру, ни машину. Она гробовым голосом отвечает, что все как всегда: «одним все, а другим ничего». Затем очень долго несёт какую то пургу об угнетавшей её со мной бытовухе, о том, что она молодая и красивая девушка и ей хочется тусоваться, а не готовить обеды, о том, что у нас разные интересы, о том, что я гондон, а она граф Монте Кристо, и в очередной

раз предлагает просто встречаться. И так: круг замкнулся. Сомнений не осталось. Актриска снова споткнулась – и зрители увидели её без маски. Публика покинула зал. ... Жене я отдал все, что у меня было. На эти деньги можно безбедно прожить до конца жизни. Я, конечно, очень надеялся и надеюсь, что она вернётся ко мне и простит, и теперь, когда у неё нет от меня материальной зависимости, вернуть её может только любовь. Я остался один. Через неделю понял, что схожу с ума. Нужно было что то делать. Я пошёл лечиться к психотерапевту. Теперь я практически здоров. Рыба к пиву Встречаются две проститутки. У одной на шее чёрная бархатная ленточка Вторая интересуется: – Что у тебя, траур какой то? – Нет! Это чёрный пояс по минуте. – Девчонки и, – ору я, высунувшись из окна машины, везущей меня, вдрабадан пьяного, после программы домой. Две чудесницы, торгующие у дороги своими юными телами, немедленно семянят к тачке. – Ну, кто из вас пойдёт? – Вообще то, сейчас очередь моей подруги, – сообщает одна деловитым тоном, словно продаёт билеты на карусель. – Но она сегодня первый раз на улице и не очень знает – как. Это ничего? В глубине души меня (и, видимо, даже моего водителя) пробивает на «хи хи». Очень уж девочка напоминает дореволюционного приказчика, торгующего селёдкой. – Ну, не знаю даже, – невольно начинаешь ёрничать, – Че, я учить, что ли, должен? Тогда уж залезайте обе в машину. Но плачу лишь одной. Они соглашаются. Откуда такие наивные только взялись? Та, у которой «наступила очередь», осторожно расстёгивает молнию на моих джинсах и наклоняет голову. Подружка наставница, сидя на первом сиденье, даёт рекомендации: «Зубами там, смотри, осторожно». – Ну что ты оттуда руководишь?! – сдерживая смех и получая удовольствие от бесплатного шоу, я начинаю командовать парадом. – У тебя подруга ни фи́га не умеет! Залезай сюда и помогай. Покажи ей, как надо. Девчонка даёт себя развести и перелезает к нам. – Так, только сиденье там не запачкайте, – волнуется водитель. – Да! Слышали, девчонки? – подзуживаю я. – Значит, глотаем. – Хофофо! – с набитым ртом соглашается де́бютантка и... проглатывает! – ...Вот! Молодец. Сделала все правильно, проглотила, – едва отдышавшись, общаю «новенькой». – Что там? Ну, кто проглотил? – заинтересовывается водитель. – Ты? Не верю. Ну ка покажи рот. Скажи а а а... – А а а, – совершенно серьёзно произносит девочка, не понимая, почему у двух взрослых людей это вызывает такие приступы плохо сдерживаемого смеха, что поневоле подумаешь, а в порядке ли они. ...И вот, получив деньги, жрицы продажной любви исчезают. Сервис.

Быстро, дёшево, удобно. Хорошо, что есть продажная любовь! Она – отдых усталого странника, которому не хочется искать «порядочных женщин», потому что потом им же нужно давать свой номер телефона, а трубку может взять жена. Порядочных нужно куда то выводить, опять же рискуя встретиться с кем то из подруг жены. Короче, геморрой для всех самцов, кто, дожив до определённого возраста, уже понимает, что семья – это святое, и рушить её из за приглянувшейся девки совсем не стоит. А тут раз – и готово. И никто не узнал. Если бы продажной любви не было, её точно стоило бы выдумать. Правда, на сегодня придумывать ничего не приходится. Ночные бабочки, расправив потрёпанные крылышки, неизменно порхают по тёмным улицам: мёрзнут в холод, мокнут в дождь, трепещат как перед бандитами, так и перед ментами. Помню, как две из них, наверное, по этой же причине, отказались садиться в машину. – Тогда где? – спяну не догнал я. – Ну, если минет, сделаем на улице. Вот у того дерева. Пришлось мне пьяненькому вылезти и, прислонившись к дереву, трясущимися руками расстегнуть ширинку. А они, встав натруженными коленками на траву, принялись за дело. Мимо, даже не притормаживая, проносились другие машины. А чего им тормозить: со стороны происходящее под этим баобабом, наверное, даже отдалённо не напоминало акт плотской любви. Скорее, как будто вышел человек из машины быстренько облегчиться. Раз два и... Ну, готово? Забавно нетрезвому самцу смотреть сверху на две белые мордочки, трудящиеся над его организмом. Более того, это зрелище вызывает скорее философские мысли, нежели эротические. Вот какую замечательную работу нашли! Девчонки, а че, другой не было? Вы бы хоть попробовали, может, у вас бы получилось. Но... бабочек эти мысли как будто и не посещают. Встали, отрянули пыль с колен, губки вафельные утёрли, получили зарплату, сказали спасибо и снова шагом марш – на боевой пост. ...С продажной любви – этого эротического фаст фуда, быстрого и самого честного – началась моя сексуальная жизнь и, может быть, ею и закончится? Жизнь развивается по спирали. Ты возвращаешься к тому, что когда то уже проходил. И удивляешься сам себе. Ведь однажды уже так было, и однажды оно тебе жутко надоело: каждый день какие то разные лица, которые даже не запоминаются; чужие бабы, холодные голоса, равнодушные вопросы: «Ну, ты все? Я могу быть свободна?» Все это приелось, и захотелось постоянства. Найти одну девочку, преданную, чистую душой. Нашёл. И понял, что прав был тот, кто сказал: «Будьте осторожны в своих желаниях. Вдруг они

исполнятся». Появление «постоянной» разрушило мою семью и чуть не сломало мою жизнь. Я едва удержался на плаву. Все потому, что поверил бабе. Я был обманут за то, что сам хотел быть обманутым. Сейчас я думаю, а пусть лучше будут такие, что стоят на улицах. Они же честнее. Это постоянные всегда врут. Только в самом начале отношений любовница довольствуется второй ролью. А потом – нет. Может, ты, по большому счёту, и не нужен ей в качестве мужа, но она все равно стремится разрушить твой брак. Для неё это, если можно так выразиться, дело чести. Вот в чём разница между мужчиной и женщиной? Самец хочет от многих самок одного. А человечка хочет многого, но от одного мужчины. И вступать опять в эту игру с очередной бабёнкой мне чего то неохота. Жопой чую – придётся снова применять все своё умение, чтобы противостоять её интригам. Я начинаю понимать, что «не стоит плыть против течения в мутной реке». Смешно, но таким определением можно охарактеризовать роман с «порядочной женщиной». И уж лучше другие порядочные. Те, у которых все по порядку – сегодня один, завтра другой... И за деньги. Они не засирают тебе мозги словами о любви, не звонят твоей жене и не мотают ей нервы. И обходятся они значительно дешевле, чем та «чистая душа», которая «искренне и бескорыстно тебя любит». Я бы даже не считал общение с ними за измену жене. Проститутки сейчас прочно укрепились в нашей жизни. Их на каждой гулянке подают, как рыбу к пиву. Ну скажите, как может мужчина продолжить победоносно начавшийся вечер без девок? (Прошу заметить, «продолжить» – это общепринятая тенденция, а не только моя.) Общение с проститутками началось в моей жизни давно, ещё в Питере. И я решил посвятить им отдельную главу, как бабам, имеющим место быть в жизни практически любого самца. Иногда чаще, иногда реже. Многим даже неинтересно будет читать о проститутках, они и так уже видят их насквозь. Но начинающим стоит подготовиться к встрече с этими примитивными существами и не удивляться тому, что они ленивы, не чисты на руку, и быть готовыми к бою... Тут, знаете ли, тоже вечный бой – «Плейбой» нам только снится. – Рома, а поехали куролесить и бедокурить! – Стоило порой закончиться программе, как возле меня нередко оказывался ктонибудь из загулявших посетителей клуба, многие из которых плавно превратились в завсегдатаев. Почему бы не поехать? Тем более что я и сам все равно собирался когонибудь, быстренько... на полшишечки. И мы отправлялись в баню. Практически всегда, только переступив порог элитной сауны, тут же вызывали «плавсостав». Эта женская сборная по

заплыву с вениками в джакузи имеет богатый опыт «общения» и оценивает физическое состояние клиентов с первого взгляда. И поэтому, когда мы однажды очень нетрезвой компанией заявили в баньку, девчонки моментально лениво и неторопливо пошли париться. А компания не менее фригидно полезла вынимать из карманов травку. – Я не курю! – сразу сообщил я. Мой организм, измученный нарзаном, громогласно изрекает – нет наркотикам. Очень меня с них сажает на измену. – Как знаешь, – сказали ребята и ушли... в небытие. Они ведь начали жрать пойло ещё до прихода в клуб, усугубили на программе и расклеились окончательно в сауне. А мне то что делать? Я ещё почти что трезв – перед программой не пью, – и душа у меня только только начала радоваться празднику. – Мужики, – бесполезно пытался я растрясти студенисто похрапывающие тела. – А веселиться как же? Ну, братья, у нас же ещё сестры есть. – Что? – прервав храп, поднимал голову один из бандерлогов. – Что что? Бабы ещё не использованы! – Да? Ну и х... с ними! – Нет, но вы же заплатили. – Мы заплатили, а ты трахай, если хочешь. Вообще то семь баб – это перебор! Но поскольку заняться больше совершенно нечем, – да и собственно, кроме как на баб никуда и не тянет, – не пропадать же такому прекрасному вечеру. И я направил свои стопы в оранжерею к этим... фиалкам: – Значит, так, собираемся и идём наверх в комнату отдыха! – Кто именно? – потягиваясь, свысока поинтересовались они. – Все! – А с кем туда идти? – Со мной. С одним. Они хмыкнули, несколько смутились, слегка удивились, но пошли. В комнате же столпились у матраса, не понимая – как? А в голове моей родился хулиганский, но, по моему, весьма комический сценарий. Ведь для чего нанимают проституток? Чтобы получить от них то, что не можешь получить ни от своей жены, ни от своей девушки. Мы платим проституткам именно за удовлетворение наших фантазий. Для того чтобы ломаться, у нас уже есть жены, которые, впрочем, этими выкрутасами портят самцам жизнь и доводят семейный союз до логического развода. Существует даже такой старый анекдот. Ложатся супруги в постель. Он: «Дорогая у меня к тебе три вопроса». Она: «В жопу не дам!» Он: «Тогда два». Она: «И и рот не возьми!» Он: «Тогда третий – на хрена ты мне такая нужна?!» На хрена такая хрень – вопрос таки риторический. А вот на кой хрен такая пловчиха – вопрос конкретный. ...Пора вернуться в банно прачечный комбинат. К семерым Белоснежкам. Если кто думает, что я начал штамповать их по очереди, то жестоко ошибается. Это буднично. Всё таки я, как никак, режиссёр массовых праздников! И мною

была выстроена гениальная круговая мизансцена: одна массирует мне левую руку, вторая – правую. Одна левую ногу, другая – правую. Пятая массирует голову. И ещё две с разных сторон делают минет. По моему хлопку вся массовка перемещается против часовой стрелки. И в этом пике моей режиссёрской славы одна из них портит весь спектакль, заявляя, что ей противно участвовать «во всём этом жутком разврате». – Вот как? Тогда деньги взад и мотай отсюда, – вежливо предлагаю ей. И барышня снова с головой уходит в работу. По большому счёту понятно, зачем они нужны – эти ночные феи – мне или абстрактно конкретному самцу: да просто расслабиться. Быть таким, какой ты есть. Потому что ты заплатил ей за время, и тебе до фонаря, что она думает о тебе и всех кобелях в частности. Это основное. Если же все происходит иначе – самец звереет. ...Когда я утром по телефону рассказывал одному из тех сломавшихся ребят, что было ночью, он дико хохотал. Ржал до тех пор, пока я не дошёл до места, как одна чуть не отказалась. – Надо было ей в морду дать! – решительно заявил он. – Эх, боярин, мягкий ты с ними. После этого я осознал, почему иногда бьют проститутку. В принципе по этой же причине часто достаётся и женщинам в семьях. В тот момент, когда она начинает вдруг корчить из себя оскорблённую клизму и «лезть в жопу», обычно и начинается скандал. Она скрипит: «Ах ты, сука, ты мне не купил... чего то там!» Самец молчит. Она воет: «Всем все покупают, а я, как нищенка!» Самец звереет окончательно. Она рычит: «У всех мужья, как мужья, а у меня жук навозный!» Самец делает стойку и, роняя пену изо рта, бросается на неприятеля. Такая дружеская перебранка нередко заканчивается тем, что самку просто выставляют из дома с чемоданами. Пусть качает права в другом месте. Это, заметьте, с супружницей. Но когда залупается проститутка, это вызывает ещё большее возмущение! Справедливый гнев. Ведь это просто беспредел какой то. Взяв деньги, она заключила сделку на выполнение эротических работ. И это не только с мужской точки зрения, а и с общечеловеческой. А теперь, представьте, проститутка делает минет и говорит: «Мне так не нравятся мужики с животами! Ну просто кошмар!... А это что – волос в рот попал? Ой, ну это просто ужас!» Так же, наверное, дико услышать: «У меня устали губки». Это бред. Это все равно, что я бы, стоя на сцене, сказал: «Что то затрахался выступать тут перед вами! Зрители вы фиговые, напились и шуток моих не догоняете. Пойду отсюда, выпью, поем в какомнибудь приличном месте». – «А кто будет вести концерт?» – «А меня волнует, что ли. Я устал. Сами ведите». Такое

нельзя даже представить! Ты получил бабосы и будешь за них ишачить. И окончанием твоей работы может быть только знак от главного: «Роман, спасибо. Вы можете быть свободны». Или: «Присаживайтесь к нам, давайте с вами выпьем, закусим...» Не только я и все работающие, но даже и чего то зарабатывающие самцы знают: НЕЛЬЗЯ нарушать условия трудового ДОГОВОРА. И точно с таким же подходом они нанимают девочек в сауну. Главное для девочек – создать обстановку добрососедского взаимопонимания. И чёрт с ними, если не умеют трахаться на потолке, – переживём. Гораздо хуже, если, взяв деньги, тут же хотят показать, что они совсем не такие. «Просто такова её судьба судьбинушка, спать с теми, кто ей не нравится. Ведь если бы не нужда нуждинушка, то с таким боровом, как ты, она бы даже срать рядом не села». Выслушав эту эсхатологическую манифестацию, самец опять начинает бить копытом и рычать: «Ты, толстожопая, вставай раком – я буду на тебе кататься, как на телеге! Две, вислогрудые, – будете лошадьми. Вперёд! Только вперёд, и ржать, как лошади!» Хамство никогда не рождается в голове самца моментально. По крайней мере, я таких отмороженных не видел. Обычно так себя начинают вести в ответ на хамство со стороны кобылицы. «Я бляди, к вам относился, как к людям! Предложил поесть, выпить, покурить! – мысленно ругается самец. – Я хотел мёда, а вы мне – дёгтя. Мне хотелось ложечку божественной амброзии, а вы мне – лошадиного говна на лопате». Проститутки не любят работать и предпочитают тянуть время: посидеть, покурить, поболтать, музыку пошлюхать. Может, конечно, ей и вправду интересно с тобой поболтать, но почему бы этим не заняться в свободное от службы время? К тому же ты чаще видишь, что эти б...яди собеседницы хотят отделаться малой кровью. А потом ещё нагло заявляют, что уже пора идти, но если ты, конечно, хочешь продолжения – плати ещё. Один мой приятель в похожей ситуации поступил довольно изобретательно. Прошмандовочки пришли и стали тянуть времечко: покурили, выпили, попели караоке, потом ещё пару песен и ещё покурили. Парень нервничал, вздыхал, очень хотелось, понимаете ли, трахнуться. Но он же не насильник. Он же джентльмен. Он же только говорил: «Ну, может, пойдём уже?» – «Сейчас сейчас, ещё пару песен». За десять минут до финала одна сказала: «Ну ладно! Пошли». – Хорошо, – ответил он и посмотрел на часы. – Время пошло. Девочки открыли рты. – А как вы хотели, нах? Вы че, бля, наколоть меня собрались? Вас, кривосики, нанимали трахаться, а не песни горланить. В провинции же у проституток свои причуды, свой колорит

и своё странное понятие о нравственности. Бывает часто так: два мужика снимают двух баб. Потом говорят, а давайте, девчонки, меняться. – Нет, мы не меняемся, – строго насупив густо накрашенные брови, бросают они. – Почему? – По кочану. Один с одной, другой с другой. – А какая ВАМ теперь то разница? – Нет, мы не такие. – Но объясните, почему?! И это чёткая упёртая провинциально проститутская позиция. ...Я слышал только об одной проститутке, которая не дала, и которой ничего за это не было, и у которой была веская причина – не дать. Но эта история запомнится всем её участникам надолго. В начале лета вчерашние школьники, дети богатых родителей (один из родителей – мой приятель), в честь окончания школы устроили мальчишник. Папы (скрытно от мам) оплатили им пьянку, включая и девочек, которых пацаны просто вызволили по объявлению. Прикол был в том, что одна из приехавших оказалась их школьной учительницей. Всего неделю назад они сдавали ей выпускные экзамены. «Ни фига себе! Вот это настоящий подарок на окончание школы!» – как щенки радостно прыгали они. – Мальчишки! – строго заявила учительница. – Даже не рассчитывайте! – Ну как же, как же, «Марьванна», ну давайте, а?! – Нет! Дети! Даже не уговаривайте! – сказала, как отрезала. И с этим пришлось смириться. Позиция правильная, хотя и непонятно, почему с такими моральными принципами пошла в этакий бизнес. Но дети разобрались с ситуацией. Её не тронули. Посадили за стол, поговорили о будущих экзаменах в институт. Когда ещё можно в непринуждённой обстановке побеседовать с учителем?! Что обидно, так это то, как бывает стыдно самим самцам, если их вынуждают на хамство. А как же промолчать в ответ на: «Да что вы себе позволяете. Как вам не стыдно. Да это грязно. Да мы у себя в Кривом Роге такого не видели...» То есть за твои деньги тебя же и поносят. Поэтому, когда один раз проститутки спёрли у меня пять тысяч долларов из кармана, я их простил. Посчитал, что это моя заслуженная кара. За хамство. За издевательство над женщиной. За растаптывание святых идеалов. А проституток тех снял тогда на Тверской. Я, вообще, их раньше всегда там снимал. Все приезжие в Москве только эту улицу и знают. И я, гастролируя в Москве, сразу ехал на знаменитую панель. Покупал двух трех наименее страшных и ехал к приятелю, который жил в шикарной квартире и именно там устраивал свои оргии. Деньги, конечно, были украдены, но где было искать тех бабцов? Неизвестно. А жене ничего не объяснишь, она ждала меня с капустой. Деньги тогда были очень нужны. Поэтому с утра пришлось звонить людям, которые

заказывали работу. Предлагали записать для них в студии шестьсот анекдотов и обещали заплатить по факту. Позвонил им в семь утра, сказал, что готов работать. Они опешили от столь раннего звонка, но согласились. Приехал к девяти, сожрав по пути пачку цитрамона. В тот день совершил вселенский рекорд, просидев в студии, не вылезая, семь с половиной часов, что невозможно в принципе. Но даже сейчас, слушая эту запись, удивляюсь тому, какая она бодрая и весёлая. Откуда только силы взялись? Домой приехал с деньгами. С тех пор в этом плане стал учёный. Воистину, пока не обожжёшься, ничему не научишься. Когда тебя первый раз обворовывает проститутка – ты не веришь в случившееся. «Как же это может быть, она ведь смотрела такими честными глазами». Поверить в это невозможно, как невозможно в первый раз поверить, что у тебя угнали машину. Смотришь в окно – её нет. И думаешь, да нет же, наверное, вчера поставил её в другом месте. Идёшь туда, потом обходишь вокруг дома. Машины нигде нет. Думаешь, может, ты вчера оставил её возле клуба. Едешь туда. И там её нет. А потом удивлённые менты спрашивают, почему сразу же не позвонил им. Было бы больше шансов. А ты отвечаешь, что искал её по всем углам. Так и с проститутками. Впрочем, я не мог поверить в воровство и во второй раз. Произошло это, когда шёл с приятелями, частыми посетителями моего клуба. Мы отдыхали в сауне, сняв целую толпу тёток. Тётки вскоре, отработав, разбежались, осталась лишь одна. Она дремала на диване. А я сунулся в карман: «Черт, денег нет!» Вся компания посмотрела в сторону спящей девушки. Наверное, она не спала. Спящие люди ни с того ни с сего так не бледнеют. – Сейчас мы кого то начнём п...ть! – задумчиво произнёс один из них. – Да погодите, мужики, – я остановил их. – Может, они из кармана выпали. – Ну да. В чужой карман. – Но девушка же не выходила никуда из комнаты. – Все равно будем! – легко парировали они. Слава Богу, никого не били. Одной этой весомой фразы было вполне достаточно. Девчушка, под предлогом того, что ей надо в туалет, свинтила в ванную и засунула деньги, которые до этого прятала в трусах до удобного момента, под ковёр... И жизнь ещё раз показала мне необходимость быть осторожным. Но как бы там ни было, ни украденные деньги, ни испорченное проституткой настроение не идут ни в какое сравнение с теми суммами и теми нервотрепками, какие может обеспечить любимая. Нет уж! На фиг! Умерла так умерла!!! Я вот проституток даже немного уважаю. Стырить деньги, находясь в такой тёплой компании, это сколько надо смелости иметь. Её же, наверное, инфаркт едва не накрыл. Я сам то

таких компаний опасаясь. И в чём то проститутки – честные люди. Они не врут, что любят тебя. Они отдают себе отчёт, во что влезли, и открыто говорят: «Мы не хотим работать. Нам нравится трахаться и получать за это деньги. Вы нас считаете плохими, а мы считаем, что и вы не лучше. Только вы из себя что то корчите. А мы таковы, каковы есть, и больше ни каковы. Это с одной стороны, а с другой – если говорить откровенно, я бы каждой поставил клеймо на лоб и повесил жетон на шею. Потому что такая потёртая жизнью красавица тоже ведь может притвориться валдайской целкой, захомутать мужика и женить на себе. А потом... Потом на вопрос друга: «Как же ты с ней?! Её же имел весь Бердичев!» – придётся отвечать: «Да был я в этом Бердичеве, так... Не очень то большой городок». Мужик должен знать все о прошлом жены и быть ко всему готовым. Вообще, пожалуй, в семейном законодательстве тоже нужно ввести Закон о потребителе, который действует в торговле. Чтобы мужчина – Покупатель – видел, что берет, и знал о скрытых дефектах товара. В противном случае у него должно быть право обратиться в суд. Пока что у нас по закону все наоборот: когда мужчина разводится с женщиной, ей достаётся пятьдесят процентов его состояния, даже если у них нет детей, и даже – что самое поразительное! – если он внезапно узнал, что его супруга в годы своей лихой молодости отсосала целому взводу солдат, проходившему мимо того самого дерева у дороги! Тогда ему будет проще убить её и сесть в тюрьму, чем стерпеть такой ход событий. И поэтому приходится переживать за таких «круто попавших» самцов. За себя я, в принципе, спокоен: мне повезло встретить любимую, когда она была ещё совсем юной и девственной. Но что делать тем, кому повезло меньше? Даже не знаю. Двадцать лет спустя Студент спрашивает у профессора: – Учитель, в вашей жизни все удалось, или что то вы хотели бы изменить? – Видите эти полки с книгами? Все их написал я... А когда мне было шестнадцать лет, я познакомился с чудесной девочкой, и мы пошли на сеновал. Но у нас ничего не получилось, мы всё время проваливались в сено. Так вот, если бы взять десяток этих книг и положить ей тогда под попу... На днях звонит мобильный, и в трубке щебечет невинный женский голосок: «Рома, как дела?» Пытаюсь изо всех сил сообразить, кто это? Ну, вы сами представьте, сколько баб может позвонить?! – Дела, да в общем, ничего. А у тебя? – Тоже. Хотела с тобой встретиться. Может, пересечемся гденибудь? – Давай. Интересно, кто же это? Минуту торможу, но голосок уже сам решил представиться. Оказывается, это моя бывшая танцовщица Срака. Та самая, что

признавалась мне в любви и тут же ехала трахаться за деньги. А впрочем, давно это было. А раз она звонит, то чего ж не встретиться? Всегда любопытно пообщаться с человеком, которого не видел столько времени... целых шесть лет! Правда, встреча все откладывалась. Срака не успевала поймать момент, когда я приезжаю в Питер. Или не спешила ловить. Разве её разберёшь. – А может, я приеду к тебе в Москву? Я все равно собиралась туда на денёк, – как то по телефону спросила она. – Приезжай, я сейчас один... Если ты на денёк. Следующий звонок от неё раздался в шесть утра: «Запиши номер поезда и вагон, – перекрикивая стук колёс, кричала Срака. – Я через час в Москве». – «Запиши адрес, сама доберёшься». Неужели я бы поперся её встречать?! С ума сошла. И продиктовав ей адрес, снова уснул до следующего звонка – уже в дверь. Открыл и... оторопел. Куколка заявила с огромным чемоданом! – Ты же сказала, что всего на денёк. – Да... Ну или на два. Какая разница, знаешь (тут Срака выдала что то невиданное), самое главное – мы снова вместе. «Мы?!» – В полном недоумении я задумался над этим «мы». То есть я плюс девица, которая шесть лет никак не давала о себе знать и совсем не интересовалась мною, да на которую и мне было насрать. Вообще то она говорила, что едет в Москву по своим делам, а не ради меня. «Мы снова вместе»... гм мм??? А она уже проскользнула в дверь, ловко втянув за собой тяжеленный баул, и тут же стала снимать с себя зимнее пальтишко. Которое – Бог мой! – носила ещё семь лет назад. Неужели за годы бл...ва ничего не нажила? Скорее, все профукала, будучи уверенной, что всегда найдёт богатого лоха. Ну а мне, впрочем, в такую рань все равно не хотелось разбираться в подробностях чужой биографии, и я отправился досыпать. Нежданно свалившееся на мою голову сокровище приняло душ и тоже полезло под одеяло. Заметьте, не я это предложил... А бывшая танцовщица, между прочим, потяжелела. Её роскошная жопа, и в годы юности своей хозяйки ведшая отдельное существование, нынче просто отвисла. На бёдрах появились растяжки. Да, обратно на работу в танцовщицы её уже и не позовёшь. Только если переспать по старой памяти. Проснулся я к обеду (которого, правда, так и не дождался) и отправился умываться. В ванной Срака уже по хозяйски расставила свою дешёвую косметику. Видимо, оглядевшись вокруг и поняв, что женщиной в доме (заметьте, не бедном) не пахнет, она решила, что и тут ей может подвернуться шанс – так зачем упускать. Правда, и от имеющихся у неё первоначальных планов она явно отказываться не собиралась. Пока я чистил зубы, её мобильник звонил два раза. Она

хватала его и выбегала в другую комнату пошептаться. Параллельно накрашивая мордашку, словно собиралась сегодня посетить конкурс красоты для отставных. Наконец, она закончила наряжаться и сказала, что «пойдёт погулять по городу. Ей очень хочется Третьяковку посмотреть». Понимая и разделяя её глубокую любовь к искусству, я все таки решил расставить точки над *i*. – Слушай, если у тебя в Москве мужик, но ты стесняешься заявиться к нему сразу с чемоданом, ты так и скажи. Я все равно тебе разрешу переночевать пару дней или оставить здесь вещи. – Как ты можешь такое думать! Я же сказала, что просто давно хотела тебя увидеть, – воскликнула она. – Неужели я могу так обманывать? – Ты ещё и не так можешь! – пришлось мне напомнить ей об этом. – Рома, перестань. Я решила, что хочу быть только с тобой! Вспомни, какая у нас была любовь! – Помню... Как ты наставила мне рога. А кстати, где тот наш общий друг – твой мужик? – Ах... Ну, в общем, он давно в прошлом. Да и не было у меня с ним ничего. Он меня просто подвозил. А потом мы с ним просто жили четыре года. Я люблю тебя одного. Вот сейчас только схожу в... в Третьяковку. И вернусь! Ещё раз глянув в зеркало и поправив пёрышки, птичка вылетела в подъезд, где её мобильный снова нетерпеливо зазвенел. ...Как вы уже, наверное, догадались, я в этот период жил один. Делать мне особо было нечего, а этот внезапный визит обещал некоторое разнообразие в жизни, лекарство от скуки. Интересно же посмотреть, как она на этот раз будет выкручиваться, когда её поймут на двойной игре. Ну если она вдруг не врёт – и правда пошла в Третьяковку, – тем более ужасно интересно посмотреть на такое невиданное чудо! Раскаившаяся грешница, кажется, такая, была в истории только одна, Мария Магдалина. Она была единственная – потому и прославилась! Народ просто обалдел. Кто в такое мог поверить? ...Срака не стала потрясать человечество. Так что чуда я не увидел. Нынче чудеса редки. Девочка продержалась паинькой ровно день. На второй день обнаружилось, что парень у неё в Москве всё таки есть. Правда, «он просто старинный друг и не более». – Ага. А ему ты про меня то же самое говоришь? – поинтересовался я у Сраки, когда после секса валялся с ней в постели. – Нет, Рома! Я же сказала тебе, что ты мне дороже всех, – она чмокнула меня и... снова засобиралась, видимо, в Пушкинский музей. На третий день её пребывания ко мне заехали старинные питерские друзья, и мы устроили пьянку. Махнув вискаря, Срака неожиданно раздухарилась. Слово за слово – она пообещала им, что немедленно станцует стриптиз: «Если вы мне заплатите». – «Как же это, ты

приехала к Роме, клянёшься ему в любви и уже готова раздеться перед нами?» – подкалывали они. Ведь у нормальных людей такое поведение ничего кроме недоумения не вызывает. «Только за деньги!» – дурное создание ещё считало нужным это уточнить. Но, вскоре поняв, что компания просто издевается над ней, она устроила нам всем истерику. Оказалось, это мы все плохие и «совсем не так её поняли», а она, может, вообще всегда любила только меня... Правда, на следующий вечер она снова улизнула из дома и на этот раз... гуляла до упора. Мне самому пришлось собрать в чемодан все её вещички, чтобы сразу выдать ей, как только она появится. В половине восьмого утра, осторожно открыв дверь ключом, который я сам ей дал... получила от меня чемодан в руки. А на что ещё она рассчитывала?! Ситуация дошла до полного абсурда. До настоящего кретинизма. Жить у меня. Крутить мозги и мне, и своему парню, который наверняка уверен, что мы с ней «только друзья» (для убедительности она могла наплести, что я живу с бабой), а к друзьям все равно, во сколько возвращаться. Ночью, утром... В общем то я сам дал этой ситуации дойти до предела. До маразма. Интересно же посмотреть, как себя будет вести охотница за двумя зайцами. Ведь должен наступить момент, когда надо выбрать, – ну ведь не разорвёшься же! Ан нет. Конечно, нормальный человек сразу бы её выставил. Но я тогда уже работал над этим трактатом, увлёкся, и мне было любопытно, что будет, если дать такой вот волю? Так что не судите строго – это был просто творческий эксперимент. Поэкспериментировал. Мои питерские друзья, наблюдавшие за этой удивительной картиной, поспорили со мной, что точно так же через шесть лет в моей квартире с чемоданчиком поношенных вещей, купленных ещё мною, нарисуетя Киска. С парой золотых колечек, уцелевших из той бездны, что пропала в ломбардах. Театрально заломит руки и воскликнет, что любила только меня! Всё остальное, ах, было горькой ошибкой! Что в переводе означает: «не нашла другого лоха, а сама ничего не умеет». Ктонибудь сердобольный сейчас скажет, а может, она и вправду раскаялась. Обожглась, получила возможность сравнить самцов, оценить, прозрела, поняла, что была не права, и, может, стоит её вернуть назад? За одного битого двух небитых дают. Хотят люди верить в чудеса. Но в случае с бл...ми чудеса не происходят. Они не знают любви. А может, это тенденция, и девочки, не зная любви, могут только выгадывать: «На красное или на чёрное?» А может выпасть и зеро. Срака однажды уже ошиблась. Между мною и постоянным гостем клуба выбрала последнего. Он торговал подержанными

машинами и был в шоколаде. До того, как не грянул кризис. Её, наверное, ошарашил этот момент. А у меня все тогда было в относительном порядке. Как мне говорил один мой знакомый азербайджанец: «Ромочка, помни, люди всегда будут пить, курить и трахаться». Я бы добавил к этому: «И веселиться». А раз будут, значит, будет нужен такой человек, как я. Стриптизерка все это просчитать не в силах. Но она прикидывает другое: разглядывая себя в зеркало, думает – я ещё не стара, даже, напротив, молода и красива. Может, ещё реально все вернуть? И она будет узнавать о тебе. Будет ловить момент, когда все у тебя плохо. В личной жизни, разумеется. Чтобы эффектно появиться в это время, утешить и привнести в твою жизнь необыкновенную радость. Разумеется, если она услышит, что у тебя плохо с деньгами, она не появится никогда. Я не хочу говорить, что это свойственно только танцовщицам стриптиза. Эти сомнения – а на какую лошадь ставить – свойственны очень многим женщинам. Просто, чем больше «лошадок», тем труднее выбор, тем выше требования. Стриптизерка выбирает из пяти тысяч, а обычная баба – только из пяти. Но меня уже тошнит. ...И на работе каждый день одно и то же. Приходят мужики, напиваются, и то там, то сям звучит банальная фраза насчёт продолжения банкета. «Девчонки, а может, и вы с нами?» Могут и согласиться. Нередко после прекрасно проведённой ночи им предлагают встречаться и дальше, а то и жить вместе. Так нет же. Заходишь в гримерку, а там обсуждение. Этот лысый, второй толстый, третий, хоть богатый, но жадный. – Хорош гнать! – вмешиваюсь я. – Жадный, значит, все в семье будет оставаться. Не будет по клубам прожирать. Свободный мужик, забирай. – Ой, Рома, да ладно. Последний день живём, что ли? – сообщают они и выглядывают в щёлочку из за кулис, кто же сегодня там в зале. А ну как там принц забрёл на огонёк? Абсентнику глотнуть. Они надеются, что появление принца будет ясно, как день. «Принц был молод, но статью свою и мелодикой трепетной речи поразил всех собравшихся в зале гостей, как во тьме появление свечи...» Сказка, е моё. А впрочем, и сказок они не читали. В сказках настоящие принцы всегда скрываются за образом Шрека. А девочки все ждут, ищут, не могут разглядеть, не могут поверить. Даже живя с принцем, косятся на других. И кажется им – ах, ещё не все потеряно. Кто то поманит, и она тут же сделает рывок. И в этом случае потеряет все. Её выставят. Принц тоже не дурак, он видит, что лягушка снова собралась на болото – женихов ловить. А с ним она просто... место застолбила. «Мурка задумчиво в небо глядит: может быть, там колбаса пролетит; мысль, что бывают

ещё чудеса, даже приятнее, чем колбаса». А че я все о них, да о них? Много ещё есть, чего вспомнить. ...Время в книге идёт быстрее, чем в жизни. И с момента, описанного в первой главе, когда я подростком мечтал подсмотреть, что там скрывается у девчонок в трусах, прошло больше двадцати лет. Целая жизнь. А выводы? А на фиг мне их делать, пусть их делает жизнь. Она сама все расставляет по местам. И я тут не режиссёр. Так – рядовой зритель, даже не из первых рядов. Сижу, курю, смотрю, что происходит с людьми, которых когда то знал. ...Вот года три назад нарисовалась Анна Сергеевна. Та самая красивая дылда, врачиха, которая убежала от меня по шкафам и не давалась без боя. Рассказала жуткую историю своей жизни. Живёт в северном городе, была замужем, развелась, остался ребёнок. Она ещё молода, какие то тридцать четыре, а мужика не найти. Даже для секса. – Как это?! – опешил я, вспоминая, как бились к ней в дверь ухажёры. Видная девочка была, образование хорошее... Кстати, и сейчас она ничего. – Да так, – ответила А. С., – зарплата мизерная. А чтобы познакомиться с мужчиной, нужно пойти в ресторан. Это значит, сесть за столик, что то заказать. Тут на колготки то не хватает. В клубах, конечно, заказывать не обязательно, но там за вход надо платить. Я был потрясён, потому что даже и не был знаком с такой стороной жизни провинциальной женщины. За что судьба задвинула её в такую жопу? И почему так быстро промчался её бабский век?... Пару раз в год она позволяет себе оттянуться. Приехать в Питер к подруге, вместе с ней пройтись по Невскому, по снимать мужиков. В больших городах типа Питера и Москвы хотя бы улицы есть, где знакомиться можно. А в маленьких – на улицах не принято. Если только ты не школьница студентка. ...Где то год назад приезжал Артур. Живёт по прежнему с той же самой супругой в её родном, тоже провинциальном городе. Работает... разнорабочим на стройке. Мы с ним решили вспомнить молодость, сыграть и спеть на улице, в переходе. Понять, не потеряли ли мы в мастерстве, соберём ли снова толпу и деньги. Говорят же, что вор карманник должен раз в год обязательно выходить на улицу подтверждать профессионализм. Так и артисты должны проверить, смогут ли они собрать публику прямо на улице. Там сложнее, чем на концерте, где зрители уже привязаны к креслам платой за билет. Вышли. Я оторопел: на нас налетели гоблины, подземные жители. Конченые наркоманы с вакуумом в глазах, сквозь которые видна задняя стенка черепной коробки. Я и не знал, что их так много. «Рома, Рома! Привет! Расскажи анекдот!» Нам набросали мелочи, решили, мы прикалываемся...

Пока мы так работали, я увидел, что Артур остался на том же уровне, что и десять лет назад. Он совсем творчески не вырос со времён студенчества. Так же, как и десять лет назад, нажрался. Так же у него лопнула струна. Точно так же, как и раньше, не было запасной... Черт, мы в своё время перестали работать вместе из-за его пьянства. Я злился на него и даже больше на его суженую. Возможно, другая баба сделала бы из него человека. Не давала бы ему пить или ещё что то делала. Может, и подтолкнула бы его к каким то действиям. В какой нибудь момент взяла бы и заявила: «Достал ты меня своими песнями. Пятнадцать лет поешь одно и то же. Возьми напиши ещё что нибудь!» Но она сидела, подтирала говно и восхищённо лепетала: «Сыграй ещё, мне так нравится, как ты поешь...» Её жертвенная всепрощающая любовь закончилась очень печально. Он пятнадцать лет фигачит одно и то же. Потому обречён на нищее существование. Но все равно уверен, что «самый лучший», что «солнце». Разве такой судьбы он был достоин?! Быть разнорабочим и получать полторы тысячи рублей в месяц?! Хорошо, конечно, когда баба любит тебя таким, какой ты есть; хорошо, когда верна тебе. Вот только одной верности недостаточно, чтобы самец мог состояться как мужчина. Для семейного очага, конечно, достаточно, а вот для жизни, если ты хочешь двигаться по ней вперёд и с песней, – нет. Но это не вина бабы, что ОНА ТАКАЯ. Она, сама по себе, все равно не может испортить жизнь самцу. Она может только помочь ему пройти ЕГО путь, но сама не может пройти эту дорогу вместо него. Это, знаете, как палка, которая валяется на дороге. Ты можешь проехать на машине так, что она пробьёт колесо. Но та же самая палка, если идёшь с ней по болоту, может спасти тебе жизнь. Есть мультик про ёжика. Он нашёл палку и понял, что она может быть и черпалкой, и копалкой, и в драке отбивалкой и т. д. Потом он её выбросил. А наблюдавший за ним заяц офигел: «Ты чего?! Это же такой ценный предмет». – «Да чего там, палка она и есть палка. Все самое главное – у нас в голове». Философия: сама по себе вещь бесполезна, нужна ещё соображалка, как её использовать. Женщина может быть опорой. Моя жена была. И она пожертвовала собой, чтобы мне помочь. Именно поэтому я оставил ей все. И квартиры, и деньги. Она реально поставила на себе крест, хотя была самой лучшей актрисой на курсе. Но бывают такие слабые палочки, что, когда опираешься на неё в трудный момент, она ломается. А бывают ещё шикарные трости из слоновой кости, которые являются просто сувениром. На такую нельзя опираться, её можно держать в руке и всем показывать. Все будут говорить: ах,

какая трость. Чудесно, пока тебе не нужна будет опора. Но мозгом должен быть мужчина. А женщина пусть будет черепом. Мужчина – мясом, а женщина – приправой. Есть такое грузинское блюдо – бараньи котлеты на косточке. Их готовят в виноградном соусе. Он кислывато сладковатый. Вкус мяса от него становится совершенно другой. И это очень интересные ощущения. Гурманское сравнение, но я именно этого жду от женщины. Чтобы она придала моей жизни новый вкус. Вроде жизнь то та же самая, а все чуть иначе и вкуснее. А вот Киска была как Анна на шее. Повисла, и ты отстаёшь за жизнью. Все идут вперёд. А ты занят только ею, тратишь на неё время и энергию, сама она не может ничего делать; требует от других повышенного внимания. С такими бабами остаёшься на том же уровне, а то и тормозишь. У кого то потерянное время. У кого то потерянные жизни. Я вот, например, ничего не знаю о том талантливом прыщавом мальчишке из Казахстана, которого женила на себе «прекрасная» бурятка. Знаю только что он не стал известным артистом, – ну раз он не на виду. У них уже в двадцать лет было двое детей, а это большой камень на шее! Может, у него хватило сил пробиться, и он стал хотя бы состоятельным человеком? Хотя это мало кому удалось из моих знакомых. Зато эта... Получила то, что хотела, – мужа. ...Всё таки мне повезло, что я сам сделал свой выбор. Никто не хотел меня захомутать в студенческие годы так, что я бы сдал назад. Поэтому у меня вроде все получилось. Дом построил. Сына родил. Дерево... посажу на днях. В чём смысл жизни и где истина?... Я, конечно, могу и об этом поговорить. Но роман то мой о бабах. Может, истина всё таки в том, что мне до сих пор интересно посмотреть, что у «Наташки» в трусах. Кажется, не только мне. Судя по обилию стриптиз клубов, которые открывают мои ровесники (да я и сам тут приложился), это всем до сих пор интересно. Может, это вообще основной показатель того, что самец в нас ещё жив. И именно так просто все и должно быть, и только мы что то усложняем. Как в анекдоте. И вопрошал Он у них: «Кто, говорите вы, есть я?» И ответствовали они: «Ты – эсхатологическая манифестация, данный нам контекст нашей сущности...» И вопрошал Он: «...Чего, бля?» Послесловие... и спасибо всем И создал Бог женщину... Получилась зверушка хитрая, но забавная. ...Забыл! Забыл, что в каждом приличном и практически автобиографическом романе надо сказать спасибо комунибудь из главных участников или всем им сразу. ... Но я все равно не знаю, кому ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС можно его сказать? Я ведь даже имена изменил или убрал потому, что многие из них, прочитав роман, решат, что я

издеваюсь и что они «несчастливые жертвы». И мало того, что я ляпнул лишнего, так ещё и вывел их имя фамилию в конце такого «гнуснейшего опуса». Да ещё «спасибо» сказал, гад!... А они точно сочтут его гнусным, потому что кто же любит правду? И всё таки одной из них я могу сказать спасибо именно здесь и сейчас, а именно – Елене Черданцевой (имя настоящее – не изменённое), журналисту, практически писателю и литературному редактору этого замечательного, на мой взгляд, творения. Его появлению на свет я во многом обязан именно ей (и представляю, как за это возненавидят её многие из моих знакомых телок). ...Что должно отличать хорошего литературного редактора? Образование? Наверное, да. Но в случае со мной редактор должен отличаться редкостным чувством юмора и умением понимать то, что хочет сказать автор. А у женщин, как правило, нет ни чувств, ни юмора, нет даже понимания того, что им говорит умный мужчина. И только редкие особи умеют слушать, а Черданцева к ним относится. Более того, за время работы со мной она научилась схватывать на лету ход мыслей любого самца и просчитывать его на два хода вперёд! Так, однажды, прихватив редакторшу с собой, я отправился в клуб, и там мне очень захотелось склеить одну из официанток. Я ведь сейчас мужчина холостой. Обменявшись с девочкой телефонами, я вернулся за столик, где поела халявный ужин сия гениальная литераторша. – Ну? – поинтересовалась она. – Завтра встречаемся! – гордясь собой, сообщил я. Дожевав кусок кошерной свинины, запив едомое стаканчиком дорогущего, но тоже бесплатного пойла и ещё раз бросив внимательный взгляд на мою официантку, она изрекла: «Значит, завтра сводишь её в какойнибудь японский ресторан, где есть шведский стол? Подаришь ей цветы, пересподишь пару раз, а потом скажешь, что к тебе возвращается бывшая любовница, и ты ни с кем, кроме неё, не будешь общаться? Так ты задумал?» Попала в десятку. И японский конвейер (очень экономно), и цветы (бабы клюют на подарки), и дальнейшие отношения... Но угадать! А может... и хорошо, что эти особи, типа Черданцевой, слишком редки. Работать с ними, конечно, приятно. Спасибо им. И юмор они догоняют. Ответьте мне, что это будет за жизнь, если бабы будут просчитывать нас наперёд? Эдак ведь и проживёшь до могилы без греха. Кошмар!!!!!!!

www.feedbooks.com
Food for the mind